This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav
4350
52.11
WIDENER
HN 9RC2 4

Slav 4350.52.11

Slav 4350.14.11

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

Class of 1828

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

С. Подъячевъ.

Среди рабочихъ

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1905.

Digitized by Google

Slav 4350.52.11
~~Slav 4350.14.11~~ ✓

HARVARD COLLEGE
AUG 3 1907
LIBRARY.
Ill. not fund.

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(Очерки съ натуры).

I.

Нѣсколько разъ, еще зимой, въ январѣ „навѣдывался" я къ управляющему и каждый разъ слышалъ отъ него одно и то же:

— Погоди, работы нѣтъ. Навѣдайся весной, — возьму...

Пришла, наконецъ, и весна... Стояли послѣдніе дни апрѣля... Было тепло... Снѣгъ таялъ вездѣ давнымъ давно, и дни были солнечные, ясные съ плавающими по прозрачно-лазурному небу облаками, съ ослѣпительно блестящими краями, и грузными, какъ горы...

Въ рощахъ трещали прилетѣвшіе дрозды, куковали кукушки... Надъ полями, трепеща крылышками и точно захлебываясь отъ радости, тирликали жаворонки; по болотамъ и низкимъ мѣстамъ жалобно кричали, точно плакали, чибисы... Изрѣдка, въ прозрачной лазури, высоко-высоко пролетали

Digitized by Google

журавли, оглашая воздухъ своимъ характернымъ крикомъ, нагоняющимъ на душу какую-то непо нятную грусть...

— Приходи, братъ, перваго мая!..—дождался я, наконецъ, приглашенія отъ управляющаго, — да только смотри, другъ ситный, будешь пьянствовать, прогоню и разсчета не дамъ... У меня—держи ухо востро...

— Да ужъ будьте покойны,—сказалъ я, оглядывая его кругленькую, маленькую, точно надутый пузырь, фигурку и мысленно посылая его къ чорту,—будьте покойны...

— Ну, ладно... смотри... Жалованья десять цѣлковыхъ... харчи наши... по праздникамъ не работать... ну, и... ноги, руки, талія и такъ далѣе... Однимъ словомъ... съ Богомъ ступай... не задерживаю!..

II.

Перваго мая, раннимъ утромъ, я былъ на мѣстѣ... На площадкѣ, противъ оконъ квартиры управляющаго, нѣсколько человѣкъ запрягали въ „фуры“ лошадей, собираясь куда-то ѣхать...

Я сѣлъ на ступеньки крыльца и сталъ ждать, когда проснется и выйдетъ „самъ“...

Рабочіе, запрягавшіе лошадей, кричали на нихъ, громко ругались и смѣялись... Огромный тупорылый боровъ шатался по площадкѣ, ковыряя

Digitized by Google

своимъ пятакомъ землю, и отрывисто хрюкалъ, точно кашлялъ. Сизый, хохлатый селезень, потѣшно переваливаясь, бѣгалъ за бѣлой уткой, которая громко, отчаянно кричала, убѣгая отъ него: ахъ! ахъ! ахъ!.. Двѣ собаки, красавецъ понтеръ и шаршавая, грязная дворняга, лежали въ тѣни и ловили зубами мухъ... Множество куръ, всевозможныхъ породъ, бродили по площадкѣ. Пѣтухи въ задоръ, другъ передъ дружкой, то и дѣло пѣли, стараясь перекричать одинъ другого. Изъ конюшни слышно было, какъ ржали лошади и кричали кучера, убирая ихъ... Около открытыхъ дверей погреба двѣ бабы пахтали масло, вертя колесо съ боченкомъ, въ которомъ переливалась и шлепала сметана...

Когда рабочіе, наконецъ, запрягли и съ трескомъ уѣхали куда-то, къ бабамъ подошелъ высокій широкоплечій, сутуловатый мужикъ и сталъ что-то говорить, вѣроятно, смѣшное: бабы громко засмѣялись...

Постоявъ около бабъ, мужикъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, глядя на меня изъ-подъ нависшихъ бровей маленькими, непріятно злобными глазами:

— Здорово!.. ты что сидишь?

— Ничего,—сказалъ я.

— Къ самому?.. найматься? — опять спросилъ онъ и сѣлъ рядомъ со мной на ступеньку крыльца.

— Да,—отвѣтилъ я.

Digitized by Google

Мужикъ помолчалъ немного, скосивъ глаза, оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и произнесъ, растягивая слова, точно пропѣлъ:

— Та-а-а-къ... А до этого ты гдѣ жилъ?..

— Дома.

— А чей ты?.. аткеда?.. дальній?..

— Нѣтъ.

— Стало быть, тутошней губерніи?

— Да.

— Та-а-а-къ! — пропѣлъ онъ опять. — Грамотный?..

— Маракую.

Онъ опять помолчалъ и вдругъ, какъ-то скрививъ тонкія губы въ усмѣшку, произнесъ:

— Работать-то, я гляжу, ты, парень, не того...

— Что такъ?..

— Да такъ ужъ... гдѣ вамъ... чаи распивать вы мастера, московскіе-то... жалованье дарма получать... избалованный народъ... да!.. А тутатко, братъ, работать надыть... Водочку, чай, сосешь, какъ медвѣдь лапу... ась?..

— А тебѣ какое дѣло?..

— Мнѣ-то?.. да такъ... нарядчикъ я тутошній... н-да!.. не люблю лодарей... Я тутатко шестой годъ живу... Самъ князь меня обожаетъ... такъ-то, другъ!.. Нарядчикъ я!—опять внушительно произнесъ онъ и, нахмуривъ и безъ того хмурыя брови, уставился на меня, вѣроятно, отыскивая, такъ ска-

Digitized by Google

зать, на моемъ лицѣ впечатлѣніе отъ своихъ словъ.

Я промолчалъ и свернулъ папироску

— Вотъ куришь,—началъ опять онъ,—а дома, поди, ребятенки пищатъ... Н-да... баловство... не люблю я... бѣсу потѣха... тьфу!..—Онъ плюнулъ и вдругъ, торопливо поднявшись, шепотомъ произнесъ:—Самъ идетъ... вставай!..

III.

На крыльцо, хлопнувъ стеклянной дверью, вышелъ „самъ“. Одѣтъ онъ былъ въ какую-то сѣрую куртку съ синимъ воротникомъ и большими блестящими пуговицами. На головѣ фуражка съ двумя козырьками,—спереди и сзади; рабочіе называютъ такіе головные уборы по своему: „здравствуй и прощай“. Свѣтлыя брюки были заправлены за голенища блестяще вычищенныхъ сапогъ... Сильный запахъ духовъ сирени шелъ отъ него, какъ отъ цвѣтущаго куста... Кругленькое румяное лицо лоснилось, точно отполированное... Въ одной рукѣ онъ держалъ тросточку съ набалдашникомъ въ видѣ головы какого-то мудреца, а въ другой—дымящуюся сигару...

Увидя его, нарядчикъ, сдернулъ съ головы картузъ и, какъ-то изгибаясь, глядя на него заискивающими, точно у провинившейся собаки, глазами

Digitized by Google

и самъ похожій на собаку, крадущуюся подъ тетерева, сказалъ:

— Съ добрымъ утромъ, баринъ... здравствуйте! все ли здоровы-съ?..

— Здорово, Егоръ!—кивнувъ головой, отвѣтилъ „самъ“.—Ну, что... а?.. какъ?..—И, увидя меня, онъ воскликнулъ:—А-а, пріятель, пришелъ!..

Онъ остановился и глядѣлъ на меня, попыхивая сигарой и стуча тросточкой о перилы крыльца.

— Пришелъ, а?..—повторилъ онъ и, обернувшись къ нарядчику, добавилъ:—вотъ, Егоръ, новый рабочій... а?..

— Слушаю-съ!—сказалъ Егоръ.—Да только,—продолжалъ онъ, — осмѣлюсь вамъ доложить, баринъ: будетъ ли онъ работать-то?..

— А что?..

— Жиденекъ-съ... А главная причина: тутошній, московскій... Сами изволите знать,—народецъ!.. скандалисты... пьяницы. Сказать опять ничего нельзя: того гляди, норовятъ въ рыло-съ... Грѣхъ одинъ... набалованный народъ, необузданный... Прямо надо говорить: никакого трепету нѣтъ... все не такъ, да не эдакъ... „Харчи плохи“, „на работу рано будишь“... Матершинники тоже — наказанье Господне!.. Сказать ничего нельзя: „чортъ“, „дьяволъ“, только тебѣ и званья... Народъ только развращаютъ... смутьяны!.. По моему, осмѣлюсь доложить, не надо брать его,—онъ кивнулъ на меня,—

Digitized by Google

дальняго бы какого... А между прочимъ, воля ваша съ...

— Такъ какъ же быть? — вопросительно глядя на меня, произнесъ „самъ“ и добавилъ: — слышишь, а?...—И, видя, что я молчу, онъ нахмурился и, застучавъ тросточкой по перильцамъ, продолжалъ, возвышая голосъ:—У меня чтобъ тихо!.. Его слушать!—указалъ онъ сигарой на нарядчика. — А то къ чорту! Приведу урядника... связать прикажу... выдеру!.. разсчета не дамъ... Хамы!.. идіоты!.. смѣютъ разговаривать!.. Молчать!—закричалъ онъ весь красный и, видя, что я и то молчу, обратился къ нарядчику и сказалъ:

— Чуть что, — за урядникомъ!.. За прогулъ и вообще,—снова обратился онъ ко мнѣ, — за порчу инструмента, за лѣнь — вычетъ... двойной!.. понялъ... а?..

— Понялъ,—отвѣтилъ я.

— Остаешься?

— Остаюсь.

— Егоръ, поставь его на дѣло!.. Рабочіе уѣхали?

— Такъ точно.

— Я пойду въ конюшню... Какъ нога у Стрѣлки?

— Полегше.

— Ну, поставь его! — опять сказалъ онъ, кивнувъ на меня,—а коли что, къ чорту...

Онь сошелъ съ крыльца и направился, помахивая тросточкой, черезъ площадку къ конюшнѣ...

Digitized by Google

IV.

— Ну, пойдемъ!—сердито хмурясь, произнесъ нарядчикъ и добавилъ со злостью и презрѣніемъ:—Работники!.. дери васъ деромъ...

Онъ повелъ меня къ какому-то деревянному строенію, какъ оказалось послѣ, банѣ, и, подойдя къ ней, сказалъ, указывая на камни, „голыши“, сваленные въ кучу, а также разбросанные вдоль забора:

— Вотъ эти каменья таскай... Бери-ка-съ! Пойдемъ, укажу на кое мѣсто... Ну, шевелись, нечa думать-то...

Я взялъ два камня и пошелъ за нимъ. Камни были тяжелые, и нести ихъ было неловко. Я прижималъ ихъ къ груди, боясь выронить, и мысленно ругался.

Нарядчикъ долго шелъ вдоль забора и, наконецъ, свернувъ налѣво, въ ворота, подвелъ меня къ какой-то избѣ.

— Складывай здѣся... Куфню поправляютъ, — пояснилъ онъ, указавъ на работавшихъ около избы плотниковъ,—печку тоже новую класть станутъ... Камень-то этотъ подъ нее и пойдетъ въ бутъ... Торопиться надо... Князь скоро пріѣдетъ—жить на лѣто...

Бросивъ камни и обтеревъ рукавомъ рубашки потъ, я оглядѣлся кругомъ.

Digitized by Google

Налѣво отъ кухни, шагахъ въ тридцати, стоялъ старый, потемнѣвшій отъ времени, барскій домъ... Огромные липы и тополи росли около него, раскинувъ вѣтки по крышѣ, точно щитъ. Домъ этотъ лицевой стороной, гдѣ была терраса, выходилъ въ садъ. Садъ этотъ, видимо, былъ красой имѣнія: безконечныя аллеи тянулись къ югу отъ самаго дома внизъ, подъ гору. Верхушки деревьевъ переплетались между собою, представляя тѣнистые, могучіе своды... Чрезъ темную чащу лишь кое-гдѣ пробивалась въ аллеяхъ узкая полоса солнечнаго свѣта. Длинными рядами и цѣлыми купами стояли столѣтніе дубы, липы, тополя... Тутъ же росли въ изобиліи лиственницы, пихты, ели и сосны, гордо возносившія свои темно-зеленые кроны кверху надъ другими деревьями... Серебристая кора рѣдкихъ березъ, какъ бѣлыя привидѣнія, мелькала кое-гдѣ въ чащѣ.

По низу дико и прихотливо разрослась заросль... Кусты сирени, волчьихъ ягодъ, орѣшника, вереска раскидывали безпорядочно-прихотливо свои вѣтки, перепутанныя, представлявшія мѣстами почти непролазную одичалую чащу.

Въ лѣтніе знойные дни въ этомъ саду царила непробудная мертвая дремота. Изрѣдка только гдѣ-то высоко, надъ вершинами деревьевъ, пронзительно крикнетъ ястребъ и снова все тихо...

Не то было весной, когда только что начинали

Digitized by Google

шумѣть по оврагамъ говорливые ручьи, и высоко надъ землею проносились угольники журавлей. Весь садъ былъ полонъ веселымъ гамомъ птичьихъ голосовъ...

На опушку прилетѣли уже въ свои старыя гнѣзда горластые грачи, и крики ихъ раздавались по саду съ утра до ночи... За ними послѣдовали скворцы, потомъ сѣрыя трещетки, дрозды... Садъ ожилъ. Все въ немъ пѣло, чирикало, свистало и щебетало на разные голоса, стараясь перекричать другъ друга. А по утреннимъ и вечернимъ зорямъ и во всю короткую майскую ночь, въ кустахъ, по берегамъ огромнаго садоваго пруда раздавались чудныя соловьиныя трели. Въ тихія весеннія ночи казалось порой, что подъ эти трели, при таинственномъ лунномъ свѣтѣ, по аллеямъ сада бродятъ тѣни давно умершихъ „сіятельныхъ“ людей и тоскуютъ, и плачутъ, вспоминая прежнее величіе...

Постоявъ немного, я снова направился къ банѣ за камнями и когда возвратился назадъ, то одинъ изъ плотниковъ усмѣхнулся и сказалъ, обращаясь къ товарищамъ:

— Гляди, ребята, вотъ почему и лошади-то нонѣ дешевы... на себѣ, вишь, таскаетъ... Эхъ, ты, голова! И охота тебѣ?

Я промолчалъ.

„Почему, въ самомъ дѣлѣ, не перевезти камни

Digitized by Google

сразу на лошади?"—думалъ я однако про себя, и тотъ же вопросъ предложилъ попавшемуся навстрѣчу нарядчику.

Онъ ехидно захихикалъ и сказалъ:

— Вишь ты!.. Лошадь! А тебѣ тогда что же дѣлать?.. Зачѣмъ животну зря мучить?.. Таскай, парень, таскай... не сумлѣвайся.

— Да вѣдь время даромъ теряемъ! — сказалъ я.

— А ужъ это, братъ, не твоя забота... Ѣшь—что поставятъ, дѣлай—что заставятъ... Помалкивай... А не хошь—какъ хошь... Слыхалъ, что самъ давича сказалъ: „къ чорту"! больше ничего!

Онъ засмѣялся и зашагалъ отъ меня прочь...

V.

Этой дурацкой и утомительной работой я занимался до самаго обѣда, т. е. до 12-ти часовъ дня. У меня болѣла спина, руки и грудь, а главное, разбирала злость на нарядчика, который очевидно глумился надо мной, испытывая мое терпѣніе и вымещая свою досаду на „тутошнихъ", т. е. московскихъ рабочихъ.

Ровно въ 12 часовъ позвонили къ обѣду.

Къ большой избѣ, стоявшей поодаль отъ другихъ построекъ, потемнѣвшей съ виду, шли со всѣхъ концовъ люди... Здѣсь были рабочіе мужики,

Digitized by Google

и плотники, и конюха, и садовники, и бабы-пололки, и бабы-скотницы.

Вмѣстѣ съ другими я тоже вошелъ въ кухню. Все здѣсь было грязно, черно, покрыто копотью, паутиной и наполнено какимъ-то особеннымъ гадкимъ запахомъ.

Налѣво отъ входной двери разлеглась огромная печь, занимавшая полъ-избы, грязная и ободранная, съ бѣгающими по ней тараканами... Направо, въ углу стояла койка ночного сторожа и передъ ней висѣла люлька; въ люлькѣ барахталось и визжало живое существо, завернутое въ грязныя тряпки, отъ которыхъ шелъ непріятный острый запахъ... Подальше, начиная отъ передняго угла, гдѣ виднѣлись покрытые копотью и паутиной образа, стоялъ длинный, широкій и необыкновенно грязный столъ со скамьями по обѣ стороны... Въ заднемъ углу за печкой были нары, на которыхъ валялась разная рухлядь: армяки, полушубки и т. п.

На стѣнѣ, между оконъ, неподалеку отъ образовъ висѣлъ загаженный мухами портретъ Ивана Кронштадтскаго и картинка, на которой былъ изображенъ чортъ, державшій въ рукахъ пьяницу, съ надписью внизу: „водка есть кровь сатаны“... Тутъ же висѣлъ листъ бумаги, на которомъ крупными буквами старательно было написано: „ругаться матерно строго воспрещается“... Бумага эта была

Digitized by Google

скрѣплена собственноручной подписью „самого“: „Карлъ Ивановичъ Бергъ, ученый управитель“...

Мнѣ пришлось сѣсть съ краю, рядомъ съ какимъ-то парнемъ, молодымъ, румянымъ, съ шапкой густыхъ волосъ, похожихъ на трепанный ленъ.

Когда всѣ кое-какъ торопливо и безпорядочно размѣстились, „стряпка“, краснощекая, гладкая, бойкая бабенка, жена ночного сторожа, крикнула отъ печки:

— Всѣ, што-ли-чка?...

— Всѣ!—отвѣтилъ нарядчикъ и, взявъ ковригу хлѣба, сталъ рѣзать ее на ломти... Стряпка поставила передъ нимъ деревянный большой, грязный кружокъ, три огромныхъ похожихъ на лоханки чашки, ножикъ, сдѣланный изъ косы и, подойдя къ печкѣ, гдѣ стоялъ на шесткѣ большой чугунъ со щами, достала желѣзной вилкой, похожей на вилы, объ двухъ рожкахъ, кусокъ чего-то длиннаго, дымящагося, съ виду напоминавшаго портянку. Со словами: „посторонись... ошпарю!..“ она шлепнула передъ нарядчикомъ это „что-то“ на деревянный кружокъ...

Нарядчикъ всталъ, засучилъ рукава и, взявъ въ правую руку ножъ, началъ рѣзать это что-то на мелкіе куски.

— Ну ужъ и солонника!—сказалъ одинъ изъ рабочихъ, сидѣвшій по другую сторону стола напротивъ нарядчика, — за непочтеніе къ родите-

Digitized by Google

лямъ жрать ее... Истинный Господь... маханина это...

— Поболѣ да потухлѣе!—сказалъ другой.

— Сойдетъ! — сказалъ опять первый съ горечью:—свиньямъ да рабочимъ все годится.

— А дома-то, небось, коклетки жрешь?—вскинувъ на него глазами, произнесъ нарядчикъ и, облизавъ языкомъ грязные пальцы на лѣвой рукѣ, опять принялся „крошить“.

— Да тебѣ то что ни дай—все сожрешь.—отвѣтилъ первый рабочій.—Извѣстно, Рязань косопузая! Вы дома-то у себя ашметкомъ свиную болтушку хлебаете!

— На меня нонѣ ни одна собака еще не лаяла,—сказалъ нарядчикъ,—ты вотъ [первый затявкалъ...

— Самъ ты собака! виляешь хвостомъ передъ самимъ...

— Отстань, жулье московское!

— Какъ тебя не лаять-то, чортъ! Тебя бить надо... плачешь, да бьешь...

Нарядчикъ промолчалъ и, раздѣливъ приблизительно поровну на три кучки накрошенную солонину, разложилъ ее по чашкамъ.

Стряпка, дожидавшаяся, пока онъ кончитъ эту процедуру, взяла чашки и понесла ихъ къ печкѣ, чтобы налить щей, запахъ которыхъ, кислый и противный, наполнилъ уже все помѣщеніе кухни... Щи были очень плохія, черныя, отдававшія горечью.

Digitized by Google

Ѣли молча, точно сердясь на что-то. Слышалось чавканье, стукъ ложекъ... Когда чашки со щами опорожнились больше, чѣмъ на половину, наряд-чикъ постучалъ о край и сказалъ:

— Таскай совсѣмъ!

Начали „таскать“ совсѣмъ... Солонина была съ сильнѣйшимъ „душкомъ“, до того жесткая, что не было никакой возможности разжевать ее и приходилось глотать кусками.

Послѣ щей подали гречневую кашу съ растопленнымъ и совершенно тухлымъ свинымъ саломъ... Каша была не проваренная и не крутая, бѣлая цвѣтомъ, похожая на „размазню“. Ее ѣли молча и не всѣ: ужъ очень отвратительно пахло саломъ!

Тѣ, кто ее ѣлъ, молча „вылѣзли“ изъ-за стола и, не выходя изъ кухни, стали курить.

Я тоже „вылѣзъ“ и, сѣвъ около койки ночного сторожа, сталъ приглядываться къ народу и прислушиваться къ разговорамъ.

VI.

Ко мнѣ подошелъ парень, сидѣвшій рядомъ со мной за столомъ, и, глядя на меня большими прекрасными глазами, похожими на васильки, сказалъ, улыбаясь пухлыми розовыми губами:

— А ты чей?.. откеда? дальній, а?..

Digitized by Google

Я поглядѣлъ въ его доброе лицо и, тоже улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не дальній.. Здѣшній...

— А я рязанскій!—проговорилъ онъ и повторилъ радостно:—да, рязанскій... Данковскаго уѣзду.

— Голодъ у васъ тамъ былъ,—сказалъ я, чтобы сказать ему что-нибудь.

— Былъ!—опять радостно воскликнулъ парень и, помолчавъ, прибавилъ:—Жуть!.. Да ты-то почемъ знаешь?..

— Знаю... слыхалъ...

— О-о-о!.. грамотный, что-ли?

— Грамотный...

— Я тоже грамотный!—съ видимой гордостью и сдѣлавъ серьезное лицо, сказалъ онъ.

— И чего ты, Тереха-Воха, врешь!—вступился въ нашъ разговоръ пожилой долгобородый мужикъ, сидѣвшій на скамьѣ у стола неподалеку отъ насъ.—Какой ты грамотный? „Вотчю“ по складамъ читаешь!..

— Ладно!—весело воскликнулъ парень,—толкуй, кто откуль... Какъ ни какъ, а все поболѣ твоего знаю.

— Мы не хвалимся,—отвѣтилъ мужикъ,—гдѣ намъ! Насъ не учили... Водку, небось, лакаешь здорово, а?..—спросилъ онъ вдругъ у меня и, не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ:—Ахъ, ребята, ребята, не пейте вы, главная причина, водку..

Digitized by Google

Ядъ это... кровь сатаны... На что и грамота, коли водку жрешь... А ужъ ежели пьешь,—такъ пить-то надо умѣючи.. Вотъ я вамъ разскажу, какое чрезъ нее дѣло произошло.

Онъ всталъ съ мѣста, пересѣлъ къ намъ, утеръ губы рукавомъ рубашки, встряхнулъ длинными, лѣзшими на глаза, волосами и началъ:

— Жила, видите ли вы, други милые, баба одна и былъ у ней мужъ, къ примѣру сказать, хучъ вотъ такой, какъ ты... И пилъ онъ, прямо надо говорить, мертвой чашей... Ладно! А-а-тлично! Ужъ что только она съ нимъ ни дѣлала—пьетъ и шабашъ. Ладно! Вотъ и научи ее одна старушонка, бабу-то эту, какъ сдѣлать, чтобы, значитъ, отвадить его отъ вина... Возьми ты, баитъ, желанная, съ трехъ упокойниковъ, въ то, значитъ, самое время, когда ихъ обмываютъ, воды этой самой, подай ему испить... какъ рукой, баитъ, сыметъ!.. Ладно! Извѣстно, баба такъ баба и есть,—дура... достала этой самой воды... песъ ее знаетъ, гдѣ она раздобылась!.. исхитрилась, дала ему испить, пьяному... Ну, ладно!.. Испилъ онъ этой самой воды и потянуло его, значитъ, ко сну... спать захотѣлъ... Говоритъ женѣ: пойдемъ спать на вышку. Ладно! Пошли спать... Поутру встаютъ домашніе: нѣтъ молодыхъ... не идутъ съ вышки, а ужъ время. Завтракъ на дворѣ... Что такоича за оказія, говоритъ свекровь... пойти, баетъ, поглядѣть... Влѣзла

Digitized by Google

туды... глядь, анъ тамъ вотъ какой грѣхъ вышелъ!

Разсказчикъ помолчалъ, обвелъ глазами всѣхъ слушателей и продолжалъ:

— Съѣлъ онъ, значитъ, жену-то свою... обгладалъ какъ есть, до чиста! Взяли его... связали... туды-сюды... пято-десято.. А онъ и говоритъ: я, говоритъ, не одинъ ѣлъ... Насъ, говоритъ, трое ѣло... Д-да! вотъ оно какое дѣло-то... Баба мнѣ это одна разсказывала

— Заливаетъ твоя баба, Устинъ, здорово! — сказалъ кто-то.

— Вотъ те и заливаетъ... Не заливаетъ, а истинная правда. Не вѣрите вы. Умные больно стали...

Онъ помолчалъ немного, набилъ табакомъ глиняную трубку, покурилъ и заговорилъ опять.

— Въ грамотѣ-то что проку? Учатъ учатъ, а правды все нѣтъ... грѣха не прохлебаешь! Возьмемъ къ примѣру сказать, волость, судъ тоись нашъ... Каки порядки? Кто дѣломъ правитъ?.. писарь... человѣкъ грамотный, ученый... Ладно... а-а-тлично! — а что толку? Опять предсѣдателевъ взять... ворочаютъ, какъ имъ вздумается. Кто виноватъ, — по ихнему выходитъ правъ.. сухъ изъ воды вылѣзетъ.. Сдѣлалъ угощенье, задобрилъ судей-то праведныхъ... залилъ имъ глотки — неправда на правду и перекинулась... Такъ-то!..

— Ты семейный?—спросилъ я.

Digitized by Google

— А то какъ же... хресьянинъ я... дома только мало живу... Всю жизнь по людямъ... да нонѣ и по людямъ-то плохо стало... Умножилось народу, тѣснота! Хозяева нашимъ братомъ, прямо надо говорить, какъ мочалкой трутъ... Въ деревнѣ жить— не у чего... Земли нѣтъ. Тяжелыя времена подошли! И грамота твоя ничего не помогаетъ... Какая грамота, коли жевать нечего... Не до нея! Сытому-то, родной, и молиться гоже...

Онъ замолчалъ и затѣмъ воскликнулъ:

— Десятина на душу! вертись, какъ хошь... нанялъ бы, да негдѣ... А тутъ подати: хучъ роди, а давай... А гдѣ ихъ взять?.. Житье не дай Богъ!..

Онъ махнулъ рукой и замолчалъ...

VII.

Я вышелъ изъ кухни и пошелъ къ крыльцу дома, въ надеждѣ увидать управляющаго. Но его не было: пока мы обѣдали, онъ уѣхалъ куда-то. Отъ нечего дѣлать я подошелъ къ погребу, гдѣ подъ навѣсомъ, на низенькой скамейкѣ, сидѣла какая-то пожилая баба съ ребенкомъ на рукахъ... Ребенокъ пищалъ безостановочно, настойчиво, жалобно, точно котенокъ, выкинутый въ канаву... Баба сидѣла, склонившись къ нему лицомъ, и не дѣлала никакихъ попытокъ унять его крикъ... Казалось, она спала, и въ ея позѣ было что-то жал-

Digitized by Google

кое, пришибленное, робкое... Я спросилъ, почему она не хочетъ покормить ребенка грудью или дать соску, чтобы онъ затихъ.

— Да онъ, батюшка, не съ голоду блажитъ, — заговорила она, точно проснувшись, и съ какимъ-то испугомъ взглянула на меня,—такой ужъ онъ мозглявый съ роду.. скулитъ тебѣ и скулитъ.. Ни дня, ни ночи спокою нѣтути... Болѣзнь такая,— пояснила баба, — старость собачья.. таетъ, ровно свѣчка... Ты глянь-кась на него... Страсти Господни!..

— Что-жъ ты не лѣчишь его!—взглянувъ на ребенка, почти съ испугомъ воскликнулъ я.

— Какъ, родной, не лѣчить... лѣчили!.. пытали мы съ нимъ мыкаться... Что ни что дѣлали... запекали...

— Запекали?..

— Да, бабушка запекала... Поутру затопили печку... Взяла баушка его, положила на хлѣбну лепешку да до трехъ разовъ и совала въ печку горячую.

— Ну, и что же?

— Ничего... толку-то ничего нѣтути... И не мретъ. Не беретъ Господь... Не беретъ и не беретъ!.. У другихъ вонъ, посмотрѣть, мрутъ, а на этого и смерти-то нѣту... Притка его знаетъ, что таперича съ нимъ и дѣлать...

— Ты что-жъ, — здѣсь живешь? — полюбопытствовалъ я,—аль къ мужу пришла?

Digitized by Google

— Какой, батюшка, къ мужу... нѣтути! мужъ мой дома въ деревнѣ.. Къ невѣсткѣ я пришла.. У приказчика здѣшняго, у самаго, значитъ, у набольшого въ кухаркахъ она живетъ... Ну вотъ поживу у ней тутатко недѣльку, погощу... Болѣто не велятъ: самъ то туды, сюды... сама строгая, разстрогая, — нѣмцы, извѣстно.. Дома-то мы, родной, какъ тебя звать не знаю, бѣдно живемъ... почитай, ѣсть нечего... Дай Богъ здоровья молодой... выручаетъ.. три цалковыхъ вотъ обѣщала... ею только и дышемъ... Да и ей-то гдѣ взять: дѣло бабье... Таматка, въ деревнѣ-то, у ней еще есть ребеночекъ по самому году... Сироты остались.. Наказанье Божье! О, Господи Исуси!

— А вѣдь я думалъ,—твой ребенокъ-то,—сказалъ я.

— Что ты, что ты, батюшка, Господь съ тобой!— воскликнула она съ испугомъ,—на кой они мнѣ, прости Господи, лядъ!. и безъ нихъ тошнехонько! Внучекъ это мой. . апосля покойника сынка остался... У меня вѣдь сына-то нонѣ передъ мясляницей убило...

— Какъ убило?—спросилъ я, дивясь тому равнодушно-мертвому тону, съ какимъ она произнесла эти слова, и глядя въ ея моргающіе, слезящіеся глаза.

— Убило, батюшка, убилс деревомъ... Господу, знать, такъ угодно!.. Пошелъ это онъ въ рощу,—

Digitized by Google

начала она, совсѣмъ повернувшись ко мнѣ, — не одинъ пошелъ... четверо ихъ пошло.. двѣ значитъ пары.. Лѣсъ они таматка подрядились валить двѣнашникъ, на барской дворъ... Ну, ладно... Отвели имъ на каждую, значитъ, пару по полосѣ... Ну, и Господь знать, такъ ужъ вышло: повалила другая-то пара елку, и пошла она прямехонько на мого Сережку... Братишка-то Колька извернулся... успѣлъ какъ-то, ухляснуло его, значитъ, только, а мой не успѣлъ... прямо ему вотъ по этому по самому мѣсту хватило вершиной... весь черепъ снесло! словно корова языкомъ слизнула... Какъ ткнулся, такъ Господу душеньку и отдалъ... Крови-то вышло . Царица небесная, Матушка!

Она помолчала, высморкалась пальцами и продолжала:

— Пошло это дѣло по суду... Нарядили караулъ.. Мы тутатка тоже... я, старикъ, молодая .. безъ души стали! Ревмя ревемъ! Легко ли, самъ суди: кормилецъ вѣдь... ростили, ходили, ночей не досыпали, куска не доѣдали... Ну, ладно... Лежитъ это онъ въ лѣсу... сутки лежитъ, другіе лежитъ... а морозъ-то, Господи Исуси! замерзъ онъ весь, значитъ, аки сосулька... Молодуха катается коло его... реветъ бѣлужиной... На третьи сутки прибылъ становой, дохтуръ... перетащили его въ сторожку... Опосля этого, милый человѣкъ, учали его потрошить... Бѣлое его тѣло пластать.. За-

Digitized by Google

ступница!!. Вина, вишь, въ емъ искали, пьянъ, значитъ, не былъ ли?.. А онъ отъ роду и въ ротъ не бралъ... Дохтуръ рукава засучилъ по локоть... Цыгарка въ зубахъ. По брюху-то какъ звѣздорѣзнетъ кулакомъ, инда духъ вышелъ .. „Эка, баитъ. малый-то былъ, свекла“... Ну, знамо, ничевошенько не нашли... Зашили опять на скору руку.. готово дѣло! принимайте! можете теперь хоронить...

Она опять высморкалась и продолжала:

— Привезли мы его домой.. обмыли, обрядили. Вѣришь Богу, родной, какъ тебя звать не знаю, народъ-то весь плачетъ, на насъ глядя... жалко! Каждый по себѣ мѣритъ... Ну, похоронили... поминки сдѣлали!.. телку огульную продали... до пьяна народъ-то напоили... Хучь пѣсни пѣть... Ахъ, батюшки,—перебила она сама себя,—никакъ меня кличатъ!..

Съ крыльца въ открытую стеклянную дверь звали ее.

— Мамка, мамка!.. иди обѣдать... оглохла, что ли?!.

Баба вскочила и торопливо, почти бѣгомъ пошла къ крыльцу.

Я всталъ и, ожидая, когда позвонятъ на работу, пошелъ бродить по имѣнію.

Digitized by Google

VIII.

Имѣніе было большое, но наполовину запущенное, съ какими-то развалившимися постройками, поросшими крапивой.

Когда-то, въ годы еще не столь отдаленные, оно процвѣтало.

Всюду виднѣлись мѣста бывшихъ строеній: груды кирпича, часть стѣны, полуразвалившаяся башня и т. п.

Но и теперь еще многое уцѣлѣло отъ прежняго величія. Все это, уцѣлѣвшее, было сложено изъ огромнаго кирпича, не такого, какъ дѣлаютъ теперь, легкаго и мелкаго, а прочнаго, фунтовъ по 18-ти вѣсомъ въ каждомъ Уцѣцѣли амбары, рига, конюшня, скотный дворъ и какіе-то два полукруглые флигеля, называвшіеся богадѣльней, гдѣ доживали на покоѣ, дожидаясь смерти, человѣкъ пять-шесть бывшихъ „подлыхъ людишекъ“...

Видъ этихъ уцѣлѣвшихъ построекъ былъ какой-то страшный, тяжелый и мрачный. . Отъ нихъ такъ и вѣяло стариной и ужасомъ крѣпостного права!..

Въ особенности гадко выглядывали флигеля съ какими-то потемнѣвшими, загаженными, мрачными окнами, съ крышей, мѣстами провалившейся, поросшей отъ древности какимъ-то мелкимъ плотно

Digitized by Google

приставшимъ, точно приклееннымъ къ тесницамъ, похожимъ на бархатъ мохомъ, съ крыльцами, на которыя вели сгнившія ступеньки, съ холодными, похожими на склепы, сырыми сѣнями.

Двѣ огромныя, корявыя березы росли около этихъ флигелей и точно заслоняли ихъ отъ бурь, протягивая надъ крышами свои длинныя вѣтви... На вершинахъ этихъ березъ грачи вили свои гнѣзда, и грачиные крики съ утра до ночи придавали еще болѣе унылый видъ старымъ флигелямъ...

Подъ окнами, близь крыльца, на низенькой скамейкѣ, сидѣли и грѣлись на солнышкѣ два сѣдыхъ древнихъ старца безъ фуражекъ, въ длинныхъ старомодныхъ сюртукахъ... Они о чемъ-то перекидывались словами, и оба сидѣли, упираясь на палки съ набалдашниками...

Когда я проходилъ мимо, одинъ изъ нихъ вдругъ застучалъ палкой объ землю и закричалъ:

— Шапку... шапку.. про-про-хвостъ!.

Я остановился, не понимая, и съ удивленіемъ глядѣлъ на эти типичныя „халуйскія“ фигуры.

— Шапку долой!.. кланяйся!—опять закричалъ старикъ,—ахъ ты, прохвостъ! шатается тутъ...

Я невольно засмѣялся... Какой далекой, далекой стариной вѣяло отъ этихъ старцевъ!..

Видя, что я смѣюсь, старикъ совсѣмъ обозлился и, приподнявшись съ мѣста, замахнулся

Digitized by Google

на меня палкой и закричалъ визгливымъ голосомъ, шамкая беззубымъ ртомъ и брызгая слюной:

— Не видишь, подлецъ, кто передъ тобой?.. Голова отвалится, — поклониться-то... вольница поганая!..

Я отошелъ отъ нихъ и, услыша звонокъ, призывавшій на работу, отправился снова таскать камни...

IX.

Работу кончили поздно вечеромъ. Всѣ рабочіе, опять по звонку, отправились на кухню ужинать... Было часовъ около десяти... Въ кухнѣ было полутемно, и поэтому пришлось зажечь лампу. Сѣли за столъ, стряпка подала щей... Щи были остывшія, почти совсѣмъ холодныя, разбавленныя водой, противныя... Нѣкоторые попробовали, но, хлебнувъ ложку-другую, бросили и сидѣли, насупившись, усталые, голодные и злые... Одинъ только нарядчикъ молча и рѣдко хлебалъ, сурово сдвинувъ брови и не глядя ни на кого... Что-то упрямое, злобное и вмѣстѣ съ тѣмъ затаенное и рабски подлое было въ его фигурѣ. Всѣ видѣли и отлично понимали, что дѣлаетъ это онъ намъ „на зло“, дѣлаетъ въ угоду „самому“... Но никто не рѣшался высказать это вслухъ, боясь быть завтра же прогнаннымъ.

— Давай кашу!—крикнулъ кто-то.

Digitized by Google

— Нѣту каши!—отозвалась кухарка,—кашникъ какой! И такъ хорошъ... За обѣдомъ жралъ... Кака тебѣ еще каша... Чай знаешь: не полагается...

— Да какого самдѣли чорта!—закричалъ вдругъ сидѣвшій съ краю, въ переднемъ углу, широкоплечій, черный, съ суровымъ лицомъ, съ засученными по локоть жилистыми руками, мужикъ, какъ я узналъ послѣ, — кузнецъ. — Не жрамши намъ быть! Аль мы за ради Христа здѣсь живемъ?.. Идемте къ самому!

Онъ всталъ и вылѣзъ изъ-за стола.

— Идемте! — опять онъ крикнулъ и обвелъ всѣхъ глазами. Но никто не двинулся съ мѣста.

— Тьфу! – плюнулъ кузнецъ, — дьяволы! ахъ вы, злая рота! трусы!.. Я одинъ пойду... мнѣ наплевать... Разсчетъ давай... аль я себѣ хлѣба не добуду.. Дьяволы!..

Онъ вышелъ, сильно хлопнувъ дверью и громко ругаясь.

— Ишь, ловкачъ!—усмѣхнувшись, вымолвилъ нарядчикъ,—харчи, вишь, нехороши... Кто я! безъ него-то, диви, людей нѣтъ... Сто человѣкъ на его мѣсто, только свисни.. Кузнецъ! мастеровой!.. Ха! Не такимъ сшибали рога-то...

Никто не отвѣтилъ. Всѣ сидѣли молча и ждали.

Минутъ черезъ двадцать пришелъ кузнецъ и привелъ съ собой „самого“.

— Что такое, а? — закричалъ „самъ“ визгли-

Digitized by Google

вымъ голосомъ, весь красный, съ выкатившимися глазами, - что такое?.. Егоръ, а?.. Встать!—вдругъ пронзительно завизжалъ онъ на насъ, — в-встать!!.

Мы всѣ, какъ школьники, поднялись и стояли въ неудобныхъ позахъ, тѣснясь въ узкихъ проходахъ между столомъ и скамейками.

— Ну, что такое?

— Жрать нельзя... падаль! — угрюмо произнесъ кузнецъ.—Собака жрать не станетъ... сбѣсится!..

— Молчать! — завизжалъ управляющій, — не у тебя спрашиваютъ... Егоръ, объясни...

— Я, баринъ, докладывалъ вашей милости, — началъ нарядчикъ, выйдя изъ за стола и стоя передъ „самимъ“ на вытяжку,—какой народъ: все не такъ да не этакъ... Люди ѣдятъ, ничего... а имъ, вишь, плохо... Извольте спросить у другихъ...

Управляющій обвелъ насъ всѣхъ глазами и спросилъ:

— Кто недоволенъ харчами, говорите... ну, кто?

Всѣ молчали, опустивъ головы... Что-то унизительное, гадкое и жалкое было въ этихъ опущенныхъ головахъ.

— Кто?--опять повторилъ управляющій.

— Да вы попробуйте!—сказалъ я, не вытерпѣвъ.

— Что?—спросилъ управляющій, сдѣлавъ большіе глаза и дернувъ головой кверху точно лошадь, которую неожиданно ударили по мордѣ.

Digitized by Google

— Вонъ онѣ щи въ чашкѣ, попробуйте,—снова повторилъ я.

— Какъ ты сказалъ? повтори!—сказалъ „самъ“ послѣ продолжительнаго молчанія, во время котораго я чувствовалъ, что всѣ глаза устремлены на меня

Я хотѣлъ еще разъ повторить сказанное и уйти, но въ это время къ управляющему подскочила кухарка и заторараторила, какъ сорока:

— Баринъ, батюшка, врутъ они... шти какъ шти... холодныя малость—только и всего... Не диво что холодныя: сколько часовъ стоятъ... печка-то выстыла . За обѣдомъ давеча сколько слопали... Добавила водицей, знамо... только и всего... шти какъ шти... хучъ кому хлебать...

— Ну, что жъ вы?—обратился къ намъ управляющій и, помолчавъ, сказалъ: - Кому не нравится, можете убираться къ чорту!.. Завтра разсчетъ... Я найду такихъ, кому будетъ нравиться.— И повторивъ еще разъ: — Къ чорту! — торопливо вышелъ изъ кухни.

Всѣ молчали... Нарядчикъ опять забрался на старое мѣсто и началъ хлебать щи... Кузнецъ дрожащими пальцами вертѣлъ папироску.

— Ловко!—сказалъ онъ,—вотъ такъ ловко!—И, обратившись къ нарядчику, крикнулъ: — А все ты, чортъ сѣрый, глотъ!.. погоди, дьяволъ, погоди!..

Digitized by Google

— Не грозись! — спокойно произнесъ нарядчикъ,—не страшно...

— Погоди!—опять повторилъ кузнецъ. — Сволочь... бабникъ, чортъ!.. А ты, шкура барабанная,—набросился онъ на кухарку,—чего егозишь.. хвостомъ-то вертишь... сво-о-о-лочь!..

— Отъ сволочи слышу!—огрызнулась кухарка.

— Трепалка... язва... у-у-у, убить тебя мало! Кабы тебя на мои зубы... Дуракъ мужъ-то глядитъ... не видитъ...

— Чего не видитъ-то? чего не видитъ-то? — завизжала кухарка,—сказывай!

— Чего... чего... Трепло!.. Снюхались... потрафили другъ дружкѣ... го, го, го! . а мужъ-то дуракъ... Эхъ вы, дьяволы!.. тьфу! .

Онъ плюнулъ и ушелъ изъ кухни на улицу.

— Слышали, люди добрые?! — закричала кухарка, обращаясь къ намъ—будьте свидѣтели!..

— Не трещи, не трещи, дура, лахудра!—заговорилъ ночной сторожъ, ея мужъ, — заплевала... Правда-то, видно, бѣльмы колетъ...

— Молчи, гнилой песъ... туда же?..

— Робята!—закричалъ вдругъ кто-то изъ рабочихъ, перебивая перебранку, — что-жъ намъ не жрамши быть? Валяй на пятнадцати винтахъ!.. давай воды... кроши хлѣба!

Всѣ дружно и торопливо принялись крошить руками хлѣбъ; наполнили этимъ крошевомъ чашки,

Digitized by Google

налили въ каждую изъ ушата холодной воды, посолили, „пустили“ въ каждую чашку по ложкѣ чернаго горькаго „постнаго“ масла, и шурцовка „на пятнадцати винтахъ“ была готова!..

— Валяй, робята..

IX.

Поужинавъ, рабочіе начали располагаться спать. Кто полѣзъ на нары, кто устроился на скамейкахъ... Я сидѣлъ и искалъ глазами мѣста, гдѣ бы можно было приткнуться на ночь. Мѣста не находилось, а на грязномъ полу ложиться не хотѣлось, да и подостлать было нечего.

Изъ этого критическаго положенія вывелъ меня веселый парень, Тереха-Воха.

— Юфимъ,—кричалъ онъ кому-то,—идемъ, что-ли!—И, обратившись ко мнѣ, прибавилъ:—пойдемъ и ты съ нами!

— Куда?

— Въ сарай спать... гоже! А тутъ —продолжалъ онъ, скаля бѣлые, какъ снѣгъ, зубы,—жуть! Клопъ... У тебя покрыться-то нѣту?.. Наплевать... забота! моимъ кафтаномъ покройся, а я полушубкомъ... Юфимъ!..—опять закричалъ онъ.

— Да иду, иду, лѣшай! торопила!.. И куды гонитъ... диви на пожаръ.

И съ этими словами къ намъ изъ-за печки

Digitized by Google

вышелъ старый, сѣдобородый, высокій и худой рабочій.

— Ну, Тереха-Воха, ѣдемъ!—сказалъ онъ и ласково добавилъ:—Рязань косопузая...

— Вотъ и онъ съ нами,—сказалъ Тереха, кивнувъ на меня.—Вновѣ... жалко!..

— Не трожь идетъ,—сказалъ Юфимъ:—мѣста хватитъ

Мы вышли изъ хаты и направились къ сараю, стоявшему поодаль отъ другихъ строеній... Это было огромное, старинное строеніе, крытое желѣзомъ, со сквозными, расположенными другъ противъ друга воротами такъ, чтобы можно было въѣзжать въ сарай съ возомъ съ одной стороны и, скинувъ возъ (въ сарай убиралось сѣно), выѣхать порожнемъ въ другія ворота.

Въ сараѣ было темно и пахло клеверомъ... Мужики смѣло, а я осторожно ступая, боясь споткнуться и упасть въ потьмахъ, прошли на извѣстное, облюбованное ими раньше мѣсто въ углу и опустились на землю. Я сдѣлалъ то же.

— Пошарь руками кругъ себя,—сказалъ мнѣ Тереха,—посбирай ошурковъ... подложь подъ себя... кафтаномъ прикройся... Да, правда, не холодно... благодать!.. Ворота что-жъ не прикрыли, а?.. Закрыть, что ли, дядя Юфимъ, а?

— Не трожь открыты,—сказалъ Юфимъ и добавилъ:—Ночь-то теперича съ воробьиный шагъ...

Digitized by Google

На хозяйскую руку тянетъ... Ну, правда, и нашему брату почетъ другой... А дай-ка вотъ лѣто придетъ, мѣсяцъ іюль—хозяину въ рыло плюй... Нужны мы тогда!

Онъ помолчалъ и добавилъ:

— Чу, какъ на рѣкѣ лягушки кричатъ.. рады теплу.

— А грому вотъ еще не слыхать... знать, не было еще,—сказалъ Тереха.

— Былъ!—произнесъ Юфимъ,—я слышалъ... намедни ночью... Ты спалъ...

Они замолчали... Въ открытыя ворота смутно бѣлѣло что-то, похожее на туманъ. Гдѣ-то далеко подъ горой, на рѣкѣ ухала выпь... Гдѣ-то, тоже далеко, звонили въ сторожевой колоколъ.

— Кто это кричитъ, а?—спросилъ Тереха.— Дядя, Юфимъ, слышь?..

— Птица... выпь...

— Что-жъ она какъ страшно, словно стонетъ... Жуть!

— Стало быть, такъ ей надо.

Они опять помолчали довольно долго. Потомъ Юфимъ сказалъ:

— Завтра праздникъ, не работать.—И обратился ко мнѣ:—Землякъ!.. слышь, что ли, спишь?

— Нѣтъ!—сказалъ я.

— Денегъ готовь,—продолжалъ онъ,—на гудуху... въ винополію завтра пойдемъ...

Digitized by Google

— Это зачѣмъ же?

— А затѣмъ... порядокъ здѣся такой заведенъ: какъ, значитъ, новый придѣлился,—четвертную съ него... Ничего, братъ, не попишешь... Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не пойдешь.. А деньги нарядчикъ дастъ... опосля зачтетъ... Эхъ, хе, хе!—зѣвнулъ онъ,—аль уснутъ, что ли?

— Не хотца чтой-то, - сказалъ Тереха и добавилъ:—ты разсказалъ бы, дядя Юфимъ, что-нибудь... пра, ей Богу...

— Про что разсказывать-то... Нечего разсказывать... все переговорено... Спи-ка.

— Въ деревню бы теперь, домой,—вздохнувъ, произнесъ Тереха.—Живы-ль, нѣтъ ли... писемъ не шлютъ...

— Чего ты таматка не видалъ? — сказалъ Юфимъ,—небось, тамъ и жрать-то неча... Знаю я вашу сторону... сѣрый народъ... Не даромъ гововится: Рязань косопузая... Косопузая и есть.

— А ты нѣшто былъ въ нашей сторонѣ?—воскликнулъ Тереха

— Ты спроси, гдѣ я не былъ,—отвѣтилъ Юфимъ и, помолчавъ, произнесъ:—Н-н-да... Всего было... О, Господи помилуй!.. Тереха ты Воха, ничего-то ты, братъ, не смыслишь... большой ты малый, а дуракъ дуракомъ и уши холодныя... проведетъ тебя всякій, дурака, да выведетъ... Простъ ты!.. А простота-то хуже воровства... Женить тебя, дурака, надо.

Digitized by Google

— Подняться, дядя Юфимъ, нечѣмъ... нужда... жуть!.. а жениться деньги нужны... успѣю еще...

— Успѣть-то успѣешь, а всетаки...

— А ты, дядя Юфимъ, женатый, а?—спросилъ Тереха-Воха.

— А тебѣ что?

— Такъ я.

— Былъ женатъ... Э, да что съ тобой... спи!...

— Померла, знать, жена-то?—спросилъ Тереха.

— Померла... да...—тихо отвѣтилъ Юфимъ и вдругъ совсѣмъ какимъ-то другимъ, сердитымъ голосомъ почти крикнулъ:—Убили ее!. не своей смертью померла... Двое дѣтей было,—продолжалъ онъ торопливо и тихо,—ухайдакали, прирѣзали, какъ овецъ...

— Какъ же это дѣло-то было?—съ дрожью въ голосѣ шепотомъ спросилъ Тереха и жалобно, какъ ребенокъ, началъ просить:—разскажи, дядя Юфимъ... Дяденька, золотой... разскажи...

— Отстань!—сердито сказалъ Юфимъ, — чего присталъ... Чисто махонькій...

— Да разскажи... любопытно... Какъ такъ... дяденька Юфимъ, а?

— Тебѣ, дураку, любопытно,—видимо сердясь, заговорилъ Юфимъ,— у меня, може, сердце кровью обливается, какъ вспомню... Любопытнаго, братъ, мало... Дуракъ ты... да и я не уменъ.

Онъ завозился въ потьмахъ, что-то шаря, и,

Digitized by Google

немного погодя, вдругъ чиркнулъ по коробкѣ спичкой и сталъ закуривать трубку. Слабый трепетный свѣтъ спички освѣтилъ его лицо, нахмуренныя сѣдыя брови, бороду, Тереху, лежавшаго навзничь, подложивъ подъ голову руки, то мѣсто, гдѣ мы лежали, стѣну и вдругъ погасъ... Въ сараѣ сразу стало какъ будто темнѣе, глуше и тоскливѣе, чѣмъ было прежде.

X.

— Я въ тѣ поры въ лѣсникахъ жилъ,—тихо и какимъ-то глухимъ, сдавленнымъ голосомъ заговорилъ Юфимъ,—отъ Москвы недалеча, верстахъ въ сорока, лѣсъ стерегъ. Сторожка въ лѣсу стояла... Мѣсто глухое, отъ деревень далече, отъ экономіи далече, дороги нѣтъ... глухое мѣсто! Жалованья получалъ я десять цѣлковыхъ да два пуда муки... Покосъ тоже, травы накашивалъ, корову держалъ, поросенка выкармливалъ... ну, опять грѣшнымъ дѣломъ случалось, когда елочку аль тамъ сушинку каку спустишь, по знакомству, по человѣку глядя... Хорошо жилъ, однимъ словомъ, нужды не видалъ. Работа легкая, деньжонки, прямо надо говорить, водились... Накосишь, бывало, за лѣто сѣна, на коровенку оставишь, а излишекъ продашь... Опять на грибахъ на бѣлыхъ копѣйку хорошую зашибалъ... Гриба этого сила была! А то

Digitized by Google

вотъ еще рыжики солилъ, волнушки, что придется... Москва все жретъ.. Господишки, случалось, на охоту пріѣзжали,—опять доходъ. Пойдетъ это у нихъ гульба, пьянство... самоваръ за самоваромъ, только успѣвай ставить... Здорово на чай попадало! Деньги у нихъ, извѣстно, не мозольныя,—гулевыя!.. что имъ чертямъ.. Управляющій обожалъ меня.. потрафлялъ я ему всячески... Ну, и все ладно было... Да!.. Ружьишко тоже у меня водилось... Случалось, рябца сшибешь, аль тамъ тетерю, зайца ему снесешь... Сичасъ тебѣ за это банку да окромя того, полтинникъ въ зубы... Такъ-то вотъ... да!

Онъ замолчалъ и началъ раскуривать трубку, чмокая губами.

— Ну, извѣстно,—началъ онъ опять, раскуривъ,—не одинъ жилъ: съ бабой, съ женой... двое дѣтей, мальчишки... Одному, старшему, семой годъ шелъ, а другому четыре исполнилось, на пятый... Одного Ванюшкой звали, другого Васькой.. Утѣха, парень, была, а не ребята!.. Бывало, идешь это съ обхода, встрѣчаютъ, кричатъ: „Тятька идетъ, тятька идетъ“! А то, бывало, по осени, вечера это долгіе, на улицѣ тьма, холодъ, вѣтеръ... Лѣсъ это шумитъ.. елки скрипятъ, словно кричитъ кто-то, а въ хатѣ у насъ гоже: огонекъ, печку махоньку затопимъ, картошки сваримъ... теплынь!.. Ребятишки на мнѣ такъ и виснутъ... „Тятя, тятя... ми-

Digitized by Google

ленькій, хорошенькій, поиграй съ нами“... Жена тутъ сидитъ, шьетъ, либо еще что дѣлаетъ... Крикъ это съ ребятами подыму, возню... Ужъ жена, бывало, скажетъ: „Да полно-ка тебѣ: диви, махонькой“... А сама смѣется... любо ей... Эхъ, Терехa-Воха, вспомнишь это!!.

Онъ опять помолчалъ.

— Чѣмъ я Создателя прогнѣвилъ, — не знаю, а только наслалъ онъ на меня бѣду лютую, все равно какъ, скажемъ, на Іова многострадальнаго... Эхъ, Терешка, и теперь вотъ сердце кровью обливается, какъ вспомню... Ну, а тогда-то что было, и выразить тебѣ, родной, не могу.. Вотъ оно какъ дѣло-то вышло... Слушай-ка да дивись на людей... Богъ имъ судья!... Осень стояла о ту пору... октябрь мѣсяцъ... снѣгу еще не было... выпадалъ онъ, да таялъ... такая-то скверная погода стояла, не приведи Бо̀гъ! Встанешь, бывало, поутру, посмотришь: ахъ, чтобъ те! смерть идти не охота, а идти надо, потому время такое: зима на носу, самое воровство... А подъ Москвой народъ, знаешь, какой... не Рязань ваша.. Онъ те за монетку отца зарѣжетъ, а украсть ему все одно, что плюнуть.. Ну, ладно.. А обходъ у меня былъ агромадный!. Бывало, выйдешь по утру чѣмъ свѣтъ, а назадъ придешь, почитай, къ вечеру... устанешь до смерти... Хлѣба съ собой бралъ... Закусишь, бывало, въ лѣсу... Ходишь, глядишь, не украли ли гдѣ..

Digitized by Google

Ладно... А о ту осень шибко воровство пошло вездѣ по деревнямъ: то, глядишь, въ амбаръ влѣзли, то со двора лошадь угнали, то ограбили пьянаго на дорогѣ... страсть, голова! А этой самой „злой роты“ развелось - сила! Не успѣваютъ подавать православные... а на чередъ, почитай каждый день водятъ...

— Сталъ я, братецъ ты мой, опасаться за своихъ... Уйдешь это, бывало, а самъ думаешь: какъ бы, спаси Богъ, грѣха не случилось... Заберутся, думаю, какіе-нибудь хахали... меня нѣтъ... а ея дѣло бабье... придушатъ, вотъ тебѣ и весь сказъ... ищи апосля...

— Сталъ я и ей говорить: ты, говорю, баба, запирайся тутъ безъ меня покрѣпче... не пускай никого. „Авось Богъ милосливъ, говоритъ, сколько годовъ живемъ, и слуху нѣтъ... Я, смѣется, коли кто придетъ грабить,—кочергой зашибу“... Веселая была бабочка! Царство небесное... пресвѣтлый рай!..

— Успокоитъ, бывало, меня этакъ вотъ... Ну, думаю, ладно. Кто, въ самомъ дѣлѣ, къ намъ въ эдакую глушину пойдетъ... свои не пойдутъ, а чужіе ежели кто, — тѣмъ и вовсе дороги нѣтъ... Нѣшто заблудится какой... Хорошо, братецъ ты мой... да!.. Эхъ-хе-хе!..

— ...Въ саму Казанску это дѣло случилось... Утро было, какъ сейчасъ гляжу, холодное: вѣтеръ это... дождь, снѣгъ... Всталъ я рано, напился

Digitized by Google

чаю... пошелъ въ обходъ и собаку, словно грѣху такъ быть, съ собой взялъ... думаю: не столканетъ-ли гдѣ зайчишку... Иду это лѣсомъ... Тоска, понимаешь, напала на меня.. Чтой-то, думаю, Господи Іисусе!. не случилось ли, думаю, спаси Богъ, чего... Не воротиться ли?.. Думаю такъ, а самъ иду все... Вдругъ будто закричалъ кто... аль показалось мнѣ, что закричалъ, только еще болѣ на сердцѣ у меня не спокойно стало...

— Ну, хорошо.. Иду и думаю: не пойду седни кругъ всего лѣсу... обойду половину... Наплевать, думаю, чего ужъ оченно-то радѣть... да и праздникъ нонѣ!.. Ладно.. Обошелъ, значитъ, что надо, вижу: по моему, время ужъ много... за обѣдъ перевалило... Пойду скорѣй домой, думаю... И пошелъ назадъ... Подхожу къ сторожкѣ, вижу издали: дверь настежь! Господи Іисусе, что такое?!. Затряслись, парень, и руки, и ноги... Иду.. гляжу въ окно... не видать ребятишекъ. Бывало, какъ иду, они въ окнѣ сидятъ... стучатъ въ раму... смѣются... Царица Небесная, думаю, Матушка!.. Взошелъ это на порогъ... заглянулъ въ избу... опустились у меня руки... захолодало сердце... страсть!.. Лежитъ, вижу, Терешенька, баба моя, коло печки внизъ ничкомъ... ткнулась въ полъ носомъ.. а кровь-то кругомъ—лужа! Бросился было я къ ней да и вспомнилъ вдругъ: а дѣтки-то?! Испугался... свѣту не взвидѣлъ... закричалъ не своимъ голо-

Digitized by Google

ломъ: Ванька! Васька! гдѣ вы? Гляжу: нѣтъ... Заглянулъ въ каморку за переборку... кровать тамъ у насъ стояла... а они, гляжу, оба на полу около кровати. одинъ внизъ ничкомъ.. другой сидитъ, головка запрокинулась... зубки ощерены... а крови-то!..

— Жуть!—воскликнулъ вдругъ Тереха и торопливо, боясь очевидно, что Юфимъ перестанетъ говорить, запросилъ:—Ну, ну, дядюшка Юфимъ... ну, ну!..

— Закричалъ я тутатка опять не своимъ голосомъ,—продолжалъ Юфимъ,—рѣшился разсудку.. хватаю ихъ, цѣлую... кличу... плачу... самъ весь въ крови сталъ... А кровь-то, какъ клей, такъ къ рукамъ и липнетъ... Выскочилъ изъ каморки къ женѣ... гляжу: собака вошла, кровь лижетъ... Осатанѣлъ я вдругъ... Ахъ ты, такая сякая!.. Схватилъ ружье, за ней!.. очумѣлъ, самъ не свой... Она отъ меня... я—бацъ въ нее!.. Бросилъ ружье... побѣжалъ... бѣгу, кричу: караулъ! караулъ! Прибѣжалъ на барской дворъ... прямо къ самому... въ ноги ему... кричу это... плачу.. въ крови весь.. Перепугался онъ до смерти... Разсказалъ я ему кое-какъ... изъяснилъ... Ну, сейчасъ это народъ сбили... Кто верхомъ, кто какъ... Пошла каниталь.

Онъ примолкъ.

— Ну, ну, дядя Юфимъ, ну, ну!—опять зато-

Digitized by Google

ропилъ его Тереха, — пымали, что-ль, кто убивалъ-то?..

— Нѣтъ, братъ, не пымали... Какъ въ тучку канули... Въ вѣдомостяхъ въ тѣ поры объ этомъ пропечатано было... Пытали искать... да нѣтъ: пропалъ злодѣй, ушелъ... Ушелъ отъ людского суда... Отъ Божьяго не уйдетъ... найдетъ его Господь!.. Такъ-то вотъ, Тереха-Воха, поживи съ мое!.

— Какъ-же ты опосля этого, а? жилъ-то?

— Какъ люди живутъ, такъ и я жилъ... У меня, братъ, характеръ крѣпкій... вотъ что... А, одначе, отстань отъ меня, трепло!.. Спать надо...

— Жуть! — опять воскликнулъ Тереха. — И какъ это руки поднялись на младенцевъ... Ангельскія душеньки... Жуть!

Юфимъ ничего не отвѣтилъ.

— И какъ это ты...—опять, помолчавъ, воскликнулъ Тереха. — Я бы, кажись, обмеръ... Дядя Юфимъ. спишь?—И видя, что Юфимъ не отвѣчаетъ, громко зѣвнулъ.—Господи, Царица Небесная!..

Черезъ минуту онъ захрапѣлъ...

— Чисто ребенокъ малый! — проворчалъ потихоньку Юфимъ. — Господи, помилуй насъ грѣшныхъ...

Я всталъ, подошелъ къ открытымъ воротамъ и сѣлъ на порогѣ... Короткая майская ночь проходила... Было еще темно, но уже на востокѣ занималась узкая, точно изъ стали, полоска зари... Въ

Digitized by Google

воздухѣ стояли какіе-то странные, таинственные звуки... Звуки эти то рождались то таяли, то вновь оживали... Въ прозрачной синевѣ далекаго бездоннаго неба дрожали, погасая, рѣдкія звѣзды.. Гдѣ-то вдали, за рѣкой, кричала какая-то птица протяжно и жалобно.

Заря разгоралась... Дѣлалось съ каждой минутой свѣтлѣе... Надъ рѣкой поднялся туманъ... Съ крикомъ пролетѣли утки... Птички проснулись, зачирикали и запѣли.. Гдѣ-то въ деревнѣ пастухъ хлопалъ кнутомъ, и гдѣ-то громко перекликались пѣтухи...

Я вошелъ въ сарай, легъ и вскорѣ тоже уснулъ.

XI.

Проснулся я поздно. Яркіе солнечные лучи врывались въ открытыя настежь ворота и тянулись, играя въ пыли, разноцвѣтными узкими полосами сквозь щели сарая. На балкахъ глухо ворковали голуби, бѣгая другъ за дружкой... На землѣ, подъ остатками почернѣвшаго клевера, пищали мыши.

Мнѣ не хотѣлось вставать.. Такъ хорошо, тихо и мирно было въ сараѣ.. Я лежалъ, смотрѣлъ, слушалъ. Въ открытыя ворота видны были березы... Молодые маленькіе листочки тихо трепетали и шушукались, точно говоря про что-то хорошее .

Digitized by Google

Сквозь сѣтку вѣтвей и листочковъ виднѣлось голубое необозримое небо, по которому изрѣдка, какъ корабли, тихо и величаво проплывали облака...

Ко мнѣ въ сарай доносились съ поля торопливыя пѣсни жаворонковъ, изъ рощи крики грачей..

Рядомъ, за стѣной сарая, въ кустахъ бузины, тараторили, дра́лись, чирикали воробьи... Въ селѣ, за рѣкой звонили къ обѣднѣ..

— Пора, однако, вставать! — подумалъ я, и только было хотѣлъ сдѣлать это, какъ въ сарай вбѣжалъ Тереха и еще отъ воротъ закричалъ: — Вставай скарѣича! Дѣло есть! Меня за тобой мужики послали... Иди на кухню.

— Что такое?—спросилъ я.

— Что!. четвертную съ тебя... Порядокъ здѣсь такой... Я самъ тоже ставилъ... ничего не попишешь.. Вставай!

— Денегъ нѣтъ, — сказалъ я, идя за нимъ на кухню.

— Не горюй объ деньгахъ... Хошь, я дамъ? У меня есть... А то нарядчикъ дастъ... эва! не пропадутъ... Изъ жалованья вычтутъ.

На кухнѣ собрались всѣ рабочіе. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли за столомъ, лѣниво и нехотя, точно по обязанности допивая чай; иные курили; остальные просто сидѣли или лежали, дожидаясь обѣда.

Кухарка въ своемъ углу, противъ печки, въ

Digitized by Google

грязной лоханкѣ мыла ложки и что-то пѣла тоненькимъ голоскомъ...

— Садись—гость будешь... Вина купишь—хозяинъ будешь, — сказалъ мнѣ суровый съ виду кузнецъ и отодвинулся немного на скамьѣ, давая мнѣ мѣсто.—Вотъ что, другъ ситный,—продолжалъ онъ,—гудуху становь!.. Ребята!—обратился онъ къ рабочимъ,—какъ намъ?.. Здѣсь пить аль на село дойдемъ? Таматка нонѣ престолъ... праздникъ...

— Какъ хотите, — отвѣтилъ Юфимъ, — по мнѣ хошь въ село .. Чайку таматка кстати полакали бы въ трактирѣ

— Тащиться за семь верстъ киселя хлебать,— проворчалъ нарядчикъ,—кто пойдетъ-то? Много-ль пьющихъ-то?..

— Кто пойдетъ,—не твое дѣло... Ты, извѣстно, не пойдешь.

— Да ужъ извѣстно: не товарищъ я вамъ, пьяницамъ.

— Молчи, сволочь!..

— Собака, гадъ!—произнесъ злобно нарядчикъ и, вставъ, вышелъ за дверь.

— Не любишь, кобель!—кривя усмѣшкой тонкія, сухія губы, сказалъ, сидя на своей койкѣ, чахоточный сторожъ, мужъ кухарки. — Не нравится.. собака... чортъ!.. Извѣстно, — въ село пойдемъ, — продолжалъ онъ —ужли здѣся: нонѣ праздникъ.

— Куда-те идтить, — крикнула отъ печки ку-

Digitized by Google

харка,— сиди, Ерема, дома... По трактирамъ тоже... издыхать пора! На погостѣ твое мѣсто!

— У-у-у, дьяволъ!—закричалъ сторожъ,—убью! у-у-у, чтобъ тебя!..

Онъ началъ ругаться скверными словами, злобно сверкая огромными глазами, какъ-то необыкновенно страшно выдѣлявшимися на его худомъ, желтомъ, точно заостренномъ книзу лицѣ.

— Будетъ вамъ. Ну васъ къ чертямъ!—закричалъ кузнецъ. — Ужо наругаетесь!.. Кто на село пойдетъ, говори!.. А то мы одни уйдемъ, дери васъ чортъ! Рязань косопузая!.. Деньги есть?—обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ.

— Врешь?..смотри, братъ, душу вышибу... Эхъ,— продолжалъ онъ,—у чорта этого,—онъ кивнулъ на дверь, куда вышелъ нарядчикъ,—спрашивать— легче на ножикъ идти!.. Можетъ, есть у кого,— не пропадутъ вѣдь: пачпортъ-то въ конторѣ, не сбѣжитъ... Получка придетъ,—на, получай деньги... а то, коли что, я отдамъ...

— У меня, дяденька, есть,—отозвался Тереха.— я ему давиче сказывалъ: возьми, молъ!

— Молодчина Тереха-Воха, — похвалилъ кузнецъ.—Давай, братъ!.. А ты пойдешь съ нами?

— Пойду!—весело отозвался Тереха,—а то какъ же, знамо: тамъ, чать, весело... дѣвки...

— Вотъ что, братцы,—заговорилъ опять, полу-

Digitized by Google

чивъ съ него деньги, замѣтно повеселѣвшій кузнецъ.—Кто пойдетъ, такъ, значитъ, айда сейчасъ... обѣда ждать нечего,—невидаль!.. Опять нонѣ винополія только до трехъ торгуетъ, народу, чай, страсть, опять же идти пять верстъ... Часъ пройдешь... Айда, значитъ,—неча ждать... А ты пьешь водку-то?—обратился онъ ко мнѣ.—Пойдешь съ нами?

— Пожалуй,—сказалъ я.

— Ну, и ладно... идемъ!.. Кто желаетъ?..

„Желающихъ“ оказалось только пять человѣкъ, не считая меня... Остальные,—какъ я послѣ узналъ, все дальніе, рязанскіе, калужскіе—остались. Они сидѣли, молча, хмурые, и какъ будто чего-то боялись.

Пока желающіе идти „сряжались“, т. е., кто надѣвалъ сапоги, кто смѣнялъ рубашку,—въ избу вошелъ нарядчикъ и, сѣвъ, быстро окинулъ глазами всѣхъ насъ... Гадкая, злая усмѣшка кривила его губы.

— Никакъ и ты, Сопля, идешь?—обратился онъ къ сторожу.—А ночью-то за тебя кто же стеречь станетъ, а?

— Тебя не заставятъ!—огрызнулся сторожъ.

— То-то, молъ,—произнесъ нарядчикъ и, обратившись къ кухаркѣ, сказалъ:—Какъ у тебя... упрѣло?.. похлебать бы,—и, не глядя ни на кого, заговорилъ:—Поутру коли что, кто на работу не выдетъ,—самому доложу...

Digitized by Google

— Докладывай, чортъ!—крикнулъ кузнецъ.— Ну, айда, ребята! Счастливо оставаться!—поклонился онъ оставшимся въ кухнѣ.—Наплевать!.. губа толще, брюхо тоньше .. Трогай бѣлоногой...

XII

Мы прошли мимо оконъ квартиры управляющаго, прошли имѣніемъ, спустились подъ гору къ рѣкѣ, перешли по мосту на ту сторону и вошли въ молодой, частый, мелкорослый березнякъ.

Узкая дорога, изрѣзанная колеями, наполненными жидкой грязью, вилась по лѣсу.

Мы шли гуськомъ... Впереди всѣхъ шагалъ высокій, съ тонкой шеей, качавшійся на ходу, ночной сторожъ, Сопля; за нимъ кузнецъ, за кузнецомъ—широкоплечій, чернобородый, безъ сапогъ, въ одной рубашкѣ, мужикъ Михайло, по прозвищу Культяпка; за Культяпкой плелся, наклоня голову, дядя Юфимъ, а за нимъ—Тереха и я.

Солнце перевалило за полдень, когда мы вышли, наконецъ, изъ лѣсу въ поле и увидали вдали, на горѣ, село съ бѣлою церковью и золоченнымъ крестомъ, который ярко сверкалъ на солнышкѣ...

Полемъ дорога просохла: идти было хорошо и весело. Жаворонки то и дѣло взвивались съ земли кверху, трепеща крылышками, пѣли свои часто-болтливыя пѣсни и, какъ камушки, вдругъ

Digitized by Google

надали на землю... Въ воздухѣ стояла та особая, чуткая майская тишина, въ которой каждый звукъ слышится какъ-то особенно отчетливо и ясно...

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ селу, цѣли нашего путешествія, оттуда, на встрѣчу намъ, доносились крики и пѣсни.

Наконецъ, мы пришли туда... Село „гуляло“... На улицѣ толпа дѣвокъ въ разноцвѣтныхъ платьяхъ водила хороводъ, крича дикими голосами что-то непонятное и безконечно-тягучее... Неподалеку отъ хоровода стояли двѣ палатки, въ которыхъ бойка шла торговля „гостинцами“.

Пьяные мужики и бабы попадались намъ на встрѣчу; толпа, человѣкъ въ пятнадцать, молодыхъ ребятъ, съ гармошками и бубнами съ трензелемъ, неистово крича, разгуливала по дорогѣ, среди села, изъ одного конца въ другой.

Въ каждой избѣ, въ открытыя окна, виднѣлись сидѣвшіе за столами нарядно одѣтые гости. Они закусывали и пили водку.

Вслѣдъ за шедшимъ впереди Соплей, мы направились къ трактиру и „винополіи“, стоявшимъ рядышкомъ на краю села, немного поодаль отъ мужичьей стройки.

Около трактира, на вывѣскѣ котораго были намалеваны чайникъ на подносѣ, чашки и надпись: „Не ходи туда, здѣсь лучше“—было особенно шумно...

Digitized by Google

Дверь „винополіи“ не стояла на петляхъ. Оттуда то и дѣло выскакивали фигуры съ полбутылками, бутылками, сотками въ рукахъ и тутъ же, у крыльца, вышибая пробки ладонью правой руки, пили водку прямо изъ горлышка или же изъ заранѣе приготовленной чайной чашки...

Нѣсколько человѣкъ пьяныхъ уже валялось около колоды, гдѣ привязываютъ и кормятъ лошадей, уткнувшись головами въ навозъ.

Какой-то малый, здоровый, высокій, съ красной шеей и налитыми кровью, страшными глазами, засучивъ рукава красной рубашки, ругался скверными словами, вызывая себѣ „любака“, т. е. охотника съ нимъ подраться.

Около этого парня вертѣлся маленькій рыжебородый мужиченко, плача пьяными, обильными слезами, старался ухватить парня за руку и кричалъ:

— Василь Егорычъ, пере-е-е-е-стань!.. по-о-лно... оставь!.. н-н-н-нехорошо..! Василь Егорычъ!.. Христо-о-о-мъ Богомъ прошу...

Изъ трактира неслись на улицу дикіе крики и пѣсни... Всѣ напившіеся около „винополіи“ шли туда пить чай и вообще проводить время... Трактирщикъ, злобный, уже не молодой мужикъ, прежде, до казенной продажи, торговавшій водкой, вмѣстѣ со своимъ „половымъ“ выпроваживалъ то и дѣло черезчуръ пьяныхъ гостей вонъ за дверь, смазывая

Digitized by Google

предварительно имъ для потѣхи затылки горчицей...

— Черти!—оралъ онъ,—какой отъ васъ барышъ... чашки только воруете... Сидитъ за пятачокъ-то цѣлый день... Канителься съ вами!..

Совсѣмъ пьяный, оборванный нищій, точно выкупанный въ грязи, съ подбитыми глазами и содранной переносицей, съ мѣшкомъ за плечами и корзинкой въ рукахъ, выпихнутый изъ трактира, споткнулся и упалъ навзничь, раскинувъ руки и крѣпко ударившись затылкомъ объ землю... Корзинка полетѣла, и изъ нея посыпались въ стороны кусочки чернаго и бѣлаго хлѣба.

— Во какъ у насъ!—крикнулъ нищій и сталъ было подниматься.—Во какъ!—повторилъ онъ и упалъ снова.

Какая-то краснощекая, обтрепанная, пьяная „гулящая“ бабенка, дико хохоча, подскочила къ нищему и сѣла ему на лицо...

Видѣвшіе это загоготали...

— Марфушка, что ты, чортъ! Задушишь, дьяволъ!.. Встань!.. Ахъ, дуй тя горой!..

Два какихъ-то парня, повидимому изъ фабричныхъ, въ пиджакахъ, жилеткахъ, „при часахъ“, оба испитые, блѣдные, какъ смерть, затѣяли ссору, которая перешла въ драку... Одинъ изъ нихъ потрезвѣе и посильнѣе, толкнулъ другого въ грудь... Тотъ, какъ снопъ, повалился на землю навзничь

Digitized by Google

и со всего маху, при паденіи, ударился затылкомъ объ острый уголъ крыльца... Брызнувшая кровь сразу смочила ему волосы и потекла по щекамъ отъ висковъ къ страшно кривившемуся въ одну сторону рту... Онъ началъ ерзать по землѣ руками, какъ заяцъ, у котораго перешибли заднія ноги, стараясь подняться... Изъ перекосившагося рта показалась пѣна... Онъ что-то бормоталъ, и въ горлѣ у него булькало, какъ въ бутылкѣ... Одинъ глазъ залился кровью, другой, побѣлѣвшій, дико вращался, безсмысленно и страшно...

Толкнувшій его парень нисколько, повидимому, не испугался; наблюдавшіе эту сцену, хотя и обратили на нее вниманіе, но, повидимому, только съ смѣшной стороны... Одинъ только трактирщикъ, которому сказали про это, вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ и произнесъ:

— Убрать бы его, ребята, отъ грѣха.

— Кой чортъ ему дѣется... встанетъ!

— Отвѣчай тутъ за васъ!—крикнулъ трактирщикъ и продолжалъ, обращаясь къ стоявшимъ около мужикамъ:—Самдѣли, ребята, отволоките его чуть отъ крыльца-то мого подалѣ.. Чортъ съ нимъ! Подохнетъ: не у меня напился...Вонъ,къ винополькѣ-то, будь она проклята, бросьте... Сдѣлайте милость, уберите... Иванъ, будь другъ, убери... Безобразіе!..

Ушибленный истекалъ кровью... Онъ лежалъ

Digitized by Google

навзничь, разиня ротъ, и тяжело сопѣлъ носомъ... Все лицо его было залито кровью. На него противно и жалко было смотрѣть.

Обступившіе его дѣлали различнаго рода замѣчанія: „Ишь налакался, дьяволъ“... „Дѣло праздничное“... „Смотри, не сходъ бы“... „Ни чорта, сойдетъ“... „Кровью изойдетъ“... „Небось, не изойдетъ... запечется“... „А намъ-то какое дѣло! наплевать! на то и праздникъ“...

— Иванъ, убери, сдѣлай милость!—опять сказалъ трактиршикъ.

Черноволосый, здоровый мужикъ нагнулся и нехотя подхватилъ ушибленнаго подъ мышки; тотъ что-то заболталъ, какъ тетеревъ на току, и задергалъ ногами.

— Да ну, дьяволъ, упирайся!—крикнулъ мужикъ и поволокъ его отъ трактира въ сторону.— Полбутылки съ тебя за это!—крикнулъ онъ трактирщику.

— На сотку дамъ!—отвѣтилъ трактирщикъ,— зайди!..

XIII.

Мы взяли четверть водки и, отойдя въ сторонку, сѣли подъ березами на другой сторонѣ дороги, противъ казенки.

—Жуть!—воскликнулъ Тереха.

— Что, братъ: не по вашему, видно?—усмѣ-

Digitized by Google

хаясь, произнесъ дядя Юфимъ,—учись, братъ... гляди... помни!.. Не Рязань, братъ, здѣсь косопузая: есть на что посмотрѣть.

Кузнецъ, молча, съ необыкновенно серьезнымъ лицомъ вытащилъ заранѣе приготовленнымъ гвоздемъ пробку и досталъ изъ кармана тоже заранѣе приготовленную чашку съ отбитой ручкой или, какъ онъ выражался, „аршинъ“.

— Ну, а какъ же насчетъ... закусить-то?—спросилъ онъ.

— Надо бы чего-нибудь взять,—сказалъ Культяпка,—пальцемъ не закусишь.

— А ты языкомъ,—сказалъ Юфимъ и, поднявшись съ земли, прибавилъ:—Пойду въ трактиръ... возьму таматка чего-нибудь...

Онъ скоро пришелъ назадъ, неся въ сѣрой бумагѣ изрѣзанную на куски селедку и фунта два чернаго хлѣба.

— Пятіалтынный сгладилъ за селедку-то,— сказалъ онъ, кладя ее на землю и усаживаясь самъ,—притка его расшиби! грабители, черти!.. Два фунта хлѣба... всего на двадцать монетъ... Мотри, ребята, расходъ по ровну.

— Да ужъ знамо!—отвѣтилъ кузнецъ и спросилъ:—Ну что-жъ... дернемъ аль погодимъ?

— Чего ждеть!—радостно воскликнулъ Культяпка,—посуда чистоту любитъ... Давай, давай... душа горитъ!..

Digitized by Google

— У тебя завсегда горитъ... Пьяницы мы съ тобой, Культяпка, горькіе!

— Ладно!.. толкуй, кто откуль... А ты, самдѣли, не томи, сыпь!..

Кузнецъ взялъ „гудуху“ въ обѣ руки, налилъ въ „аршинъ“ водки и кивнулъ Культяпкѣ.

— Соси!..

Культяпка, морщась, выпилъ и началъ плеваться.

— Горько, а пьешь, — сказалъ онъ, — бросать надо!

— Брось, а я подыму!—сказалъ Юфимъ, тоже выпивая.

„Аршинъ“ обошелъ всѣхъ... Стали закусывать... Не чищенная, ржавая селедка затрещала на зубахъ... Кожу съ кусковъ обрывали руками и бросали на землю.. Грязь текла по рукамъ .. Запахъ селедки, рѣзкій и противный, ударялъ въ носъ. Но на все это не обращали вниманія, а ѣли, громко чавкая и изрѣдка утирая ротъ или рукой, или грязнымъ Культяпкинымъ картузомъ, который онъ любезно предложилъ на общую пользу, какъ вещь, которая больше ни на что не годится.

— Сыпь по другой!—сказалъ Кулятяпка,—глядѣть на нее, что ли: небось—не дѣвка.

Кузнецъ сталъ «обносить» по другой.

— Я не стану,—сказалъ Тереха,—будетъ!

— Что такъ?

— Много мнѣ... будетъ.

Digitized by Google

— Ну будетъ, такъ будетъ... твое дѣло!

— Ишь онъ съ одной-то чашки, гляди, запьянѣлъ, — сказалъ Юфимъ, — ишь рыло-то какое стало.

«Рыло» у Терехи дѣйствительно покраснѣло, налилось кровью, а глаза весело сверкали и лоснились, точно ихъ покрыли лакомъ... Онъ глядѣлъ на насъ, скаля бѣлые, какъ снѣгъ, зубы.

— Будя мнѣ! — опять повторилъ онъ, — угощайтесь! Я такъ посижу, на народъ погляжу... Чудно гуляютъ больно!.. У насъ такъ не гуляютъ...

— А какъ же у васъ... лучше?..

— У насъ,—заговорилъ онъ, еще больше оживляясь и сверкая прекрасными глазами,— не такъ... у насъ безобразья этого нѣту .. А чтобъ у насъ дѣвки, какъ вотъ здѣшнія, безстыжія... спаси Богъ! Тутъ вонъ какъ... матерно все... на каждомъ словѣ! при дѣвкахъ... тьфу! Жуть! на что хуже!

— Вѣрно, братъ!—угрюмо произнесъ кузнецъ, на котораго выпитая водка, повидимому, нагнала еще большую суровость,—вѣрно, другъ, сволота здѣсь, болотина, тина!.. Попалъ сюда, того и жди— затянетъ...

— А ты наливай, знай!—сказалъ Культяпка:— Затянетъ!.. толкуй съ нимъ!—Нешто онъ что смыслитъ: деревня необузданная, косопузая Рязань.. Ахъ, въ ротъ те!—воскликнулъ онъ.—А вѣдь за-

Digitized by Google

куска-то вся... Дядя Юфимъ, есть деньги-то, а?.. давай!..

— Да ужъ видно такъ тому и быть!—сказалъ захмѣлѣвшій Юфимъ и полѣзъ въ карманъ.—Накась, родной, какъ те звать-то забылъ,—обратился онъ ко мнѣ, подавая деньги,—сходи, возьми за пятіалтынный селедку... выбирай изъ кадки-то, котора поболѣ... ну, хлѣба фунтъ, да спроси, нѣтъ ли, молъ, огурца соленаго... Поди, нѣту... Ну, одначе, спроси на счастье... можетъ, есть...

Я взялъ деньги, пошелъ къ трактиру и уже хотѣлъ было войти на крыльцо, какъ вдругъ парень съ красной шеей, искавшій себѣ «любака», подскочилъ ко мнѣ и закричалъ:

— Ты кто такой, а?.. откеда?.. куда идешь?

Не обращая на него вниманія, я двинулся дальше.

— Стой!—неистово заоралъ опять парень,—кто ты такой?.. какую ты имѣешь полную праву ходить здѣсь?.. Имѣешь видъ?. Кажи видъ!..

— Какой видъ?—спросилъ я.

— Ну, коли не видъ, такъ пачпортъ... Кажи, а то въ морду!

— Василь Егорычъ!.. Василь Егорычъ!.. Полно.. брось; говорю, сукинъ ты сынъ, не для праздника будь сказано... оставь!..—упрашивалъ его все тотъ же рыжебородый мужиченко.—Ну, чего тебѣ? видишь, чай: человѣкъ вновѣ... ну, пришелъ на

Digitized by Google

праздникъ... Престолъ вѣдь, великій день!.. Вникни, стерва ты безпокойная, тьфу!

— Ступай ты къ лѣшему!—закричалъ на него парень и опять заоралъ на меня:—Хошь къ уряднику, а? хошь?.. ты, може, бродяга, воръ!... дамъ вотъ въ хлебово,—будешь помнить!.. Что у тебя въ рукѣ? кажи! деньги?..

— Отстань отъ меня!—крикнулъ я,—какое тебѣ дѣло!

— Нѣтъ, врешь, не пущу!.. Врешь, братъ!.. Купи половинку—пущу, а то въ морду... Айда въ казенку!

— Нѣтъ, братъ, въ казенку я съ тобой не пойду!—сказалъ я.—Пусти!

— Врешь!—заоралъ опять парень,—пойдешь... Почему такое ты со мной не пойдешь, а? Да я тебя ра-а-а-а-зражу на двѣ половины! Кто я... не знаешь?.. Въ морду хочешь, сволочь!.. айда за мной!.. сыпь!

— Маркелка! — обратился онъ къ рыжебородому,—айда! пьемъ, значитъ...

—Василь Егорычъ, брось!—снова началъ упрашивать мужикъ, — не хорошо!.. противу людей стыдно!

— Ну, пойдемъ!—сказалъ я, видя, что отъ него не отвяжешься.

— Ты куда же это?—спросилъ онъ.

Я подвелъ его и его товарища къ своимъ и объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Digitized by Google

— Выпить тебѣ охота? — спросилъ кузнецъ, поднявшись на ноги, и, окинувъ его своими страшными глазами, повторилъ:—выпить? Можно!

— Мишукъ, — кивнулъ онъ Культяпкѣ, —насыпь... поднесу...

Культяпка молча, съ улыбкой на тонкихъ губахъ, налилъ чашку и, подавая ее парню, сказалъ:

— На, родной, выкушай на доброе, на здоровье.

Парень взялъ отъ него чашку, подержалъ немного и сказалъ:

— Съ праздникомъ! желаю здравствовать!..

— Пей, пей!—сказалъ кузнецъ.—Пей, небось...

Парень поднесъ чашку ко рту и сталъ «сосать» водку...

Въ это время кузнецъ, съ перекосившимся отъ злобы лицомъ наблюдавшій за парнемъ, размахнулся вдругъ правой рукой и со всей силы ударилъ кулакомъ по донышку чашки...

Парень крикнулъ «ахъ!» и, какъ снопъ, упалъ навзничь на землю.

Чашка разбилась... Парень, обливаясь кровью и какъ-то чмокая, заерзалъ по землѣ, стараясь встать.

— Вотъ тебѣ!—крикнулъ кузнецъ и ударилъ его еще сапогомъ въ бокъ,—на, пей!..

— Кара-а-а-улъ!..—закричалъ товарищъ парня,—караулъ!.. Убили!..

Digitized by Google

Видя это, Культяпка схватилъ четвертную и торопливо, обращаясь къ намъ, сказалъ:

— Ну, ребята, утекай скорѣича отъ грѣха, а то пропишутъ по первое число!.. Хучь бы водку-то не отняли!..

— Караулъ! убили! — взывалъ между тѣмъ мужиченко,—братцы, нашихъ бьютъ!

Нѣсколько человѣкъ мужиковъ и гуляющихъ парней бросились къ намъ.

Видя это, Культяпка подхватилъ четвертную подъ мышку и побѣжалъ отъ мѣста происшествія подъ гору, по вспаханному полю, къ виднѣвшимся въ дали кустамъ.

— Держи его! — закричалъ кто-то: — Уйдетъ дьяволъ. Уйдетъ и вино унесетъ... держи!...

Нѣсколько человѣкъ бросились за нимъ вдогонку, а остальные окружили насъ, и началось побоище... Насъ били, и мы били.

Помню, какъ страшно кричалъ кузнецъ и какъ страшно онъ билъ... Помню, какъ сшибли съ ногъ длиннаго Соплю... какъ волокли по землѣ дядю Юфима...

Страшно, свирѣпо, отвратительно...

XIV.

Сильно избитые, оборванные, мы съ Терехой вырвались кое-какъ, наконецъ, изъ этой свалки

Digitized by Google

и, позорно бросивъ кузнеца, Юфима и Соплю на произволъ судьбы, побѣжали съ поля сраженія подъ гору, къ кустамъ по тому направленію, куда удралъ Культяпка.

Пробѣжавъ немного, мы оглянулись и, видя, что никто не гонится, пошли шагомъ.

Я посмотрѣлъ на Тереху. По лицу у него текла кровь, губа распухла, красная рубаха, надѣтая для праздника, была растерзана и висѣла клочьями...

Онъ шелъ и плакалъ, хлюпая то и дѣло носомъ

— Что ты?—спросилъ я.

— Черти!—отвѣтилъ онъ,—идолы! Меня-то за что били?.. Рубаху-то вонъ, гляди... жуть!.. Неужли у васъ завси такъ-то празднуютъ?.. — задалъ онъ вопросъ, утирая слезы разорваннымъ рукавомъ рубашки.

— Бываетъ хуже!—сказалъ я.

— Что-жъ теперича-то, а? — воскликнулъ онъ, когда мы вошли въ кусты и, остановившись, услыхали крики въ селѣ... — Дядю-то Юфима... жуть!.. А здорово кузнецъ бьется! — черезъ минуту уже весело воскликнулъ онъ.—Какъ полыхнетъ—такъ съ ногъ! Какъ полыхнетъ — такъ съ ногъ... Сила, сичасъ помереть, жуть!.. Авось, вырвутся какъ-нибудь!..

Я ничего не отвѣтилъ и шелъ молча, думая про себя: если я брошу это мѣсто, то куда же мнѣ идти, и лучше ли будутъ люди и жизнь въ дру-

Digitized by Google

гомъ мѣстѣ?.. Вырвусь ли я когда нибудь изъ этой страшной тьмы?..

За лѣсомъ, на опушкѣ, около рѣчки, въ виду имѣнія, насъ встрѣтилъ Культяпка.

— Слава Богу,—ухмыляясь и поглаживая лѣвой рукой бороду, радостно заговорилъ онъ: — идете... здравы, невредимы... а гдѣ жъ тѣ-то?..

— Лупцуютъ ихъ таматка!—сказалъ Тереха,— а мы убѣгли...

— Ахъ, въ ротъ те шило!—воскликнулъ Культяпка,—въ отдѣлку попали, знать... Ужо, гляди, придутъ чище хрусталя... А за мной, похоже, тоже гнались,—продолжалъ онъ, — да нѣтъ, шалишь!.. Главная причина—не убѣгъ бы я, кабы не водка... Себя-то не жалко—наплевать, пущай бьютъ! Ее-то, матушку, думаю, отнимутъ, да слопаютъ... деньги плочены! Сберегъ въ цѣлости... Чеколдыкнете, что-ль, съ устатку-то, а? Она у меня упрятана въ кусточкахъ.

Мы пошли за нимъ къ мѣсту, гдѣ онъ спряталъ четвертную, и, придя усталые и злые, сѣли. Водки было еще много.

— Вы, братцы, не подумайте, что я выпилъ одинъ,—сказалъ Культяпка, показывая ее,—истинный Христосъ, не пилъ. Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли вру! ей-Богу! глаза лопни!.. Ахъ, въ ротъ те шило! изъ чего-жъ пить-то?.. разбили вѣдь чашку-то... И чашка-то скотницы Васены: заѣстъ

Digitized by Google

теперича!.. Погоди, робята; правда, не горюй... Голь на думки хитра: я изъ бересты сварганю...

Онъ живо вскочилъ съ мѣста и, осмотрѣвъ нѣсколько штукъ березъ, выбралъ, наконецъ, такую, которая, по его примѣтамъ, годилась въ дѣло, ухитрился какъ-то зубами содрать кусокъ бересты и ловко сдѣлалъ изъ нея ковшичекъ, или „фунтикъ“, по формѣ похожій на тѣ „фунтики“, въ которые обыкновенно въ мелочныхъ лавченкахъ завертываютъ товаръ.

— Гоже!—воскликнулъ Тереха, — молодца ты, Михайло!

— А закусимъ кислицей! — засмѣялся Культяпка и продолжалъ:—Ладно... Намъ тутъ не дуетъ. Гляди, скоро и наши подойдутъ. Не убьютъ ихъ, чай, до смерти.

Онъ налилъ въ „фунтикъ“ водки и сталъ обносить. Мы выпили, закусили щавелемъ и, выбравъ мѣсто, гдѣ посуше и откуда было видно дорогу, легли на землю.

— Погодить надо,—сказалъ Культяпка, — придутъ, всѣ вмѣстѣ въ имѣнье пойдемъ... Вотъ чортъ-то обрадуется,—нарядчикъ-то нашъ... дери его деромъ... вотъ кого бить-то надо, а не насъ...

Мы немного полежали молча.

— Ай еще выпить по махонькой?.. какъ скажите?—предложилъ Культяпка.—Скучно!.

— Надо оставить тѣмъ,—сказалъ я.

Digitized by Google

— Знамо... неужъ не оставимъ... есть еще... глядика-сь!—онъ поднялъ бутыль кверху и поболталъ.—Грызется, матушка. „Бутылочка моя, превкусненькая, — запѣлъ онъ тоненькимъ голоскомъ,—ты тогда нехороша, когда пустенькая“... Налью я, а?..

— Какъ знаешь!—сказалъ Тереха.

Культяпка обнесъ еще по фунтику и, крѣпко заткнувъ пробку, положилъ „гудуху“ въ сторонкѣ подъ кустъ.

— Покурить таперь,—сказалъ онъ, доставая засаленный кисетъ и вертя папироску.—А ты, землякъ, куришь?—спросилъ онъ, глядя на меня. — Да ты откуда, а?.. Чтой-то словно я тебя гдѣ видалъ... быдто лицо знакомое...

— Не знаю,—сказалъ я,—наврядъ...

— О!.. ну такъ, такъ—такъ...—Онъ легъ навзничь и, плюнувъ, сказалъ:—На небушкѣ-то какъ чисто, ни одного облачка... А что, взаправду,—продолжалъ онъ, помолчавъ: — неужто, ребята, опосля смерти наши души на небо пойдутъ, а?..

— Дядя Михайло! А что у тебя жена молодая?—не отвѣчая на его вопросъ, почему-то вдругъ спросилъ Тереха.

— А что тебѣ?.. Аль насчетъ того хошь, а?.. Старая, братъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ, и не то съ грустью, не то съ досадой добавилъ:—дура, братъ, у меня баба.

Digitized by Google

— А дѣти у тебя есть ли? — опять спросилъ Тереха.

— Дѣтьми я, братъ, закидаю!

— А много-ль?

— Семеро живы, да никакъ штукъ пять, а то и больше примерло...

— Бѣдно живете?..

— Что говорить!.. У меня изба-то вся съ рыбій хвостъ... Полу и того нѣтъ, земляной... Другъ на дружкѣ спятъ ребятишки-то... повернуться негдѣ... Бѣдно, братъ, да!

— Кто-жъ у тебя хозяйствуетъ? — опять спросилъ Тереха,—чай, тоже землю держишь? хресьянствуешь?..

— Я, другъ, не хресьянинъ.

— О-о-о! — удивился Тереха. — Кто-же ты?.. Халуй?..

— Халуй и есть,—засмѣялся Культяпка,—мѣщанинъ я!—добавилъ онъ.

— Что-жъ ты въ деревнѣ дѣлашь-то?

— А ничего,—живу! Плачу въ міръ три бумажки въ годъ за мѣсто... болѣ ничего...

— А велико-ль мѣсто?

— А какъ избѣ встать .. вовсе мало... Да что,—тѣснятъ православные, прижали, какъ ужа вилами... Курицу держать и ту не моги... Плохо!..

— Ахъ ты, горюнъ! — сочувственно произнесъ Тереха-Воха и покачалъ головой, — жалко мнѣ

Digitized by Google

тебя, дядя Михайло, истинный Господь... Зачѣмъ же ты, чудачина, женился-то, а?..

— А шутъ меня знаетъ, зачѣмъ? Да коли правду баить—по пьяному дѣлу все, да съ жиру... Съ жиру-то, другъ, и собака бѣсится... Жилъ я въ тѣ поры въ кучерахъ...

— Въ кучерахъ!.. о-о-! — съ недовѣріемъ воскликнулъ Тереха, перебивая его.

— Въ кучерахъ,—продолжалъ Культяпка, — а ты что-жъ не вѣришь?.. думашь, вру... Э, другъ,— да я этихъ разныхъ должностей-то во сколько на своемъ вѣку произошелъ, — у плѣшиваго на головѣ столько волосъ нѣтъ... ей-Богу!.. Кѣмъ только ни былъ!—воскликнулъ онъ. — Царица Небесная, Матушка!.. Кучеромъ былъ, за лакея былъ, водоливомъ на рѣкѣ Шекснѣ былъ, синизаторомъ былъ, — съ бочками ѣздилъ... за дворника былъ, за коновала и то разъ былъ... ей-Богу!..

— О-о-о?! Какъ такъ?..

— Какъ да какъ... все такъ!—Нужда-то, братъ, и попа скоблитъ. Жрать захочешь,— поневолѣ, что и не умѣешь, скажешь умѣю .. Да, другъ... такъ то!

— Да ты, дядя Михайло, можетъ, врешь?

— Чего мнѣ врать. Мало ли со мной случаевъ было... всего! Пожилъ, братъ, посрамилъ добрыхъ людей... попилъ винца съ хлѣбцемъ. Кабы не женатъ былъ да не дѣтишки, нешь сталъ бы я работать! Будь она проклята, работа-то эта!.. Гнись,

Digitized by Google

гнись... тьфу! съ утра до ночи, какъ волъ, а все нѣтъ ничего! Посмотришь, ей-Богу, на нищаго, и то завидки берутъ .. Кой ему рожонъ! Настрѣляетъ за день-то кусковъ копѣекъ на сорокъ, а то и болѣ—вечеромъ въ трактиръ... Сичасъ это въ казенкѣ половиночку раздавитъ, потомъ — въ трактиръ: чайку, бараночекъ, посидитъ, закуситъ,—все по хорошему А ночевать къ десятскому: „давай фатеру“... А мы что, когда просвѣтъ-то видимъ а?.. Не женись, братъ Терешка, не совѣтую... Жéниться, братъ, по нынѣшнимъ временамъ все одно, что съ колокольни прыгнуть... ей-Богу!.. Врагу то-ись злому не посовѣтую!.. Будь она проклята, эта самая женитьба...

— Намъ нельзя не жениться, — сказалъ Терéха.—Наше дѣло не такое... Наше дѣло хозяйское... А ты подаешь женѣ-то?..

— Ужли нѣтъ! все туда,—въ эту яму не напасешься хламу... Семь ртовъ! самъ ты посуди: семь! по кусочку ежели, семь кусочковъ! По другому—четырнадцать .. н-да, другъ!.. Вериги несу на себѣ, вродѣ какъ угодникъ какой, ей-Богу!.. Вспомнишь, какъ прежде жилъ, — продолжалъ онъ, помолчавъ,—сердце мретъ... такъ вотъ и заноетъ, истинный Господь!.. Жалко... Хорошо жилъ... Тятенька съ маменькой любили меня... маменька особливо... она-то, покойница, меня и изгадила, избаловала... Бывало: такой-сякой, миленькій, хорошенькій...

Digitized by Google

Что захочу—давай! Тятенька-то въ садовникахъ жили у генерала Ковригина... ну, жалованье получали, извѣстно. И все у насъ было: корова тамъ, свинью держали... Однимъ словомъ, какъ люди, хорошо жили, говорить нечего.

— Меня въ ученье отдавали тоже,—опять, помолчавъ, продолжалъ онъ:—въ портные къ нѣмцу Фирару, Богданъ Богданычу... Ну, коли живъ, подохъ бы скорѣе, а коли померъ — дери его черти на томъ свѣтѣ... Эдакаго пса не видывалъ я — да, похоже, и не увижу... Въ тѣ поры, не то что теперь въ мастерскихъ-то, просто было!.. Теперь хозяинъ не моги крикнуть, а въ тѣ поры разговоръ былъ короткій! Ужъ и били же меня! эхъ ма!..

— Жуть!—воскликнулъ Тереха.

— Жуть, братъ!—повторилъ Культяпка,—такого бою ни одна лошадь не видывала: печка одна на мнѣ не была... Убѣгъ я. Тятинька было меня опять къ нѣмцу хотѣли, а я говорю: удавлюсь! Маменька вступилась: „не отдамъ дитё“... А напрасно! Теперь вотъ подумаю: напрасно! потерпѣть бы мнѣ... Ну, били,—за-то выучили бы, человѣка бы сдѣлали... Все родители виноваты: потворство это, баловство.. Такъ ничему и не выучили... Всю жизнь теперь и треплись, какъ подолъ бабій.. ей Богу! То за то схвачусь, то за это... Набалованный я человѣкъ... У меня и мѣста хорошія были, и жить бы, анъ нѣтъ!.. водочка! Ротъ-то у меня дрянной... Да и

Digitized by Google

лѣнивъ я... Работа эта проклятая для меня все одно, что ножъ вострый... смерть! Лежать бы мнѣ вотъ эдакъ постоянно... аль бы идтить куда... чтобы, значитъ, ни конца, ни краю не было... Н-да!.. Эхъ ма!.. Ну, что жъ они, черти, не идутъ долго... Неужли ихъ все бьютъ?..

Онъ замолчалъ... Молчали и мы... За рѣчкой, въ полѣ, радуясь теплу и солнцу, не смолкая тирликали жаворонки. Въ лѣсу трещали дрозды, гдѣ-то свисталъ скворецъ. Множество птичьихъ голосовъ неслось отовсюду. Гдѣ-то далеко куковала кукушка...

— Хорошо, братцы,—воскликнулъ вдругъ Культяпка,—тепло... гоже! Вотъ бы такъ-то завсе полеживать, а? Хорошо богачамъ! Вотъ бы...

И, не договоривъ того, что хотѣлъ сказать, онъ прислушался и воскликнулъ:

— Стойте-ка!.. Идутъ! Во кузнецъ оретъ, его голосъ... Идутъ, вѣрно.

XV.

Мы ждали, глядя на дорогу... Крупный разговоръ, ругательства съ каждой минутой слышались все ближе, и вотъ, наконецъ, изъ лѣсу показались три фигуры безъ картузовъ. Впереди шелъ, махая руками, длинный Сопля; за нимъ разсказывавшій что-то и ругавшійся кузнецъ, а сзади, понуря голову, плелся дядя Юфимъ.

Digitized by Google

Они шли, не видя насъ, и уже миновали то мѣсто, гдѣ мы лежали...

Тогда Культяпка, все время съ улыбкой слѣдившій за ними, крикнулъ:

— Эй, земляки! аль загордѣли? знаться уже не хотите, а?

„Земляки“ остановились и оглянулись. Увидя насъ, они сильно обрадовались и свернули съ дороги. Пока они шли къ намъ, Культяпка схватилъ четвертную и, поднявъ надъ головой, держалъ ее, весело улыбаясь..

— Есть? — вымолвилъ кузнецъ, любовно окидывая глазами бутыль, въ которой плескалась водка.

— Хватитъ!—воскликнулъ Культяпка,—ну, а вы какъ?

— Чай, самъ видишь!—угрюмо отвѣтилъ кузнецъ и еще угрюмѣе добавилъ, обернувшись къ намъ:—Вы что-жъ это, дьяволы, убѣжали?!.

— Отдѣлали насъ въ отдѣлку!—произнесъ дядя Юфимъ и плюнулъ.—Будь они прокляты! Провалиться бы имъ тамъ скрозь землю и съ селомъ-то вмѣстѣ... Слава Богу, хучь водку то не отняли... Смерть бы таперича безъ нея...

— На-а-а-а-ливай, штолича,—сказалъ Сопля, трясясь всѣмъ тѣломъ,—па-а-а-гуляли!—злобно добавилъ онъ и вдругъ закашлялся долгимъ мучительнымъ кашлемъ...

Digitized by Google

— Чашка-то тамъ осталась,—сказалъ Культяпка, наливая въ фунтикъ водки,—жалко до смерти... Скотницына чашка-то,—заѣстъ!..

— Чортъ съ ней!—сказалъ кузнецъ, жадно выпивая водку.—Ловко отдѣлали!—продолжалъ онъ,—во-какъ, гляди: жилетку на клочки, рубашка—во!..

Онъ распахнулъ разорванную съ ворота до подола красную рубашку, подъ которой было голое, покрытое синяками тѣло.

— Ловко, а?.. Да погоди!—закричалъ онъ вдругъ, сверкая глазами.—Не уйдешь!. нѣтъ, братъ, не уйдешь!..

Дядю Юфима и Соплю тоже очевидно сильно били: на тѣхъ тоже все было изорвано и болталось клочьями...

— Озорной народъ,—сказалъ Юфимъ,—разбойники! Попало мнѣ за дѣло, видно: не ходи, старый чортъ!

Они стали пить водку и по мѣрѣ того, какъ пили, становились веселѣе.. Намъ съ Терехой не подносили.

— А тебѣ, Мишукъ, спасибо,—говорилъ Юфимъ послѣ второго фунтика.—Уберегъ! Во время-то она дороже каменнаго моста...

— Эхъ, и утекалъ я съ ней, голова!—воскликнулъ Культяпка,—ногъ подъ собой не чуялъ... Не зналъ, что подо мной: земля, аль нѣтъ!..

Всѣ смѣялись... Дядя Юфимъ и кузнецъ стали

Digitized by Google

припоминать отдѣльные эпизоды боя, воодушевляясь все больше и больше...

Длинный Сопля сначала было тоже принималъ участіе въ этихъ разговорахъ, но потомъ какъ-то сразу насупился, замолчалъ и очевидно сталъ думать о другомъ.

— А она-то таматка... чай, съ нимъ, съ чортомъ финтитъ,—вдругъ совершенно неожиданно воскликнулъ онъ, вращая страшными, побѣлѣвшими глазами и собственно не обращаясь ни къ кому изъ насъ.—И такъ, чай, и эдакъ повернетъ... тьфу!.. будь ты проклята!..

— Да ты про кого это?—спросилъ Юфимъ.

— Про жену, вотъ про кого! — закричалъ Сопля.

— Кто про что, а ты все про это!—засмѣялся Культяпка.—Мы думали—свѣже, а это все тѣ же... Подумаешь, забота какая! Да наплевать!

— Что мнѣ дѣлать-то съ ней?!—закричалъ опять Сопля, обводя всѣхъ насъ мутными глазами.—А?.. убить шкуру...

— Плохъ, братъ, ты, коли съ бабой не совладаешь,—сказалъ, усмѣхаясь, Культяпка, видимо стараясь раздразнить Сопло:—гдѣ баба начало, тамъ голова мочало...

— Братцы мои! друзья неоцѣненные!—захлюпалъ сторожъ пьяными слезами.—Вѣдь я съ ней сколько живу-то, а?.. десять годовъ прожилъ...

Digitized by Google

десять, а?—Вникните! А на старости лѣтъ—не хорошъ сталъ!

— Она баба молодая, гладкая,—опять сказалъ Культяпка:—въ ней кровь играетъ, а ты—ишь какой шкилетъ... тебя вонъ соплей перешибешь пополамъ...

— Перешибешь...—какъ эхо, повторилъ Сопля и, помолчавъ, завопилъ: —Убью!.. не дамъ надъ собой мытариться... погоди ужо!.. Я те, я те!..

— А и взаправду,—угрюмо произнесъ кузнецъ,—надо бы этому чорту, нарядчику нашему, бока намять!.. Выискался какой: кто я?!.

— Народъ-то больно у насъ не дружный,—отвѣтилъ Культяпка,—гдѣ ужъ!—Одинъ такъ, а десятеро эдакъ... И сейчасъ съ язычкомъ къ самому... Ты еще рта не раскрылъ, а ужъ тамъ все извѣстно.

— Братцы мои,—между тѣмъ нылъ сторожъ,—десять годовъ, а?.. десять! А таперича, а?.. нехорошъ сталъ, другого захотѣла... Я, вишь ли, не хорошъ: красиваго надо, здоро-о-о-ваго... А я нешто не здоровъ... Я здоровъ, худъ только!.. Нешто я не справляю законъ.

— У тебя, братъ, чахотка!—сказалъ Культяпка.

— Кака така чахотка?

— Кака, кака!—передразнилъ его Культяпка и, безжалостно глумясь надъ нимъ, продолжалъ:—Болѣсь така, неизлѣчимая: сохнетъ человѣкъ, сох

Digitized by Google

нетъ, сдѣлается, аки вотъ эта былинка сухая... страсть глядѣть! Ну, и того, крышка!.. Много народу она жретъ, и ничѣмъ ты ее не возьмешь: нѣтъ супротивъ ея силы! Вотъ у тебя она самая.. Гдѣ ужъ тебѣ съ женой... тебѣ помирать скоро...

— Типунъ тебѣ на языкъ!—закричалъ сторожъ и сдѣлался еще страшнѣе:—чортъ, паршивый! издыхай самъ!—можетъ, ты напередъ издохнешь... Сволочь .. пра, сволочь... воръ!..

— А ты не очень, братъ! На меня еще собака не лаяла.. воръ!—Что я у тебя укралъ, а?..

— Бросьте!—крикнулъ кузнецъ,—какого чорта схватились!..

— А что-жъ онъ мнѣ смерть-то прочитъ?—закричалъ сторожъ,—надсмѣхается!.. Аль я дешевле его стою?.. Нищій обормотъ!..

— Чего ужъ! - усмѣхаясь, сказалъ Культяпка:— баба что хочетъ, то и дѣлаетъ... Погоди,—она скоро на тебѣ верхомъ ѣздить станетъ. И будешь возить...

— На мнѣ... верхомъ?!

— А что жъ ты думаешь? Вотъ приди-ка ужо, какихъ она тебѣ надаетъ, за милую душу!.. Накой ты ей!. Она, чай, тамъ за это время съ нарядчикомъ: и чаекъ, и бараночки... Пожалте, чего угодно! Ты думаешь, ребеночекъ-то въ люлькѣ твой качается? Нака-ся, выкуси... твой!.. былъ твой да свиньи съѣли... А онъ-то сдуру качаетъ... Качай, братъ, качай!..

Digitized by Google

Онъ говорилъ эти язвительныя слова, а сторожъ сидѣлъ и слушалъ... На него страшно и жалко было смотрѣть. Широко открытые глаза остановились на одной точкѣ, точно застыли, посинѣвшія губы тряслись, на щекахъ выступили красныя пятна... Все его тощее тѣло дрожало; пальцами правой руки онъ царапалъ землю, точно стараясь схватить что-то.

Намъ всѣмъ было неловко, совѣстно, гадко...

— Полно тебѣ, — сказалъ, наконецъ, дядя Юфимъ:—пожалѣть человѣка надо!.. Вишь, онъ и такъ отъ Господа убитъ... Эхъ ты! какое тебѣ дѣло до чужого тѣла?.. А ты плюнь на него,—обратился онъ къ Соплѣ,—не слушай: собака лаетъ—вѣтеръ носитъ ..

Но сторожъ не слушалъ его словъ. Онъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и, какъ бѣшеный, вращая огромными глазами и тряся кулаками, закричалъ:

— Убью!.. Истинный Господь! я... погоди... вотъ увидишь... со мной...

Онъ не договорилъ и, махнувъ рукой, повернулся и быстро зашагалъ отъ насъ по дорогѣ въ имѣніе.

— Ну, вотъ надѣлалъ, братъ, ты дѣловъ,—сказалъ дядя Юфимъ, обращаясь къ Культяпкѣ:—пойдетъ таперича скандалъ, драка. Эхъ, не хорошо!..

Культяпка засмѣялся.

Digitized by Google

— Все одно,—сказалъ онъ,—и безъ меня было бы. Не первый снѣгъ на голову... Ну что-жъ—перемѣнилъ онъ рѣчь,—допивать, что ли, а?..—и, видя, что никто не отвѣчаетъ, молча сталъ наливать въ фунтикъ водку...

XVI.

Въ имѣніе мы пришли къ вечеру и прямо направились на кухню ужинать.

Здѣсь уже отужинали, по случаю праздника и не дожидаясь насъ и предполагая, что мы придемъ пьяные.

Сторожъ, связанный по рукамъ и ногамъ, съ разбитымъ лицомъ и мокрыми лоснящимися и слипшимися на лбу волосами, лежалъ навзничь на своей кровати и, широко открывъ ротъ, спалъ тяжелымъ пьянымъ сномъ, мыча и выкрикивая что-то...

Злая, заплаканная, съ подбитымъ глазомъ, стряпка, бормоча что-то себѣ подъ носъ, вѣроятно ругаясь, швырнула намъ на столъ хлѣба, ложекъ, плеснула въ чашку щей, кинула наши „пайки“ солонины и, сказавъ: „жрите!“—ушла въ свой уголъ...

— Жрутъ-то, чай, свиньи да ты съ ними,—сказалъ кузнецъ,—а мы кушаемъ... Что, аль влетѣло?!..

Digitized by Google

— А тебѣ какое дѣло?—огрызнулась кухарка,— ты знай себя да вали подъ себя... Оглянися, сватъ, на свой задъ...

— За дѣло,—продолжалъ кузнецъ,—такъ и надо! Кабы на мои зубы, я-бъ вамъ обоимъ съ хахалемъ-то головы сорвалъ... И грѣха не было бы...

— Съ какимъ съ такимъ хахалемъ,—завизжала кухарка, выскакивая на средину кухни,—сказывай, а?.. ты видѣлъ что-ль? Сказывай!..

— А ты, смотри, не ударь! — злобно улыбнувшись, съ презрѣніемъ сказалъ кузнецъ и вдругъ громко крикнулъ:—Отвяжись отъ меня...

И онъ обругалъ ее позорнымъ словомъ. Кухарка громко заплакала и завопила, обращаясь къ намъ:

— Будьте свидѣтели!

Въ это время дверь отворилась, и въ избу вошелъ нарядчикъ.

— Хлѣбъ да соль! — сказалъ онъ, садясь на лавку и словно не замѣчая плачущую кухарку.

Мы молчали. Нарядчикъ быстро окинулъ насъ своими острыми изъ-подъ нависшихъ бровей глазами и прибавилъ:

— Ну, какъ погуляли?..

Но видя, что мы опять молчимъ онъ обратился къ стряпкѣ и, сурово хмуря брови, какъ-то особенно грубо и зло крикнулъ:

— Ты чаво это, а?..

Digitized by Google

— Да какъ же, — завизжала стряпка, — всякой, прости Богъ, жуликъ придетъ, лаетъ, страмитъ... Аль я взаправду какая-нибудь... За что онъ меня такимъ словомъ обозвалъ?.. Какой такой у меня хахаль, а?.. сказывай! Ну, ну!. а-а-а! небось, пришилъ, пристегалъ языкъ-то... Испугался?..

— Какъ не испугаться —произнесъ кузнецъ,— кабы эта страсть да къ ночи... гм!.. Какой хахаль-то?—продолжалъ онъ, улыбаясь,—а вонъ сидитъ — Онъ указалъ пальцемъ на нарядчика, — аль не узнала?.. Шкура!—продолжалъ онъ.—Тоже: кто я!.. мужа-то извела, подлая.. у у-у, сволочь!..

— Что-жъ это такоича! — закричала кухарка, ударяя себя руками по бедрамъ, — люди добрые, а?.. Егоръ, что-жъ ты молчишь-то, а?.. уйми его!

— Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ,—стараясь быть спокойнымъ, отвѣтилъ нарядчикъ, — надъ тобой, дурой, смѣются, а ты думаешь взаправду... Вонъ давѣ, — продолжалъ онъ и кивнулъ головой на кровать, гдѣ спалъ пьяный сторожъ,—этотъ чортъ прибилъ... бѣлены объѣлся... На меня тоже къ рылу съ кулачьями лѣзетъ... Пожалуй, сердись... Коли на всякую сволочь сердиться—сердца не хватитъ!

— Самъ-то ты, сволочь, — сказалъ кузнецъ и швырнулъ ложку по столу. — Валупку вотъ тебѣ дать!—добавилъ онъ, вылѣзая изъ-за стола...

— Что же... зачѣмъ дѣло стало?—сказалъ нарядчикъ, поднимаясь съ мѣста,—дай!..

Digitized by Google

— И дождешься когда-нибудь...

— Эхъ ты, пьянчуга... тьфу!.—съ презрѣніемъ глядя на кузнеца, плюнулъ нарядчикъ и пошелъ къ двери,—говорить-то съ тобой мускуротно,—добавилъ онъ, обернувшись.—Злая рота!..

Онъ вышелъ и такъ хлопнулъ дверью, что затряслась стѣна, и проснулся пьяный сторожъ.

XVII.

Онъ заворочался, задрыгалъ ногами, точно ихъ сводила судорога, замычалъ и, повернувшись набокъ въ нашу сторону, обвелъ насъ всѣхъ мутными, страшными, съ кровяными жилками на бѣлкахъ, глазами.

— А мы вотъ отужинали,—сказалъ дядя Юфимъ, подходя къ нему.—Вставалъ бы и ты, а?.. Дакось я тебя распутаю... ишь связали.

— Не хочу ужинать,—испить дай!—промычалъ сторожъ, глядя на жену.—Ла-а-а-худра!..

— На, жри, подавись!—сказала кухарка, подавая въ ковшѣ воду.—Проснулся гулена, пьяница, разбойникъ...

Сторожъ припалъ сухими губами къ ковшу и жадно пилъ, глядя на жену поверхъ ковша.

— Что говоришь? — переспросилъ онъ, напившись и облизывая кончики усовъ.

Digitized by Google

— Ничаво!—огрызнулась кухарка и пошла было отъ него прочь.

— Подавись, а?.. подавись?—дико, какъ-то захлебываясь, вдругъ закрпчалъ сторожъ и со всего размаха швырнулъ въ нее ковшемъ. Ковшъ ударилъ ее въ спину и покатился по полу...

— Ты драться, сволочь!—завизжала кухарка, обернувшись къ нему,—ты драться?.. Ка-а-а-ра-улъ!—вдругъ неистово закричала она, видя, что мужъ слѣзъ съ постели и идетъ къ ней.—Ка-а-а-ра-улъ!..

Она выставила руки впередъ и пятилась къ печкѣ...

— Свого зовешь!—рычалъ сторожъ, задыхаясь отъ злобы и стараясь схватить ее за волоса,—свого зовешь, а?..

Наконецъ, ему удалось схватить ее лѣвой рукой за шиворотъ...

— А-а-а, — зарычалъ онъ, — подавись?.. мужъ законный подавись, а?.. Вре-е-е-шь, стерва, не выскочишь!.. вре-е-е-шь!—Захлебываясь и совершенно озвѣрѣвъ отъ злобы, съ пѣной въ углахъ рта, онъ ударилъ ее кулакомъ по лицу и при этомъ какъ-то ухнулъ, точно филинъ ночью гдѣ-нибудь въ лѣсной трущобѣ, страшно и глухо...

Баба дико закричала и вцѣпилась ему зубами въ руку. Сторожъ поволокъ ее за волосы и вдругъ, споткнувшись обо что-то, упалъ вмѣстѣ съ нею на полъ.

Digitized by Google

— Ка-а-а-ра-улъ!—взвыла опять баба, — православные, помогите!.. на комъ крестъ есть... а а-ай убьетъ... Ка-а-а-ра-улъ!..

Мужъ сидѣлъ на ней верхомъ и страшно билъ ее обѣими руками, стараясь попадать по лицу, которое она прятала отъ него, изгибаясь, стараясь вырваться.

— Разнять надыть!—сказалъ Юфимъ:—какъ бы чего не вышло: въ свидѣтели еще притянутъ... Ишь, сцѣпились, ахъ, дуй васъ горой! чисто, сичасъ умереть, псы... Разнять надыть.

— Не надо! — закричалъ кузнецъ, видимо съ удовольствіемъ наблюдавшій за ходомъ драки, — не наше дѣло... По дѣломъ...

— Свои собаки дерутся—чужая не приставай,— въ тонъ ему поддакнулъ Культяпка и закричалъ:— Въ торецъ-то ее полыхни!.. о, го, го! бей, не робѣй!..

Между тѣмъ, озвѣрѣвшій мужикъ пересталъ бить ее кулаками, а, нагнувшись и вцѣпившись ей руками въ волосы, принялся кусать и грызть ее сзади, за шею, похожій на стараго, чахлаго злобнаго волка.

— Заткни ей глотку-то!—крикнулъ кузнецъ,— ишь, дьяволъ, оретъ! Диви—рѣжутъ...

— Пойдемъ, робята, отседа,—сказалъ Юфимъ,— дѣло-то складнѣе будетъ... Кузнецъ, пойдемъ!—не наше дѣло, дери ихъ чортъ!

Онъ всталъ и торопливо пошелъ къ двери. Мы

Digitized by Google

съ Терехой бросились за нимъ... Кузнецъ вышелъ послѣднимъ и, плотно прихлопнувъ дверь, сказалъ:

— Будетъ помнить!

— Не убилъ бы грѣшнымъ дѣломъ, — сказалъ Юфимъ.

— Чортъ съ ней!.. собакѣ собачья и смерть...

Я посмотрѣлъ на Тереху, на немъ лица не было. Онъ поймалъ мой взглядъ и, вздрогнувъ, произнесъ:

— Жуть!..

— Во-какъ, братъ, женъ-то учатъ, — хлопнувъ его по плечу, весело воскликнулъ Культяпка, — учись, братъ, Тереха-Воха... учись, родной... го, го, го!..

XVIII.

Изъ кухни, между тѣмъ, доносились дикіе крики: „караулъ“... „батюшки“... „православные“...

Около кухни, кромѣ насъ, никого не было. Всѣ остальные рабочіе, какъ оказалось, вмѣстѣ съ нарядчикомъ ушли подъ гору, за имѣніе, ловить бреднемъ въ такъ называемомъ „скотномъ“ прудѣ карасей, и прекратить эту сцену было некому...

Мы всѣ отошли въ сторонку, подальше отъ избы, и сѣли на бревнахъ.

Покурилъ бы табачку,
Нѣтъ бѣлой бумажки...

Digitized by Google

—тоненькимъ голоскомъ запѣлъ Культяпка.—Гармошку бы теперь.

Ты, гармошка-флеичка,
Поиграй маненичко...
Поигралъ, потѣшился.
Погулялъ, понѣжился...

— Брось! — сказалъ кузнецъ, — ни складу, ни ладу!—и, помолчавъ, тихо произнесъ:—Все бьетъ...

— Въ азартъ взошелъ!—сказалъ Культяпка.

Въ это время дверь изъ кухни вдругъ отворилась настежь, сильно ударившись объ стѣну, и на крыльцо, а съ крыльца на землю, кубаремъ скатилась растрепанная, простоволосая и избитая кухарка, а за ней съ полѣномъ въ рукахъ Сопля.

Съ криками: „караулъ“, „убилъ“ кухарка пустилась бѣжать... Сопля побѣжалъ было за ней, но, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановился и изо всей силы швырнулъ полѣномъ ей въ догонку...

Оглянувшаяся на бѣгу, баба присѣла, и полѣно пролетѣло надъ ней .. Вѣроятно, она не разъ продѣлывала такъ и раньше и, вѣроятно, подобныя сцены были ей не въ диковинку... Мужъ крикнулъ вдогонку скверное ругательство, жена отвѣтила тѣмъ же и, сдѣлавъ гадкую непристойность, отъ которой Культяпка покатился со смѣху, побѣжала дальше и скрылась гдѣ-то за амбарами...

— Иди къ намъ!—закричалъ Культяпка:—эй, воинъ! иди сюда... побаловалъ да и за щеку...

Digitized by Google

Сопля подошелъ... Мы всѣ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ уставились на него...

На немъ лица не было и смотрѣть на него было страшно...

Бѣлый, какъ бумага, худой, съ пѣной по угламъ рта, трясущійся отъ неостывшей злобы, въ изорванной рубашкѣ, изъ-подъ которой выглядывала тощая, поросшая волосами грудь,—онъ былъ противенъ, жалокъ и ужасенъ...

— Усталъ, родной, а?—сочувственно произнесъ дядя Юфимъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ и молча сѣлъ, низко опустивъ голову.

— Ну, жисть,—глухо произнесъ онъ, помолчавъ:—да... Сибирь...—Онъ поднялъ голову, обвелъ насъ страшными глазами и опять нагнулся,—хучь дависъ .. да и не миновать!..

— Эхъ ты!—воскликнулъ Культяпка,—изъ за бабы-то? Го! плюнь ты на нее да ногой разотри...

— Плюнь!—передразнилъ его сторожъ:—хорошо тебѣ говорить-то!.. да... А ты встань на мое мѣсто... попробуй... Мнѣ ужъ что,—продолжалъ онъ и голосъ его задрожалъ слезами:—мнѣ нешто любовь ея таперича нужна? мнѣ хучь бы ува-ува-женье, мнѣ...—онъ вдругъ заплакалъ и затявкалъ, какъ щенокъ.—О-о-о-бидно мнѣ...

И вдругъ онъ заревѣлъ такъ, что намъ стало жутко...

Digitized by Google

Мы долго сидѣли молча, слушая его тявканье... Солнце садилось... Огромный яркій дискъ его прятался вдали за буграми и, наконецъ, пропалъ. Стало смеркаться. Съ поля пригнали скотину. Бабы скотницы начали доить коровъ, крича на нихъ и стуча ведрами... Изъ-подъ горы, громко разговаривая, смѣясь и крича, возвращались съ рыбной ловли рабочіе. Недалеко отъ насъ, на березѣ сидѣлъ около скворешника скворецъ и пѣлъ... Онъ то свисталъ, то, обернувшись къ заходившему солнцу, трепеталъ крылышками и что-то часто, часто тирликалъ, то принимался кричать, какъ галченокъ, то подражалъ ржанью поросенка... Въ лугахъ кричали чибисы, крякали гдѣ-то утки, несмолкаемая торопливо-радостная балтовня жаворонковъ доносилась съ поля...

— Н-да!—произнесъ, наконецъ, молчавшій, какъ и всѣ мы, кузнецъ,—дѣла подумаешь, а?.. Изъ-за какого дерьма, изъ-за бабы... тьфу!..

— Думай не думай, а жить надыть!—стараясь казаться веселымъ, крикнулъ Культяпка:—ничего не подѣлаешь...—И, помолчавъ, добавилъ:—Знать, и нарядчикъ съ ними рыбу ловилъ..

— А что?—спросилъ кузнецъ.

— Да вишь вонъ,—Волчекъ бѣжитъ... завсе съ нимъ,—выкормокъ... и хитрая жъ, голова, собаченка!..—Онъ вдругъ свиснулъ и громко крикнулъ:—Волчекъ, Волчекъ! Сукинъ сынъ, подь сюда!

Digitized by Google

Исѝ, исѝ!.. „Исѝ“—это значитъ „поди сюда“ по господски,—пояснилъ онъ.

Бѣжавшая въ сторонѣ изъ-подъ горы небольшая собаченка остановилась, послушала и побѣжала въ нашу сторону. Какъ-то изгибаясь, махая пушистымъ хвостомъ и недовѣрчиво-робкими глазами оглядывая насъ, она подползла на брюхѣ, тихонько взвизгивая, къ Культяпкѣ и вдругъ около его ногъ перевернулась на спину.

— Ахъ ты, подлецъ!—перекатывая ее съ боку на бокъ ногой, заговорилъ Культяпка,—сукинъ ты сынъ!.. мм-а-а-шенникъ! жрать, видно, захотѣлъ, а?.. злая шельма... ишь хвостомъ-то сучитъ. Что, а?.. что, зла-а-я рожа...

— Тереха-Воха,—вскочивъ вдругъ съ мѣста и какъ-то сразу оживившись, торопливо вполголоса заговорилъ кузнецъ:—сбѣгай, другъ, скорѣича на кухню, принеси топоръ.—Тамъ онъ гдѣ-нибудь у порога... Скорѣйча бѣги!

Тереха, не интересуясь, зачѣмъ вдругъ понадобился топоръ, всталъ и торопливо пошелъ къ избѣ.

— Ты что это?—спросилъ Юфимъ.

— Погоди, увидишь!—скверно какъ-то посмѣиваясь, произнесъ кузнецъ. Давай скорѣй!—крикнулъ онъ возвращавшемуся съ топоромъ Терехѣ.

Тереха подошелъ и отдалъ топоръ. Кузнецъ взялъ его, пощупалъ большимъ пальцемъ правой руки лезвіе и сказалъ Культяпкѣ:

Digitized by Google

— Ну-ка, Мишь, подложь-ка хвостъ-то на бревно, а его подержи чутокъ за шиворотъ... Я въ моментъ!.. злѣе будетъ... Вонъ у пастуховъ у зубцовскихъ всѣ собаки... хвосты рублены... Клади!..

— Бросьте, ребята, не ладно это, не дѣло... жалко,—сказалъ Юфимъ.

— Мы люди, да и то насъ не больно-то жалѣютъ,—пробурчалъ кузнецъ.

— Ну, какъ знаете, ваше дѣло!—сказалъ дядя Юфимъ и, махнувъ рукой, отвернулся въ сторону.— А только,—добавилъ онъ,—блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ...

Между тѣмъ, Культяпка взялъ Волчка за голову и, зажавъ его голову между ногъ, весело крикнулъ:

— Сопля, бери-ка его, сукина сына за хвостъ... за конецъ за самый... клади на шестирину-то, тяни къ себѣ, а я къ себѣ, а ты руби... Сразу отскочитъ...

Сопля охотно согласился и, ругаясь скверными словами, злой и страшный, схватилъ Волчка за хвостъ и сдѣлалъ такъ, какъ училъ Культяпка.

Волчекъ потихоньку повизгивалъ, точно ребенокъ, начинающій плакать и моргать небольшими умными глазками, не дѣлая никакихъ усилій вырваться.

— Вмазывай!—крикнулъ Культяпка.

Кузнецъ взмахнулъ топоромъ, какъ-то особенно крякнулъ, перекосилъ ротъ въ сторону и ударилъ...

Digitized by Google

Отрубленный хвостъ по самую „рѣпицу“ остался въ рукахъ Сопли.

Культяпка разжалъ ноги и пустилъ Волчка.

Сначала, вѣроятно, не сразу почуя боль, Волчекъ молчалъ, потомъ какъ-то неожиданно сразу раздался пронзительный не визгъ, а какой-то необыкновенно жалобный вопль, и собаченка, катаясь по землѣ, обливаясь кровью, оглядываясь назадъ, дѣлая усилія поймать остатокъ хвоста, побѣжала прочь...

— Эхъ, ребята!—произнесъ дядя Юфимъ и всталъ съ мѣста,—за что?.. нешто тварь виновата... безсловесная она... Эхъ!—онъ опять махнулъ рукой и пошелъ прочь по направленію къ сараю, гдѣ мы спали...

— Брось хвостъ то подъ бревна! — торопливо и ни на кого не глядя, сказалъ кузнецъ.—Да расходись кто куда... Коли самъ спроситъ: не знаемъ, молъ... Ишь оретъ, чортъ, за версту слыхать... Терешка, брось-ка топоръ на мѣсто... оботри кровь-то объ траву...

Тереха понесъ топоръ... Я пошелъ за нимъ. Онъ отворилъ дверь, швырнулъ топоръ и, сойдя съ крыльца, сказалъ:

— Ну, и народъ, Павлычъ, а?.. жуть!..

Digitized by Google

XIX.

На утро нарядчикъ „нарядилъ“ меня работать въ кузницу, за молотобойца... Дѣло въ томъ, что постоянный молотобоецъ недавно взялъ разсчетъ и ушелъ, а новаго не было, и обязанность эту исполняли рабочіе поочередно.

Злой, хмурый съ похмѣлья кузнецъ, въ грязномъ фартукѣ, съ засученными по локоть мускулистыми здоровенными руками, заставилъ меня прежде всего развести горно. Мнѣ отъ роду, какъ говорится, не приходилось работать въ кузнѣ, и все у меня выходило неловко, нескладно, не хорошо...

Кузнецъ злился и оралъ на меня такъ, что за версту было слышно. Я боялся, какъ бы въ азартѣ онъ не стукнулъ меня молоткомъ (онъ нѣсколько разъ замахивался имъ на меня), и дѣло шло у меня еще хуже... Я чувствовалъ, что изнемогаю... Отъ усталости, а главное—отъ волненія я сталъ весь мокрый и въ душѣ проклиналъ и кузнеца, и себя, и всю эту постылую подневольную работу...

Работа была трудная: надо было разрубить вдоль молоткомъ и зубиломъ, квадратный, очень толстый конецъ желѣза.

Раскаливъ желѣзо до бѣла, кузнецъ выхватывалъ его изъ горнушки, обсыпая всю кузню бле-

Digitized by Google

стящими до боли въ глазахъ искрами, клалъ на наковальню, наставлялъ зубило и оралъ что есть мочи:

— Бей!..

Я билъ...

— Бей!—опять оралъ онъ.—На носъ бей!.. Бей, дери тебя чортъ!.. Не такъ: на носъ бей,—русскимъ языкомъ говорятъ, дьяволъ! тьфу!.. На носъ!..

И, видя, что я не понимаю, что значитъ бить „на носъ", онъ съ ругательствомъ швырялъ зубило на землю и съ ругательствомъ же совалъ снова въ горно успѣвшее за это время остыть желѣзо...

— Дуй! дьяволъ тебя задави... Вотъ дурака-то Богъ далъ: простого дѣла и то не смыслитъ... Тьфу! черти.. бить васъ надо...

Когда конецъ снова накалялся до бѣла, кузнецъ давалъ мнѣ зубило, а самъ бралъ „кувалду" и, показавъ мѣсто, гдѣ наставить зубило, билъ...

Билъ онъ страшно сильно, въ размашку, черезъ голову, и при этомъ какъ-то особенно при каждомъ ударѣ крякалъ...

— На себя подай!—оралъ онъ, глядя на зубило:—еще!.. Ахъ! ахъ! ахъ!—крякалъ онъ вмѣстѣ съ ударами кувалдой.—Не верти... держи крѣпче, баба рязанская, чо-о-о-ртъ!.. Ахъ! ахъ! ахъ!..

Въ концѣ концовъ я навыкъ, и уже крики куз-

Digitized by Google

неца не дѣйствовали на меня такъ одуряюще, какъ сначала.

Подошелъ завтракъ, позвонили... Надо было идти въ кухню, но кузнецъ не пошелъ... Онъ обтеръ обратной стороной фартука лицо, снялъ фуражку, поскребъ въ головѣ и какъ-то бокомъ, исподлобья глядя на меня, сказалъ:

— Сходи, братъ, за половиночкой, а?.. Будь другъ!.. Аль жрать хошь? Да что тамъ жрать-то? Кандеръ, чай, опять... Хлѣба-то опосля и сюда взять можно, здѣсь и подождемъ... А?.. Сыпь къ Лизкѣ... чай знаешь, вонъ деревня-то... Пески,—отсель видно... Сыпь!..

— А дастъ?..—спросилъ я, не зная, что сказать и мысленно посылая его къ чорту,—понапрасну проходишь, пожалуй.

— Дастъ, дастъ... эва! ты скажи—мнѣ... На спосуду-то, фартукъ на.. Понесешь коли,—не видать подъ фартукомъ-то...

Онъ досталъ откуда-то, изъ темнаго угла, гдѣ лежалъ разный хламъ, бутылку и подалъ мнѣ...

— На деньги.—Онъ далъ мнѣ полтинникъ и, какъ будто конфузясь, произнесъ:—Ужъ бери цѣльную, коли дастъ, а?.. Чего тутъ, гдѣ наше не пропадало!.. Занялъ даве... Вмазывай!.. А я, буде, грѣшнымъ дѣломъ, закусить припасу... Эхъ, не догадались даве картошки испечь!..

Digitized by Google

Лизка, маленькая, рябая и горбатая старая дѣвка „вѣковушка“, подозрительно окинула меня глазами и на мой вопросъ отвѣтила:

— Нѣту! иди въ казенку.

— Да ужъ полно!—сказалъ я, зная, что она вретъ и боится меня какъ человѣка, пришедшаго въ первый разъ.—Давай!..

Поговоривъ со мной и, очевидно, убѣдившись, что я не вру, она вышла куда-то изъ избы и сейчасъ же возвратилась съ бутылкой.

— На вотъ... Да смотри, парень, поаккуратнѣй... Знаешь, нонѣ народъ-то какой: выдь за ворота, скажутъ,—на улицѣ была. А ты самъ-то что-жъ?.. Выпилъ бы стаканчикъ... выпьешь? что-жъ, поднесу для перваго знакомства... Посиди, куда же спѣшить-то?.. Не бойся... никто не придетъ... дверь-то я, коли, запру, а?..

Я, молча, взялъ фуражку и вышелъ на улицу.

— Заходи!—крикнула мнѣ вдогонку Лизка,—не будь гордый-то... У меня все шито, крыто!..

Кузнецъ сидѣлъ на порогѣ кузни и ждалъ. Увидя, что я иду, онъ не вытерпѣлъ и пошелъ на встрѣчу...

— Ну, что?—издали закричалъ онъ.

— Есть!—отвѣтилъ я.

— О-о-о!—радостно воскликнулъ онъ, и лицо

Digitized by Google

его какъ-то сразу перемѣнилось къ лучшему.— Гоже... А я хлѣба принесъ,—продолжалъ онъ, идя обратно въ кузню:—на кухню ходилъ... Нарядчикъ-то на меня звѣремъ смотритъ: гляди, какъ бы разсчетъ не дали... Чай, ужъ и самому извѣстно про вчерашнее-то... Ну, да чортъ съ ними,—разсчетъ, такъ разсчетъ, наплевать! Была-бъ шея—хомутъ найдется... Наше дѣло,—выпьемъ вотъ, закусимъ...—А нонѣ,—добавилъ онъ, входя въ кузню,—князя ждутъ... Какъ бы завтра сюда не пришелъ... Ну, да наплевать... дѣло не ваше, сказала мамаша... Такъ вѣдь, а?.. Какъ тебя звать-то?.. Что ты какой невеселый, а? Ну-ка... эхъ, водочка-водочка, матушка родима! Согрѣетъ, развеселитъ.. эхъ-ма!.. дернемъ, землякъ, а?.. да и закаемся!!.

XX.

— Князя ждутъ,—говорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, сидя на наковальнѣ,—а мнѣ что?.. Мнѣ наплевать! Имъ онъ князь, а мнѣ тьфу! Плюнуть, да ногой растереть... Ты не видалъ князя-то?.. гм! такой-то чортушка: все самъ, до всего доходитъ... А горячъ—страсть: такъ къ рылу съ кулаками и лѣзетъ, ударить норовитъ... Да нѣтъ, братъ, шалишь, меня не ударишь... Ша-а-а-лишь! Вотъ погоди ужо, какъ пріѣдетъ,—всѣхъ къ парадному выгонятъ на встрѣчу... И насъ, рабочихъ.

Digitized by Google

Самъ, гляди, встрѣчать уѣдетъ. Выходитъ, братъ, нонѣ вродѣ какъ бы праздникъ... Ну, ее къ чорту, работу-то: не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ...

Онъ выпилъ, откусилъ хлѣба, пожевалъ, выплюнулъ, морщась; посидѣлъ молча и хмуро, что-то думая, и вдругъ спросилъ:

— Издохнетъ, а?..

— Кто?..

— Кто, кто?—разсердившись, передразнилъ онъ меня: — кого вечоръ-то трахнулъ? Забылъ? Волчекъ—вотъ кто!

— А что?—переспросилъ я.

— Да ничего, такъ я... Ты думашь, пожалуй,—мнѣ его жалко, а? Чего глядишь-то... Думашь, я не знаю, что ты думашь?..

— Издохнетъ,—сказалъ я,—кровью изойдетъ...

— Вре-е-е-е!? Ахъ ты! Что станешь дѣлать... Да, горячъ я, братецъ ты мой, страсть... самъ съ собой совладать не могу... Чего ужъ,—продолжалъ онъ, торопливо свертывая курить,—мальчонку своего зашибъ, сынишку... навѣкъ теперь не человѣкъ... Апосля-то и жалко... близокъ локоть, да не укусишь...

— Какъ же это ты?—спросилъ я.

— Да такъ... Пришелъ однова домой, выпимши чутокъ, да съ собой принесъ половиночку. А дома у меня ребятишки,—двое... Ну, они это сичасъ ко мнѣ: „тятенька пришелъ, тятенька!.. пьяненькій,

Digitized by Google

румяненькій“... Чудаки, пра-ей-Богу!.. Скачутъ около меня, рады глупые. Поставилъ я половиночку на столъ, самъ думаю: эхъ, чекалдыкну передъ обѣдомъ!.. Хвать, мальчишка, поменѣ который, Степкой звать, какъ-то нечаянно, аль тамъ какъ,— задѣлъ эту самую мою половинку. Брыкъ она со стола, да объ полъ — чикъ! Готова, только черепки зазвенѣли .. Ну, что-жъ ты думаешь, братецъ ты мой!—воскликнулъ онъ, тяжело переводя духъ,—свѣту я не взвидѣлъ... Подвернись, кажись, о ту пору молотокъ, такъ бы и раздробилъ!.. Затрясся весь,—бацъ его со всего размаху по уху!.. Такъ и отнесло его, ровно вѣтромъ. Жена завыла: „убилъ, убилъ!..“ А во мнѣ, понимаешь, такъ все ходуномъ и ходитъ, трясется.. Скажи кто слово— убью!.. Не повѣришь, - заплакалъ!

Онъ замолчалъ и уставился глазами въ одну точку въ уголъ, думая что-то... Я тоже молча глядѣлъ на него и потомъ спросилъ:

— Ну, что-жъ мальчишка-то?..

Онъ махнулъ рукой и крикнулъ:

— Уродъ сталъ, дуракомъ на всю жизнь сдѣлалъ: оглохъ... Припадки съ нимъ: забьется, забьется эдакъ, изо рту пѣна, кричитъ благушей... А тотъ, другой, постарше-то который,—Ванькой звать,—тотъ боится меня, словно тигры... Такъ весь и задрожитъ, какъ береста, коли я приду, побѣлѣетъ... Не любитъ меня... Выростетъ, будетъ меня, сукинъ сынъ, кло

Digitized by Google

чить... Да, правда,—добавилъ онъ, кривя ротъ,—такъ и надо: почитать-то насъ тоже не за что... Вотъ развѣ, что не дожить мнѣ, гдѣ ужъ... Эхъ-ма!..

— Гдѣ же они у тебя теперь?—спросилъ я.

— Въ городѣ, на фатерѣ... Я вѣдь не хресьянинъ,—мѣщанинъ я... Въ городѣ живутъ...

— Подаешь имъ?..

Онъ усмѣхнулся.

— Подаю... Эхъ, другъ, какъ тебя... Павлычъ, кажись?.. Не видишь нешто, кому подаю.. Вотъ кому!—Онъ взялъ и потрясъ бутылку...

— Такъ кто же ихъ кормитъ-то?.. Жена, что ли?

— Не знаю... она, чай... Я давно, признаться, не былъ... Поди, извелась вся... Охъ, хо, хо!. да.. Чекалдыкнуть?.. Какъ они тамъ,—Господь батюшка знаетъ.. извѣстно, чай, бьются...

— Да ты тамъ-то бы работалъ, въ городѣ,—сказалъ я,—тамъ вѣдь кузницъ много...

— Было дѣло. Ужли я дурѣй тебя, не знаю... Стало быть, такъ надо... Толкуешь!.. Не знаешь ты, братъ, ничего... Да нешто меня тамъ возьметъ кто?..

— А что?..

— Да то... Хорошъ очень мальчикъ, вотъ что... Ты еще, братъ, меня не знаешь... Ты не гляди, что я вотъ съ тобой по душамъ говорю... Може, я тебѣ скоро въ рыло шаркну... Это у меня, братъ, не долго. Со мной тоже умѣючи надо говорить-то,

Digitized by Google

н-да! Не люблю я, коли насупротивъ. На сердце не наводи меня, а то въ рыло!..

— Дули тебя, небось, за это?—спросилъ я.

— Было.. Разъ купцы на площади били. Да какъ били: душу только оставили...

— За что?.

— За дѣло: руки длинны...

— Воровалъ?

— А тебѣ что?.. Ну, воровалъ, наплевать! Пропьешься, братъ, до креста, да взять негдѣ,—украдешь. Кто какъ, а я украду... Мнѣ чтобы не опохмѣлиться—не возможно... У меня, братъ, въ жилахъ не кровь, а водка, пропитался я весь ею, наскрозь... Родитель покойникъ пилъ, говорятъ, мертвой чашей... Мать потаскушка,—не въ осужденье будь сказано,—пила тоже... На винѣ меня и зародили, какъ блины на дрожжахъ... Н-да... Какъ не пить?.. плачешь, а пьешь!.. Ты говоришь,— воровалъ ли? Эхъ, было!.. Со мной, братецъ ты мой, разъ кака аказія случилась... Вотъ я тебѣ разскажу...

— Работать надо!—перебивая его, сказалъ я.

— Кака работа? Ну ее къ чорту!.. И не твое это дѣло... Не перебивай ты меня, коли ежели я говорю... Сиди, не дыши... Пей, вотъ, на, пей!..

— Не хочу.

— Врешь... боишься! Трусы вы всѣ, дери васъ чортъ! Куды ты, гляжу я на тебя, годенъ-то?.. Трубы тобой затыкать только. Молчи... молчи, го-

Digitized by Google

ворю,—заоралъ онъ вдругъ,—а то въ рыло! Работать надо!—передразнилъ онъ меня,—работникъ тоже! га! Молчи, не дыши!.. Не ты отвѣчать станешь... Не хочу работать, да и все .. Не хочу! Разсчетъ давай! На кой мнѣ чортъ! – Онъ вскочилъ вдругъ съ мѣста и началъ швырять „струментъ“ куда попало.—Не хочу! Къ чорту!.. Переломаю все, перебью... убью... зарѣжу!..

Онъ до того обозлился и сдѣлался такъ страшенъ, что на него непріятно и жутко стало смотрѣть.

Я сидѣлъ молча, боясь, какъ бы онъ не пристукнулъ меня, и думалъ только по-добру, по-здорову уйти на кухню. Но уйти мнѣ было нельзя, потому что сидѣлъ я не у двери, гдѣ бѣсновался кузнецъ, а за наковальней въ углу..

— Растревожилъ ты меня, анаѳема!—оралъ, между тѣмъ, кузнецъ,—работой своей... Тянули тебя за языкъ-то, а?.. Тянули, говори?.... У-у-у!.. Стукну, вотъ, по макушкѣ-то... убью до разу. Проси прощенья у меня,—вдругъ заоралъ онъ и подскочилъ ко мнѣ, – становись на колѣнки! Проси прощенья!—И, видя, что я молчу и сижу, какъ сидѣлъ, онъ захохоталъ вдругъ и сказалъ: —А-а-а, испугался!.. Что, братъ, а?.. Не бойся, такъ я это, такъ: дурака ломаю.. А ты, небось, думаешь: очумѣлъ и взаправду убьетъ... Не бойся!.. Не бойся меня... Гдѣ ужъ... эхъ-ма!..

Digitized by Google

Онъ опять выпилъ и опять сѣлъ на наковальню.

— Вотъ эдакъ то,—началъ онъ снова, совсѣмъ по другому, съ какой-то затаенной грустью въ голосѣ:—придешь, бывало, домой,—давай ломать ся... Дѣти тутатка.. сусѣди... И штука, братецъ ты мой: чѣмъ болѣ ломаешься,—тѣмъ тебя болѣ разбираетъ... Пристаешь, пристаешь къ женѣ-то, а она молчитъ... Нѣтъ, врешь, стерва! Говори, отчего молчишь?.. Сичасъ за волосья... Ну, а ужъ разъ ударилъ,—и пошло! До тѣхъ поръ бьешь, покедова не отнимутъ... Да... А ребятишки-то воютъ въ голосъ: „мамка! мамка!.. мамка, мамка!“ Эхъ, другъ!.. Эхъ, другъ Павлычъ!.. Н-да!.. Все, братъ, я понимаю...

Онъ замолчалъ и долго сидѣлъ молча... Мнѣ казалось, что онъ страдалъ и тихо *про себя* плакалъ...

— Ты хотѣлъ разсказать что-то,—сказалъ я.

— Гы, ха!—усмѣхнулся онъ,—это какъ воровалъ-то я? Изволь! Мнѣ самому, другъ, чудно, какъ вспомню... Чудно и есть... Обобралъ я разъ мужика. Вишь ты, какой случай вышелъ... Какъ бы это тебѣ поскладнѣй сказать, не соврать? Бывалъ ты въ городѣ-то когда въ здѣшнемъ, въ уѣздѣ? Ну, извѣстно, чай, какъ не бывать... Знаешь конную, насупротивъ Курлышкина трактира? Мѣсто людное... Ладно... Было это дѣло о праздникѣ: въ

Digitized by Google

Николу въ самую, въ вешнюю... Ба-а-а-льшой базаръ въ этотъ день въ городѣ... ярмарка, крестный ходъ, балаганы, гулянье. Народу—страсть! Лошадей наведутъ—сила! А я, другъ, по лошадиной части мастакъ: какъ и что, -- пользовать могу, ей-Богу, право!.. Кабы я не пилъ, мнѣ бы въ золотѣ ходить.. н-да... Ладно... И былъ я, братецъ ты мой, о ту пору въ загулѣ, и все ужъ я, понимаешь, пропилъ и съ себя все спустилъ: рубашонка одна осталась, портчонки худые да фартукъ. Ну, фартукъ, извѣстно, присяга наша... На работу меня не берутъ нигдѣ. Къ женѣ?—той самой жрать нечего... Чуть жива,—заколотилъ до смерти.. Какъ быть? что дѣлать?.. куда дѣться?.. Думалъ, думалъ, думалъ, думалъ... ничего не выдумалъ... А тоска-то... мать ты моя,—смерть! Хожу, какъ тѣнь... Пришелъ на конну. Народу—туча!.. Лошадей навели... Цыганы тутъ... торговля... крикъ, божба, ругань... И пьяныхъ ужъ много... Въ тѣ поры винополекъ то еще не было.. Ладно... А я, какъ услышу отъ кого водкой пахнетъ,—такъ бы и зарѣзалъ: завидки берутъ, ей-Богу, право!.. Ну, хорошо... Брожу это я, какъ неприкаянный, среди народа, думаю: не наткнусь ли на кого... не угоститъ ли?.. Ходилъ, ходилъ... Вижу,—въ одномъ мѣстѣ лошадь у мужика сторговали цыганы... Подошелъ отъ нечего дѣлать. Вижу: ужъ дѣло у нихъ слажено... Лошаденка—меринокъ карій, важ-

Digitized by Google

ный,—за сорокъ за пять бумажекъ, слышу, дѣло сошлось... Жалко мужику, вижу, мерина.—„На нужду, говоритъ, продаю. Стройку затѣялъ. Плотникамъ отдать, а то бы ни въ жисть не продалъ...“ Простой такой съ виду мужикъ, душевный, видать сразу—разѣватый... Да и горе-то его разстроило: мерина жалко.—„Свой, говоритъ, доморощенный...“ Чуть не плачетъ мужикъ... Ну, а цыганамъ что?.. Только бы поскорѣй дѣло оборудовать. Суютъ ему деньги.. Принялъ мужикъ деньги, нехотя эдакъ... Досталъ кисетъ изъ поддевки... Коротенька така на немъ поддевишка... Какъ сейчасъ гляжу,—изъ сѣро-нѣмецкаго сукна сшита.. Размоталъ, сунулъ туда деньги, заболталъ опять, сунулъ въ карманъ, въ эту же самую, понимаешь, поддевку, въ правый карманъ... Посмотрѣлъ я, и словно кто-то шепнулъ мнѣ въ ухо: „Цопни!“ Затряслись у меня, слышу, поджилки... Ну, ладно. Гляжу: началъ мужикъ прощаться съ лошадью... Отъ роду я такого чудака не видывалъ... Истинный Господь,—плачетъ мужикъ, въ морду цѣлуетъ... Смѣются надъ нимъ, а онъ самъ не свой... Ну, цыганы этого не любятъ,—имъ чтобъ разъ, и готово... Взяли лошадь, повели... „Что ты, говорятъ, слюни-то распустилъ, дурья голова... Спрыснуть бы надо: эдакую цѣну схватилъ за дерьмо... А онъ плачетъ!“ Мужикъ махнулъ рукой... „Владѣйте!“—говоритъ и пошелъ прочь... Пошелъ

Digitized by Google

это онъ прочь, а я, другъ ты мой Павлычъ, за нимъ... Куды онъ,—туды и я, куды онъ,—туды и я... А чортъ-то, луканька-то, такъ мнѣ въ уши, какъ шмель, и гудетъ, такъ и гудетъ.. Ахъ, провалиться бы тебѣ!.. Хорошо... Подошелъ мой мужикъ къ сажалкамъ, гдѣ поросятами торгуютъ... Народу здѣсь страсть! Кто глядитъ, кто купляетъ, орутъ .. Народъ оретъ, пососяты орутъ... бабы кричатъ,—народъ задорный...

...„Остановился мужикъ, глядитъ, ротъ разиня. Толкаютъ его со всѣхъ сторонъ... Тотъ толкнетъ, другой толкнетъ. Стоитъ мужикъ, словно мертвый... Эхъ, думаю, аль цопнуть?.. Наперъ, взялъ, на него сзади, а тутъ съ боковъ бабы каки-то... Посторонись, говорю, землякъ... А самъ руку въ карманъ... сразу ущупалъ кисетъ... Вытащилъ!..

„Ладно... Сунулъ кисетъ вотъ сюда, подъ фартукъ, отошелъ... Трясется все нутро у меня, истинный Господь! Индо самому страшно... Выпить, думаю, теперь? Нѣтъ, постой, дай погляжу, что мужикъ дѣлать станетъ... Постоялъ, постоялъ мужикъ около сажалокъ, пошелъ... Я за нимъ. Думаю: что будетъ? Вотъ подошелъ онъ къ трактиру. Лошадей у коновязей много стоятъ привязаны... Подошелъ мужикъ къ телѣгѣ одной... А въ телѣгѣ, гляжу, баба сидитъ... Пожилая ужъ баба, не изъ молодыхъ. Стали они разговаривать... Слышу я, — говоритъ онъ: „продалъ, говоритъ,

Digitized by Google

Настасьюшка Лишились своего сокровища. Вотъ эту бы, говоритъ, шкуру,—не жалко. Да что за нее дадутъ-то?..“ „За много-ль?—баба спрашиваетъ. «За четыре, говоритъ, красныхъ да пятишникъ‘ Купляемъ таперича кое что, да и ѣхать... Гвоздей не забыть бы кровельныхъ... Наказывали плотники... Слѣзай, говоритъ, пойдемъ, чайку попьемъ, закусимъ малымъ дѣломъ... На деньги-то!..» Полѣзъ это въ карманъ... пошарилъ, пошарилъ... нѣту! Полѣзъ въ другой, пошарилъ, пошарилъ, нѣту!.. «Ишь ты, говоритъ, сунулъ кисетъ... забылъ второпяхъ-то куды... Должно въ порткахъ!»... А самъ на бабу глядитъ, и вижу ужъ я: испугался. Полѣзъ въ портки, – нѣту... полу общупалъ,—нѣту!.. разулся,—нѣту... Сидитъ на землѣ... сапогъ въ одной рукѣ держитъ, ротъ разинулъ, глядитъ на бабу... А глаза страшные, разстрашные стали... Сидѣлъ, сидѣлъ да какъ взвоетъ: «Украли, украли, украли!» Индо жуть у меня по тѣлу пошла!.. Баба съ телѣги кубаремъ... завыла пуще его... Ну, народъ тутъ. Обступили ихъ, то, се... Кто жалѣетъ, кто смѣется... Гугаютъ: „не зѣвалъ бы“, „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“, „дураковъ бьютъ“. Знаешь вѣдь, какъ народъ-то: чужую-то бѣду, молъ, руками разведу. Чужой-то бѣдѣ человѣкъ радъ. Иной будто и жалѣетъ, а самъ про себя радъ... Очумѣлъ, вижу, мой мужикъ съ горя, реветъ бѣлужиной. Чуть

Digitized by Google

волосья на головѣ не рветъ. А баба,—та такъ по землѣ и катается... Полиція подошла: „что такое? разойдись!“ Реветъ мужикъ... „Говори толкомъ, чортъ, что такое?“ Сичасъ это его для вразумленія селедкой хлопъ по рылу... У насъ просто на счетъ этого: съѣшь за милую душу... „Налакался, чортъ, орешь...“ Въ часть его потащили, протоколъ... то, се... какъ дѣло было?—волынка извѣстная!.. Ну, сдѣлали, что надо, отпустили мужика. Иди, молъ, со Христомъ, а мы ужъ найдемъ... Ну, отлично!.. Все это я, Павлычъ, слышу и вижу... Деньги здѣсь, подъ фартукомъ... держусь за нихъ. И не знаю, какъ тебѣ сказать, а только.. вродѣ какъ бы въ груди у меня трепыхаетъ что... вродѣ, какъ бы отрыжка. А въ горлѣ щекотно... Эге! думаю, вотъ оно дѣло то! Жалко мнѣ, Павлычъ, мужика этого съ бабой до смерти стало!.. Кипитъ во мнѣ сердце!.. Какъ бы думаю сдѣлать, — назадъ отдать!

„Думалъ, думалъ... надумалъ! Подошелъ эдакъ бодро, говорю: много-ль, дядя, денегъ-то вытащили?.. „Сорокъ пять, говоритъ, бумажекъ...“ А въ чемъ, говорю, онѣ у тебя были то?.. „Въ кисетѣ...“ Засмѣялся я... И слышу, Павлычъ, у меня и въ нутрѣ вродѣ какъ все засмѣялось отъ радости... Засмѣялся я, подаю ему кисетъ: не этотъ-ли?.. Эхъ ты, говорю, разиня, обронилъ ты его на площади, а я поднялъ... Возьми, говорю... На, получай!..

Digitized by Google

„Ну ужъ, что тутъ пошло опосля этого, и сказать не могу... Мужикъ мнѣ въ ноги, баба въ ноги... Апосля въ трактиръ меня... Налакался досыта... Въ деревню къ нимъ ѣздилъ: пріятели во какіе стали, страсть!..

— Вотъ они дѣла-то какія... н-да! А ты толкуешь... Всякій, братъ Павлычъ, дуракъ по своему съ ума сходитъ... Н-да!.. Ну, чекалдыкнемъ-ка еще, дружище!..

Онъ выпилъ и, замолчавъ, задумался..

XXI.

Послѣ обѣда всѣхъ насъ, рабочихъ, „погнали“ чинить дорогу, по которой сегодня, къ вечеру, долженъ былъ проѣхать со станціи князь.

„Самъ“ руководилъ нами. Дорогу, разстояніемъ версты въ двѣ до того мѣста, гдѣ начиналась полоса чужой земли, мы по возможности исправили хорошо: засыпали колеи, спустили кое-гдѣ воду, кое-гдѣ утрамбовали.

„Самъ“ похаживалъ среди насъ, помахивалъ тросточкой, покрикивалъ и, видимо, очень трусилъ и волновался по случаю пріѣзда князя.

— Скорѣй, скорѣй! — понукалъ онъ: — ну, ну, стали! Эй ты, какъ тебя?.. А, болванъ! и т. д., и т. д

Князь пріѣхалъ къ вечеру. За часъ до его

Digitized by Google

пріѣзда „самъ“ приказалъ всѣмъ намъ переодѣться, перемѣнить грязныя рубахи на чистыя и явиться, какъ онъ выразился, „въ праздничномъ видѣ“ къ парадному крыльцу встрѣчать князя.

— Картузовъ не смѣть брать! — добавилъ онъ.

Рабочіе переодѣлись, и всѣ, за исключеніемъ кузнеца, который куда-то скрылся, направились къ парадному. Позади насъ шли бабы, скотницы, „пололки“ и еще какія-то...

На парадномъ и у параднаго, между тѣмъ, уже собрались и ожидали князя всѣ, проживавшіе въ имѣніи. Около крыльца стояли какіе-то допотопные старики, какія-то старушонки, бабы... На самомъ же крыльцѣ и дальше, на террасѣ, ожидала аристократія. Здѣсь были: садовникъ съ женой; какой-то старый, живущій на покоѣ, бывшій дворецкій, тоже съ женой; жена „самого“; два учителя, пріѣхавшіе по этому случаю изъ сосѣдняго села, гдѣ была школа, въ которой жена князя состояла „попечительницей“; „батюшка“ изъ этого же села съ „матушкой“, съ двумя дочерьми, сыномъ и дьякономъ.

„Самъ“, одѣтый въ куцую тужурку, съ зеленымъ стоячимъ воротникомъ и огромными свѣтлыми пуговицами, толстенькій и красный, поставилъ насъ, рабочихъ, около крыльца, другъ передъ другомъ, такъ что между нами образовался

Digitized by Google

проходъ, по которому, какъ оказалось, долженъ былъ пройти князь...

— Стоять смирно!—приказалъ „самъ“, и рабочіе, какъ школьники, покорно замерли въ тѣхъ позахъ, какія онъ придалъ имъ...

— Когда князь слѣзетъ, — продолжалъ онъ, — пойдетъ... вы должны каждый цѣловать у него руку... Такъ ужъ здѣсь принято!—громко добавилъ онъ, какъ будто передъ кѣмъ-то оправдываясь...

— Знаемъ, баринъ-съ, знаемъ!. Не сумлѣвайтесь!—отвѣтилъ ему нарядчикъ,—знаемъ-съ!

— Ну, ты имъ объясни, Егоръ, какъ и что...

Онъ побѣжалъ къ дорогѣ посмотрѣть, не ѣдутъ ли? А нарядчикъ сталъ „объяснять намъ, какъ и что...“

— Вы, дуроломы, мотрите,—зашепталъ онъ, дѣлая большіе глаза:—зря-то не суйтесь! Не торопись, не слюнявь руку-то. Какъ у попа, такъ и тутъ... Мотрите,—онъ вѣдь строгъ: не любитъ, коли что... У него порядокъ... Мотрите!..

— Знаемъ канитель-то эту, — тихо отвѣтилъ Культяпка.

— Тише!—шепотомъ и сдѣлавъ свирѣпое лицо, прошепталъ нарядчикъ.—Ѣдутъ никакъ?..

Тройка прекрасныхъ вороныхъ лошадей, запряженныхъ въ ландо, лихо вкатила на площадку и остановилась не около самого параднаго крыльца, а немного поодаль... Здоровенный дѣтина, „выѣзд-

Digitized by Google

ной“ лакей, соскочивъ съ козелъ, отворилъ дверку, и изъ ландо вышелъ князь — высокій, совсѣмъ сѣдой старикъ въ свѣтломъ пальто... За нимъ вышла княгиня, еще не старая, вторая его жена, грузная, съ глазами на выкатѣ, и вслѣдъ за ней — какая-то тонкая особа, съ синимъ лицомъ, похожая на ободраннаго зайца.

Князь, кивнувъ подскочившему управляющему, пошелъ къ парадному, направляясь сквозь нашъ „строй“...

Стоявшій съ краю нарядчикъ какъ-то весь изогнулся и, вытянувъ необыкновенно гадко губы, первый чмокнулъ князя въ руку и произнесъ:

— Съ пріѣздомъ, ваше-ся!..

За нимъ, неловко путаясь, начали „прикладываться“, робѣя и торопясь, другой, третій, четвертый...

XXII.

Спустя часа два послѣ „прибытія“ князя, когда все, такъ или иначе, мало-мальски поуспокоилось и затихло, я, отъ нечего дѣлать, чувствуя на душѣ что то злое, тоскливое, гадкое, пошелъ бродить по имѣнію, думая какъ-нибудь „разгуляться“ и успокоить свои не въ мѣру расходившіеся нервы...

Проходя по площадкѣ, мимо квартиры управляющаго, я вдругъ услыхалъ позади себя окрикъ:

Digitized by Google

— Эй, ты, какъ тебя?.. Что шляешься?... Поди сюда!

Я обернулся и увидалъ управляющаго, быстро идущаго со стороны барскаго дома къ своей квартирѣ.

— Что шляешься? — снова крикнулъ онъ и, подойдя ко мнѣ, продолжалъ:—Ты что здѣсь? А? Вонъ на кухню!.. Стой, впрочемъ! — спохватился онъ, что-то вспомнивъ:—Ты мнѣ ужо свезешь домой гостей... У меня гости,—пояснилъ онъ,—учителя... Они пришли пѣшкомъ... Такъ вотъ, — ты ихъ отвезешь домой въ Терехово... Недалеко,—знаешь?.. Запряжешь „Буланже“ въ мою корзинку... У Андрюшки-конюха спроси,—онъ покажетъ...

— А скоро это?—спросилъ я.

— Что скоро? — переспросилъ онъ, нахмурясь и видимо стараясь сдѣлать изъ своего лица что-то внушительное и строгое...

— Поѣдутъ-то они скоро ли?—спросилъ я.

— А это не твое дѣло! — крикнулъ управляющій.—Ты дѣлай, что приказываютъ... Молчать!—еще громче крикнулъ онъ и, видя, что я молчу, продолжалъ потише: — Часа черезъ два будь готовъ и встань около крыльца моей квартиры... Понялъ?.. Сиди на козлахъ и жди. Ну, пшелъ! Живо! Шляешься тутъ!.. Глаза мозолишь! Развѣ не знаешь, гдѣ твое мѣсто? Безъ дѣла впередъ сюда не ходить!..

Digitized by Google

Онъ ушелъ, а я, скрѣпя сердце и думая о томъ, что грубость съ вашимъ братомъ—явленіе обычное,—отправился въ конюшню запрягать въ корзинку „Буланже“.

Въ конюшнѣ конюховъ я нашелъ не сразу. Они, какъ оказалось, забрались въ порожнее стойло, гдѣ они и жили, и поздравляли съ пріѣздомъ княжескаго кучера и конюха, угощая ихъ водкой и чаемъ. Всѣ они были уже на второмъ взводѣ, и мое появленіе было совсѣмъ некстати.

— Ну тебя къ чорту!— закричалъ старшій конюхъ, — и съ управляющимъ-то!.. Спокою нѣтъ... Какую тебѣ лошадь?.. Зачѣмъ?..

Я объяснилъ ему.

— Бери да закладывай!—опять закричалъ онъ.— Намъ-то какое дѣло?

— Да я не знаю, гдѣ лошадь.

— Ну, погоди, - поспѣешь!—сказалъ конюхъ.— Садись пока,—добавилъ онъ, улыбаясь,—на чемъ стоишь...

Небольшое стойло (или „денникъ“) было занято двумя койками, стоявшими около стѣнокъ, другъ передъ другомъ... Между этихъ коекъ былъ узенькій проходъ къ столу, устроенному подъ кормушкой. Въ „комнатѣ“ этой сильно пахло навозомъ и слышно было, какъ за переборками лошади, пофыркивая, жевали сѣно...

— Мосей Иванычъ!— говорилъ одинъ изъ ко-

Digitized by Google

нюховъ важному московскому кучеру,—повѣришь ты: всю зиму здѣсь живемъ!

— Зимой-то, чай, холодно?—пробасилъ кучеръ, усмѣхаясь.

— Оно какъ сказать: холоду особеннаго нѣту,—всетаки лошади тутъ, а сыро,—страсть!..

— А въ рабочую-то что-жъ?

— Помилуйте! Тамъ еще хуже: повернуться негдѣ... Въ рабочей! Да тамъ зимой все одно, что на Хивѣ въ ночлежномъ домѣ... Тьфу!

И, помолчавъ, онъ спросилъ у меня:

— А ты, землякъ, знать, вновѣ?

— Да!—отвѣтилъ я.

— Охота было сюда поступать!.. Хуже-то не нашелъ, знать, а?.. Аль пьешь здорово?.. На-кась стакашекъ ковырни. Ты нашъ, что ли, московскій?.. Видать!.. Эхъ, другъ,—продолжалъ онъ, передавая мнѣ стаканчикъ,—не ко двору мы здѣсь... Здѣсь кто живетъ-то? Сволочь самая, вотъ кто! — Ему, здѣшнему-то, хучь плюй въ глаза, все Божья роса... Что ни поставь—сожрутъ... Рязань!.. Ну, пойдемъ, покажу, гдѣ сбруя... Куда это его чортъ несетъ, а?.. Не знаешь?..

— Не его,—сказалъ я,—а гостей отвезти,—учителей...

— А-а-а!—протянулъ конюхъ,—знаю...—онъ засмѣялся и продолжалъ:—Попьешь ты съ ними ужо винца съ хлѣбцемъ, попьешь, голова!.. Разъ я ихъ

Digitized by Google

возилъ: во-какъ угостили—мальё! Народъ ха-р-рошій!.. Пр-о-о-стые ребята!.. Ну, вотъ тебѣ сбруя, гляди: завсегда здѣся... Таматка вонъ, пятое стойло —Буланжà стоитъ .. а корзинка подъ навѣсомъ, у колодца, — найдешь самъ. Бери оброть, обратывай! Валяй, братъ, старайся. . Заслужишь здѣсь!— закончилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой.

XXIII.

Онъ ушелъ опять въ денникъ пить водку, а я снялъ съ деревяннаго гвоздя уздечку и пошелъ въ стойло.

„Буланжа“ оказался огромнымъ, необыкновенно худымъ, длинномордымъ буланымъ мериномъ, стоявшимъ, опустивъ голову, точно что-то думая, около пустой кормушки..

Я надѣлъ на него сбрую и повелъ изъ конюшни подъ навѣсъ, гдѣ стояли кое-какіе экипажи.

Здѣсь мнѣ долго пришлось возиться съ „Буланжой“, который никакъ не хотѣлъ войти въ оглобли Наконецъ, кое-какъ послѣ долгихъ усилій, обозлившись до-нельзя, я запрегъ всетаки упрямаго скота и, торжествуя, выѣхалъ на дворъ.

Совсѣмъ смеркалось... Въ открытыхъ окнахъ квартиры управляющаго свѣтился огонь. Я подъѣхалъ къ крыльцу и остановился. Кругомъ было тихо, а изъ оконъ квартиры „самого“ доносились

Digitized by Google

голоса... Шла пирушка, кричали, спорили, смѣялись...

Ждать пришлось долго... Наступила ночь... Сторожъ Сопля нѣсколько разъ проходилъ мимо, колотя въ колотушку. Наконецъ, дверь отворилась, и на порогѣ, съ фонарикомъ въ рукѣ, показалась горничная, а за ней „самъ“ и гости.

— Подавай! — крикнулъ „самъ“: — Эй, заснулъ!

Я чмокнулъ на „Буланжу“ и подъѣхалъ къ крыльцу.

Гости, два учителя, были совсѣмъ „готовы“. Одного изъ нихъ, высокаго, тощаго, одѣтаго въ крылатку и кожаную фуражку, бережно взявъ подъ мышки, „самъ“ свелъ по ступенькамъ крыльца и подсадилъ въ корзинку.

Другой, тоже тощій, но небольшого роста, одѣтый въ поддевку, спотыкаясь и чуть не падая, спустился съ крыльца самъ и, кое какъ забравшись въ корзинку, сѣлъ рядомъ съ первымъ.

Первый, котораго свелъ управляющій, бранился... Свѣтъ отъ фонаря падалъ на его лицо, страшное и вмѣстѣ жалкое... Глаза были „оловянные“, широко открытые, точно у безумнаго, нижняя челюсть отвисла. Изъ-подъ надѣтой на затылокъ фуражки падали на лобъ и прилипли къ нему мокрые, какъ сосульки, волоса... Онъ хмурилъ то и дѣло брови и кричалъ осипшимъ голосомъ,

Digitized by Google

обращаясь не то къ учителю, своему сосѣду, не то къ управляющему.

— Я... я,—кричалъ онъ,—сверхъ-человѣкъ!.. „По ту сторону добра и зла...“ Я кто?.. Я самъ Ничше... Ничше—оселъ... А ты кто?.. А?

— А ты пьяный дуракъ!—отвѣтилъ ему второй учитель въ поддевкѣ,—сиди ужъ... ворона!..

— Трогай!—крикнулъ управляющій, которому, повидимому, эти „гости“ сильно надоѣли.—По-о-ошелъ!..

Я тронулъ, но пьяный учитель тотчасъ же закричалъ мнѣ:

— Стой! Стой!

И когда я остановилъ „Буланжу“, онъ обернулся назадъ и закричалъ:

— Эй вы!.. Какъ васъ?.. Нѣмецъ-перецъ, колбаса.. Дайте три рубля взаймы!..

— Извольте!—любезно заторопился „самъ“, вынимая изъ кармана кошелекъ.—Нате!..

— Давай сюда! Отлично! Чортъ васъ возьми! Прощайте. Извозчикъ, трогай!

— Хи, хи, хи!—засмѣялся вдругъ тоненькимъ голоскомъ учитель, одѣтый въ поддевку.—Вотъ такъ ловко! „Ничше“, философъ!.. Хи, хи, хи!.. Ахъ ты, философъ, много-ль на плѣши волосовъ?.. Кричитъ тоже: кто я?.. Хи, хи, хи!..

— Молчи!—закричалъ учитель въ крылаткѣ и вдругъ ткнулъ меня въ спину.—Стой, извозчикъ!

Digitized by Google

Я слѣзу.. Я не могу съ нимъ. Эта сволочь рѣшительно отравляетъ мнѣ существованіе. Я убью его!.

— Хи, хи, хи! Не слушай его, извозчикъ!—говорилъ учитель въ поддевкѣ,—пожалуйста, не слушай... онъ дуракъ... Антонъ горемыка!.. О, Господи... хи, хи, хи!..

— Молчи!—опять заревѣлъ учитель въ крылаткѣ.—Съ кѣмъ говоришь? Съ кѣмъ ты говоришь, рабъ, халуй!.. Поддакивало, льстецъ! Подхалима! У князя ручку цѣлуешь... Не говорю уже про княгиню... Кума, ха, ха! Зачѣмъ ты позвалъ ее крестить,—а? Ее, а не первую попавшуюся бабу, а?.. Говори, плебей!..

— Хи, хи, хи! философъ. „Такъ говоритъ Заратустра“... А самъ только и говоритъ, когда пьянъ, какъ сапожникъ. Трезвый нѣмъ, какъ рыба... Паки и паки дуракъ... Оселъ...

— Оселъ въ твоихъ глазахъ!—закричалъ учитель въ крылаткѣ,—и горжусь этимъ! Я честенъ!.. Понимаешь ты это слово—честенъ?! Гдѣ тебѣ понять—грабитель! взяточникъ! Взятки берешь съ бабъ!.. Чьи на тебѣ штаны? го, го, го! княжескіе!.. Обноски княжескіе... Все на тебѣ чужое... все выклянчилъ... Ты не учитель, ты лакей, идеальный лакей, только и знающій одно: рубль! Подлецъ ты, однимъ словомъ, и тебѣ все равно хоть плюй въ рожу... Да!.. Извозчикъ!—обратился онъ вдругъ ко

Digitized by Google

мнѣ,—вези насъ, меня и этого вотъ подлеца, къ Лизкѣ... Вези, гражданинъ!.. Эй ты, княжескій халуй, тебѣ говорю!..

— Хи, хи, хи! Такъ, такъ... Къ Лизкѣ значитъ, а?.. О, Господи!.. Вотъ философія... что и требовалось доказать!..

Между тѣмъ „Буланжа“, тяжело дыша, неловко упираясь некованными передами въ рыхлую землю, кое-какъ втащилъ насъ въ гору, и мы въѣхали въ деревню.

Деревня спала. Даже собаки—и тѣ не лаяли на насъ.

— Сворачивай!—сказалъ учитель въ крылаткѣ, дотронувшись до моего плеча.—Вонъ у ней огонекъ. „Посмотри: въ избѣ, мерцая, свѣтитъ огонекъ“... идиллія, а?.. Ахъ, чортъ ихъ возьми!.. Это у ней лампадка мерцаетъ передъ Прасковеей Пятницей... Тоже—вывѣска... Ха, ха, ха! Сворачивай, гражданинъ...

XXIV.

Я привязалъ „Буланжу“ къ крыльцу за столбъ и вслѣдъ за учителями „пролѣзъ“ въ хату.

Лизка, въ одной юбкѣ, босая, разстрепанная, успѣвшая зажечь лампочку, торопливо растилала по столу бѣлую салфетку. Учителя сидѣли другъ передъ другомъ, одинъ по ту сторону стола, другой по эту, и оба курили.

Digitized by Google

— Гости дорогіе... ахъ, ахъ! — суетилась Лизка,— слышу, стучатъ... Господи... кто же это, думаю?.. Анъ хвать,—вонъ кто! Милости просимъ!.. Милости просимъ!.. Ахъ! ахъ!—спохватилась она вдругъ.— Что-жъ это я окошко-то забыла, дура, завѣсить!.. Неровенъ часъ, народъ-то нонѣ...

Она торопливо задернула окна какими-то черными занавѣсками и, снова обернувшись къ учителямъ, затрещала:

— Чѣмъ васъ потчивать-то? Водочки? Сколько прикажете? Бутылочку? Сичасъ, сичасъ!.. А самоварчикъ? Самоварчикъ можно... Яичекъ, а?..

— Давай!—сказалъ учитель въ крылаткѣ,—да не трещи языкомъ-то, не люблю!

И, обернувшись ко мнѣ, прибавилъ:

— Садись сюда къ столу... Садись, садись смѣло!.. Руку, другъ! Руку, молодой человѣкъ!.. Погляди, полюбуйся на насъ, культурныхъ людей.. Но не суди, другъ, не суди, о-о-о не суди! — повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Учитель въ поддевкѣ засмѣялся и сказалъ:

— И что ломается, что ломается? Ахъ, дуракъ! Боже, какой дуракъ! „Культурныхъ людей“! — передразнилъ онъ. — А что такое культура, — и не знаетъ!..

— Кто, я не знаю?—заревѣлъ тотъ.—Чортъ ты послѣ этого!.. Подъ культурными людьми я разумѣю образованныхъ людей... да...

Digitized by Google

— Гм!.. та-а-а-къ!.. А ты образованный человѣкъ, а?.. Если бы ты былъ культурный, образованный человѣкъ — не сидѣлъ бы ты здѣсь... Въ томъ-то и штука, что мы дикари, а не „культурные“ люди... Намъ бы съ тобой овцой родиться-то, авось бы хоть волкъ съѣлъ... Отстань съ глупостями! Наливай водки-то!..

— Что же! Мы, по твоему, значитъ, никакой пользы не принесли за 18 лѣтъ службы на земской-то нивѣ? — воскликнулъ учитель въ крылаткѣ.

— А я почемъ знаю.. Да и какая польза-то? Сопливыхъ мальчишекъ учить... Ха! „Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда“... Эхъ, хе, хе!.. Другъ, повѣрь: вездѣ вопіющее противорѣчіе между словомъ и дѣломъ... Что мы можемъ?.. Польза, польза!.. Вотъ, пока ты пьянъ, о пользѣ толкуешь, а завтра... Завтра тебѣ, братъ, твой боровъ, котораго, я слышалъ, хочешь рѣзать, будетъ дороже, интереснѣе, милѣе, такъ сказать, этихъ сопливыхъ, паршивыхъ мальчишекъ которые надоѣли мнѣ до смерти, да и тебѣ тоже... Да и вообще, — ушелъ бы я сейчасъ же съ этого проклятаго мѣста... Будь оно проклято... всю кровь высосали.. Польза!.. Тьфу!.. Наливай водки!..

— Нѣтъ, врешь! Я этого не сдѣлаю,—наливая водку въ стаканъ и мрачно хмурясь, сказалъ учитель въ крылаткѣ.—Я своего поста не брошу. За

Digitized by Google

цѣлковымъ не погонюсь... Нѣтъ, врешь! Ты на свой аршинъ мѣряешь... Такъ вѣдь ты кто, чортъ тебя знаетъ! Ты только и думаешь, какъ бы, того, пріобрѣсть... Тебѣ бы торговать, вотъ, что! Вообще, ты, братъ,—гадкій человѣкъ, все на чужой счетъ норовишь... опошлился...—Нѣтъ, ты не учитель! Ты—гадъ!..

— Ругайся, я не обижусь! — дѣлая видъ, что ему все равно, произнесъ учитель въ поддевкѣ и выпилъ водку. — Вотъ ужо, — продолжалъ онъ и какъ-то скверно подмигнулъ глазомъ, — пріѣдемъ домой, культурные люди... Встрѣчу намъ жены сдѣлаютъ... Да, поблагодаритъ тебя твоя!. Ты ужъ лучше и не ходи къ ней, а полѣзай, какъ въ прошломъ году, на вербу, да тамъ и сиди, пока дурь не сойдетъ.

Онъ обернулся ко мнѣ и, захихикавъ, скаля черные зубы, продолжалъ:

— Его жена колотитъ, ей-Богу! Культурнаго-то, пользу-то который приноситъ... Онъ отъ нея на вербу прячется... хи, хи, хи!..

— Молчи! — закричалъ учитель въ крылаткѣ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Хи, хи, хи!—снова началъ учитель въ поддевкѣ. — Не любишь?.. И спроситъ она у тебя, — смѣясь и басомъ, перемѣнивъ голосъ, заговорилъ онъ:„—Гдѣ взялъ денегъ? Отвѣтствуй!..“ Что тогда?.. Хи, хи, хи!

Digitized by Google

Учитель въ крылаткѣ, молча, налилъ цѣлый стаканъ и, не отрываясь, выпилъ.

— По-о-о-длецъ! — проговорилъ онъ, переведя духъ, и налилъ еще.—Пей!—обратился онъ ко мнѣ.

Я отказался и посовѣтовалъ ѣхать дальше.

— Поспѣешь!—отвѣтилъ онъ и выпилъ еще... Немного погодя, лицо его побѣлѣло, глаза какъ-то остановились и стали страшны... Онъ началъ плакать.

— Убью себя!.. убью! . убью!.. у-у-убью!..

— „Юнкеръ Шмитъ изъ пистолета хочетъ застрѣлиться“—сказалъ учитель въ поддевкѣ и опять захихикалъ.

— Убью! убью! — плакалъ учитель въ крылаткѣ, громко и страшно крича.

Лизка испугалась и стала просить меня убрать его. Но я тоже не зналъ, какъ быть. Учитель ругался скверными словами и порывался драться...

— Батюшка! Отецъ родной, не кричи! —молила Лизка,—ахъ, Господи... Кабы знала... ахъ, ахъ... хуже, тысь, послѣдняго мужика... Уходите, Христа ради, уходите, Христа ради!

Наконецъ, намъ удалось кое-какъ вытолкать его изъ хаты на улицу и втащить въ корзинку... Ругаться и кричать онъ пересталъ, но за то началъ какъ то жалобно стонать...

— Не подохъ бы грѣхомъ,—сказала Лизка,—засудятъ!

Digitized by Google

— Ни-ни-чего!—еле ворочая языкомъ,—отвѣтилъ учитель въ поддевкѣ, тро-о-о-гай!..

Я тронулъ „Буланжу“... Учитель съѣхалъ на дно корзинки и уперся ногами подъ козла. Картузъ съ него свалился.. Онъ стукался объ твердое сидѣнье и стоналъ. Другой тоже еле сидѣлъ и что-то говорилъ самъ съ собой, безпрестанно повторяя одно и тоже: „Н-да... да... гм!.. н да!..“

Было уже свѣтло, когда я привезъ ихъ на мѣсто назначенія.

Какой-то мужикъ съ вилами въ рукахъ, босой, попался навстрѣчу и спросилъ:

— Откеда?—и, покачавъ головой, прибавилъ:—Ловко, въ ротъ-те закатай!.. вотъ это ловко! Охъ-хо, хо! Не одна, видно, корова хвостомъ-то машетъ... Н-да!..

Подъѣхавъ къ школѣ, я остановился. Учитель въ поддевкѣ потихоньку, съ величайшимъ трудомъ и осторожностью слѣзъ съ экипажа и, грозя мнѣ пальцемъ, — что, очевидно, означало: „не шуми“,—шепотомъ сказалъ:

— Постучи въ дверь... про меня не говори: я, вотъ, скроюсь пока.. понялъ.. тсс!.. Сторожа-то нѣту: жена сама... тсс!..

И, согнувшись, при чемъ сдѣлался очень похожъ на зайца, на цыпочкахъ, цѣпляясь руками за стѣну, скрылся за угломъ...

Я слѣзъ съ козелъ, потрогалъ крѣпко спав-

Digitized by Google

шаго сѣдока и, подойдя къ двери, постучалъ. Отвѣта не было. Я постучалъ шибче...

— Сейчасъ!—раздался гдѣ-то звонкій женскій голосъ.—Кто тутъ?..

Дверь отворилась, и на порогѣ, передо мной, предстала, во всей красѣ, заспанная, толстая, полураздѣтая женщина.

Это была жена учителя; сейчасъ же, какъ только взглянула на меня,—она поняла, въ чемъ дѣло.

— Привезъ?—спросила она.

— Привезъ!—отвѣтилъ я.

— Хорошъ?

— Хорошъ!

— Спитъ? Не можетъ самъ встать, а?

— Не можетъ.

— Голубчикъ!—запросила она, — помоги мнѣ втащить его... Я тебѣ на чай дамъ... Ахъ ты, Господи, вотъ наказанье то... Какъ вѣдь давно не пилъ-то... Подохнуть бы этому проклятому нѣмцу!..

Я взялъ учителя за плечи, а она за ноги, и мы втащили его по ступенькамъ крыльца.

— Въ комнату-то не надо,—сказала она, когда мы внесли его въ маленькую каморку-кухню,—тамъ дѣти спятъ... бросай здѣсь!.. Выдрыхнется, начнетъ ныть... А денегъ онъ ни у кого не бралъ, а?.. Не слыхалъ ли? — спросила она и торопливо начала шарить по карманамъ. — А чтобъ ты по-

Digitized by Google

дохъ! — крикнула она, найдя деньги, и, обозлившись, ударила мужа ногой въ бокъ.

— Прощайте!—сказалъ я, выходя на улицу...

— На, вотъ, на чай!—крикнула она, отворивъ вслѣдъ за мной дверь,—что-жъ ты?!..

XXV.

Пріѣздъ князя сдѣлалъ то, что насъ еще раньше стали „выгонять“ на работу. За всякій пустякъ теперь ругались,—и нарядчикъ, и управляющій... Въ концѣ концовъ, я такъ привыкъ къ этому, что мнѣ стало казаться, будто мы вообще не люди, а такіе же рабочіе скоты, какъ, напр., лошади, которыхъ можно не только бранить, но и бить.

Князь съ ранняго утра, съ палкой или, какъ ее называли рабочіе, „шпанкой“ въ рукахъ, бродилъ по имѣнію, всюду суя свой носъ. Что бы и гдѣ бы мы ни работали, — непремѣнно появлялся тутъ же и „стоялъ надъ душой...“ На его глазахъ, по-неволѣ, приходилось работать безъ передышки: покурить и отдохнуть въ его присутствіи не полагалось.. Случалось, впрочемъ, — если работали на лошадяхъ,—онъ говорилъ: „дать отдохнуть“, т. е., разумѣется, дать отдохнуть лошадямъ, а не намъ, рабочимъ..

Съ рабочими онъ никогда не говорилъ по-че-

Digitized by Google

ловѣчески, на поклоны не отвѣчалъ, кричалъ на людей, съ покраснѣвшимъ отъ злобы лицомъ, брызгался слюной, топоталъ ногами, махалъ палкой, порываясь ударить...

Съ управляющимъ онъ велъ себя тоже довольно таки странно. Руки, напримѣръ, не подавалъ никогда, говорилъ не иначе, какъ стоя къ нему въ полуоборотъ или же на ходу, при чемъ управляющій трусилъ, сзади объясняя, что надо.

Смѣшно было глядѣть на эту картину: князь—высокій, сѣдой старикъ, необыкновенно бодрый для своихъ лѣтъ, высоко поднявъ голову, заложивъ лѣвую руку за спину, а правой помахивая тросточкой, шагалъ торопливо и самоувѣренно-твердо. А за нимъ, какъ цыпленокъ, смѣшно поддергивая штанишки, потный и красный, сѣменилъ управляющій, „докладывая“ что-то и, вѣроятно, для большей вразумительности, дѣлая руками у спины князя какіе-то жесты...

Иногда вмѣстѣ съ княземъ выходила княгиня. Эта на поклоны отвѣчала и даже иногда кое-что спрашивала: „послушайте, мужичекъ...“ Только понять ея вопросы было трудно: она какъ-то необыкновенно смѣшно сюсюкала, дѣлая губы сердечкомъ, и при томъ такъ тихо, что совсѣмъ нельзя было разобрать словъ.

За княгиней постоянно выступала, пріѣхавшая съ ней изъ Москвы, англичанка,—„макаронина“,

Digitized by Google

по выраженію Культяпки: это была особа высокая, страшная, съ застывшимъ деревяннымъ лицомъ, похожая, какъ я уже упоминалъ, на ободраннаго зайца.

Особенно сильное впечатлѣніе „макаронина“ производила на простодушнаго Тереху. Онъ смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, разиня ротъ, недоумѣвая, что это такое..

— Ну-у-у! — произносилъ онъ каждый разъ, встряхнувъ волосами:—Какъ только не переломится! Жуть!..

— Вотъ бы тебѣ такую въ жены, — говорилъ, смѣясь, Культяпка. —Аль въ деревню бы ее къ вамъ въ Рязань... Всѣхъ бы бабъ перепугала!..

Тереха плевался...

XXVI.

Время шло... Я втягивался въ работу, приглядывался къ людямъ, привыкалъ къ порядкамъ...

Прошелъ май, подошла первая „получка“.

Въ воскресенье, часу въ девятомъ утра, всѣ рабочіе собрались въ полутемной передней, толкаясь и напирая другъ на друга... Въ контору изъ передней вела стеклянная дверь, въ которую видно было все, что тамъ дѣлалось...

Какой-то коротко подстриженный молодой человѣкъ, съ маленькими усиками, закрученными

Digitized by Google

кверху,—какъ оказалось, конторщикъ,—строчилъ что-то, наклонивъ голову налѣво и высунувъ немного языкъ въ толстую книгу... Управляющій ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, курилъ сигару, изрѣдка перебрасываясь словами съ нарядчикомъ, стоявшимъ въ подобострастной позѣ около порога...

Ждать намъ пришлось долго.. Управляющій нарочно испытывалъ наше терпѣніе... Мы стояли кучей, не смѣя присѣсть, шепотомъ, какъ наказанныя дѣти, разговаривая между собой, и были похожи не на людей, пришедшихъ получить свои трудовыя деньги, а скорѣе на золоторотцевъ, ожидающихъ, когда имъ выкинутъ по пятаку на поминъ благодѣтеля. Что-то рабски-приниженное чувствовалось въ рабочихъ... Вытянувъ шеи, испуганными глазами заглядывали они въ контору, и стоило кому-нибудь возвысить нѣсколько голосъ и заговорить не шепотомъ,—на него сейчасъ же набрасывались другіе.

— Тише ты!—раздавался со всѣхъ сторонъ сердитый шепотъ,—чо-о-ртъ! куда пришелъ?.. Къ женѣ, что ли!.. Деревня! Изъ-за тебя непріятность выйдетъ, лѣшманъ!

Наконецъ, управляющій подошелъ къ конторкѣ, остановился и махнулъ рукой нарядчику. Послѣдній, какъ хорошо выдрессированный халуй,

Digitized by Google

со всѣхъ ногъ бросился къ двери и открылъ ее настежь.

— Ти-и-и-ше!—произнесъ онъ шипящимъ голосомъ, вытягивая губы.

Рабочіе, и безъ этого стоявшіе тихо, окончательно замерли.

— Журловъ!—крикнулъ управляющій.

— Кузнецъ! Журловъ!—повторилъ нарядчикъ,—иди!

Въ контору вошелъ кузнецъ и остановился у порога.

— Ты что же это, братъ, а?—глядя на него изъ-за конторки, громко заговорилъ управляющій,—а?

— Чего извольте-съ?—произнесъ кузнецъ.

— „Чего извольте-съ!“—передразнилъ его управляющій и вдругъ закричалъ:—Ахъ ты, негодяй! Мерзавецъ! Вонъ! Чтобъ духу твоего въ имѣніи не было! На твое мѣсто уже найденъ другой... Геннадій Ивановичъ, сколько ему, подлецу, приходится?

— У него впередъ забрано-съ!—отвѣтилъ конторщикъ:—приходится ему 2 р. 75 к.

— Негодяй!—снова закричалъ управляющій,—скандалистъ, пьяница!.. Почему не пришелъ встрѣчать князя?.. Ка-а-къ ты могъ ослушаться! А? Какъ ты смѣлъ отрубить хвостъ у собаки?.. Кто науськивалъ Соплю бить жену... а? Я, вотъ, сей-

Digitized by Google

часъ урядника позову!.. Вотъ твои деньги... п-шелъ!..

Кузнецъ, молча, съ покраснѣвшимъ лицомъ, подошелъ къ конторкѣ, взялъ деньги, сунулъ ихъ въ карманъ и сказалъ:

— Спасибо!..—И вдругъ, перекосивъ ротъ, добавилъ: — Что-жъ ты, сво-о-о-лочь, до сихъ поръ молчалъ? Я-бъ ужъ давно мѣсто себѣ нашелъ... Чортъ паршивый, нѣмецкая образина... провались ты и съ кузней своей, тьфу!..

Онъ плюнулъ, повернулся и пошелъ къ двери..

— Помни! — вдругъ обернувшись и погрозивъ кулакомъ нарядчику, крикнулъ онъ: — Помни!.. Найду тебя! — И онъ вышелъ, хлопнувъ дверью въ сѣняхъ, такъ что затряслась стѣнка.

— Головой-бы этакъ стукнулся! — произнесъ нарядчикъ:—Разбойникъ!

— Держите его! — завизжалъ управляющій, точно прибитый щенокъ, — связать его!.. Урядника...

Онъ, какъ ошпаренный, выскочилъ изъ-за конторки и бросился къ двери... Нарядчикъ подскочилъ къ нему и осторожно придержалъ за руку.

— Батюшка-баринъ,—заговорилъ онъ чуть не со слезами:—плюньте на него... Батюшка-баринъ,— собака лаетъ, вѣтеръ носитъ... Спалитъ, мошенникъ, со зла надѣлаетъ такихъ дѣловъ!.. Плюньте,

Digitized by Google

не тревожьте себя изъ-за всякой, съ позволенія сказать, стервы-съ!..

— Какъ онъ смѣлъ, какъ онъ смѣлъ!—кричалъ управляющій, топая ногами.

— Наплевать-съ! право—наплевать-съ! — твердилъ нарядчикъ, — будьте покойны-съ, — мы его найдемъ. Не тревожьте себя... Стоитъ ли, помилуйте-съ!.

— Чтобъ духу его не было!.. слышишь?.. Если увижу, такъ и тебя къ чорту...

— Будьте спокойны, не заглянетъ... За пять верстъ обходить будетъ...

Управляющій, фыркая носомъ и тараща глаза, весь красный, снова всталъ за конторку и закричалъ:

— Сопля!.

— Сопля! — какъ эхо, повторилъ нарядчикъ.

Худой, длинный, страшный, Сопля переступилъ порогъ и остановился, наклоняя голову и глядя въ полъ.

— Ты что, — закричалъ на него управляющій,—чо-о ортъ! а?.. Ты что это, а?.. Ахъ ты морда!.. да я тебя!.. Сколько ему?—обернулся онъ къ конторщику.

— Всѣ-съ!

— На вотъ, получи три рубля... Остальные за конторой... п-шелъ!..

— Помилуйте-съ...—произнесъ Сопля.

Digitized by Google

— Во-о-о-нъ!—закричалъ управляющій,—пьянствовать тоже.. Мер-р-р-завцы!..

Получивъ свое „жалованье“, я вышелъ вмѣстѣ съ Культяпкой изъ конторы и на пути въ кухню спросилъ у него:

— Что это, всегда деньги выдаютъ вотъ этакъ: съ крикомъ и руганью?

— А ты вотъ погоди, что по осени будетъ,— отвѣтилъ онъ, — или зимой... Не приведи Богъ!.. Того гляди, въ рыло за свои кровныя получишь... ей-Богу. Зимой нашего брата жмутъ, какъ въ жомѣ... не дыши! Теперь еще что... Теперь царство небесное!.. теперь мы имъ нужны... Н-да. А зимой, — онъ махнулъ рукой, — что дадутъ, то и ладно, и не спрашивай.. А коль чуть что, — за ворота! „Васъ, говорятъ, какъ собакъ паршивыхъ, сколько угодно. До Москвы не перевѣшаешь..“ Что толковать... дѣло извѣстное... вездѣ эдакъ-то... Намъ, видно, одна, милокъ, честь: въ рыло, да „дуракъ“, „мужикъ“, „пьяница“, „сволочь“... Эхъ хе, хе!. Ну, какъ же быть то?.. Раздавить, что ли, по махонькой, а?.. Унеси ты мое горе, а?.. Вмазывай къ Лизкѣ... ей-Богу, а?.. Что ужъ... плачешь да пьешь. Одинъ просвѣтъ,—истинный Господь.

Digitized by Google

XXVII.

Мы, т. е. дядя Юфимъ, Тереха и я, по обыкновенію, спали въ сараѣ. Дядя Юфимъ, какъ легъ съ вечера, такъ сейчасъ же и уснулъ, а намъ съ Терехой не спалось. Мы лежали и разговаривали...

Ворота были открыты, но всетаки было душно... Кругомъ пищали комары...

— Дяденька, пусти-и-и!. —передразнивалъ ихъ Тереха.

Ночь была тихая, теплая. Множество звѣздъ горѣло и дрожало въ темно-синемъ небѣ; въ лугахъ кричали „дергачи", на рѣкѣ пѣли соловьи; въ селѣ далеко лаяли собаки... Всѣ эти звуки не нарушали тишины ночи, а придавали ей какую-то таинственную, робкую прелесть.

— Деньковъ, гляди, черезъ пять получатъ дома деньги, а?.. Какъ думаешь?—разъ десять задавалъ мнѣ одинъ и тотъ же вопросъ Тереха.

— Дойдетъ-ли письмо-то?..

— Дойдетъ, получатъ,—отвѣчалъ я,—рады будутъ!

— Рады? — переспрашивалъ онъ, повидимому, находя въ словѣ „рады" особую прелесть, и тихо, радостно смѣялся.

— У насъ, Павлычъ, — шепотомъ говорилъ

Digitized by Google

онъ,—бѣдно живутъ... жуть! А работы много. Мы нешто такъ работаемъ, какъ здѣся? Эва! здѣся игра — не работа!.. У насъ все ранѣ поспѣваетъ: рожь, овесъ .. все!.. Здѣсь вонъ рожь-то жнутъ бабы, а у насъ косятъ... Вотъ, травъ у насъ мало, покосу...

— Такъ какъ-же вы со скотиной-то?..

— Солома, а то мякоть... Лѣсовъ опять тоже нѣту... Топимъ соломой... И хлѣбъ на соломѣ бабы пекутъ. Заразъ хлѣба четыре сажаютъ, во какихъ, ровно колеса.. жуть! Ѣшь, ѣшь ихъ,— индо заплѣснѣютъ...

— Зимой, небось, холодно въ избѣ?

— Не!.. изба махонькая... обвалишь вокругъ соломой... по здѣшнему—пеледа, а по нашему—защита.. Хорошо у насъ зимой, весело... На улицѣ гуляемъ съ дѣвками... возимся... А то въ другу деревню уйдемъ, а то въ избу... огонь затушимъ... Во пойдетъ возня съ дѣвками — жуть! очень хорошо!.. И дѣвки у насъ не такія, какъ здѣся...

— Лучше?

— Знамо, лучше... Здѣсь что? Жуть! родятъ здѣсь дѣвки то... Все одно, какъ бабы, и ничего... такъ словно и надо... Поди-ка у насъ!

— А у васъ не родятъ?

— Что ты! нешь можно! Да у насъ засмѣютъ, со свѣту сживутъ, проходу не будетъ... А здѣсь, у васъ, безстыжія... водку пьютъ... матерно ру-

Digitized by Google

гаются, тьфу!.. Ужъ очень здѣсь народъ отчаянный... Убьютъ за грошъ, истинный Господь! Такъ и норовятъ украсть.

— А у васъ, будто, не воруютъ?

— У насъ?.. Очень у насъ насчетъ этого строго... У насъ разъ въ деревнѣ баба одна украла у другой бабы шаль. У-у-у, что тутъ было... Мужъ ее билъ, билъ, билъ, билъ... Потомъ накинулъ ей на плечи шаль эту самую, да и повелъ по деревнѣ... А народъ-то за ними, а народъ-то за ними. Ведетъ онъ ее, а самъ вваливаетъ, а самъ вваливаетъ! жуть!.. И за дѣло: не воруй!..

— Читалъ ты, Терешка, книжки какія нибудь?— спросилъ я.

— Я-то?—переспросилъ онъ,—о, я охотникъ! Ахъ, читалъ я книжку... хороша... жуть!

— Какую?..

— Про казака одного: Тарасомъ его звали, а по прозвищу Бульбинъ... Жуть! истинный Господь! Было у него, у этого самого Тараса, два сына... Андреемъ да Остапомъ звать... Такъ ты что, Павлычъ, думашь, онъ своего сына Андрея убилъ... истинный Господь! Какъ его изъ пищали полыхнетъ, такъ и духъ вонъ... жуть!.. Ужъ очинно занятно!..

— За что-жъ онъ его убилъ?

— А онъ измѣну сдѣлалъ... изъ-за дѣвки тутъ изъ-за одной дѣло вышло... Изъ-за нея измѣну

Digitized by Google

сдѣлалъ. А какой казакъ-то, ишь, былъ, — красавецъ писаный, сила!.. А другого, Остапа-то, поляки въ полонъ взяли, голову ему отрубили... Отецъ-то какъ горевалъ! на его глазахъ ему и голову-то рубили... Допрежъ того мученью предали, жилы вытягивали... Терпѣлъ, терпѣлъ онъ... не смогъ терпѣть,—какъ взвоетъ не своимъ голосомъ: „Тятька, тятька, ужли не слышишь!“... А онъ, Тарасъ-отъ, тутъ-же стоялъ въ народѣ... „Слышу!“ баитъ... У-у-у, что тутъ пошло, жуть! Меня индо,—истинный Господь,—слеза прошибла... ужъ очень хорошо!.. А правда-ль это, а?.. Кто-жъ это за человѣкъ, кто таку книжку составилъ... а?.. Башковатый, должно, мужикъ... Павлычъ! не спишь?..

— Да нѣтъ!

— Что ты молчишь все... думашь... Про что ты думашь, а?..—И, видя, что я не отвѣчаю, онъ завозился на мѣстѣ и громко зашепталъ:—„Богородица, Дѣво, радуйся! Благодатная Марія“...

Я лежалъ навзничь, слушалъ его шептанье и глядѣлъ въ открытыя ворота... За воротами было тихо и темно... Вдругъ, немного погодя, въ воротахъ стало свѣтло, и отчаянно громкій крикъ: „горимъ! горимъ!“ нарушилъ тишину ночи.

— Пожаръ! — закричалъ я и, толкнувъ дядю Юфима, выбѣжалъ вмѣстѣ съ Терешкой за ворота.

Digitized by Google

— Скотный дворъ горитъ!—закричалъ Тереха, и мы побѣжали къ мѣсту пожара.

Горѣлъ пока не скотный дворъ, а огромный ометъ ржаной соломы, сваленный къ скотному двору, къ одной изъ его стѣнъ.

Сухая солома, треща и забирая все выше и выше, горѣла, вспыхивая, какъ порохъ... Въ какіе-нибудь полчаса пылалъ весь ометъ и началъ загораться скотный дворъ...

Всѣ—и рабочіе, и управляющій, и князь, и княгиня, – словомъ всѣ, кто могъ двигаться и смотрѣть, — прибѣжали на пожаръ. Вскорѣ изъ сосѣдняго села и деревень начали прибѣгать по одиночкѣ и группами мужики, дѣвки, бабы, мальчишки...

— Трубу, трубу! — кричалъ князь, бѣгая съ палкой и съ непокрытой головой около пожара,— гдѣ труба?.. чо-о-о-ртъ!..

Труба оказалась испорчена и не дѣйствовала.

— Выгоняйте скотъ!.. Скотъ выгоняйте! — кричалъ князь.—О, чо-о-о-ртъ!..

Изъ сосѣдняго села привезли, наконецъ, общественную трубу и кое-какъ, послѣ довольно-таки долгихъ и безтолковыхъ усилій, наладили и начали „прыскать“ изъ тонкой кишки тоненькой струйкой воды въ расходившееся пламя...

Высокій и тонкій Сопля, вооружась концомъ этой „кишки“, самоотверженно лѣзъ почти въ са-

Digitized by Google

мый огонь... Яркое пламя освѣщало его фигуру, и эта фигура, безъ фуражки, съ вытаращенными глазами, блѣднымъ лицомъ, какъ-то необыкновенно отчетливо выдѣлялась на ярко-огненномъ фонѣ, пугая своимъ видомъ.

Бабы и дѣвки, подобравъ юбки, бѣгали съ ведрами за водой. Мы, рабочіе и прибѣжавшіе мужики, безтолково суетились, ничего въ сущности не дѣлая и только крича...

— О-о-о! А-а-а! — стояло въ воздухѣ, сливаясь съ трескомъ огня...

— Гони скотъ, скотъ гони!—кричалъ обезумѣвшій, растрепанный, босой, въ бѣлыхъ „невыразимыхъ", управляющій.

Перепуганный скотъ, коровы и телята не шли со двора, и ихъ пришлось буквально вытаскивать силой.

Между тѣмъ, загорѣлась, вспыхнула какъ-то сразу, со страшнымъ трескомъ, деревянная, изъ тонкой дранки, крыша скотнаго двора и запылала, какъ свѣчка.

Половина коровъ и телятъ остались на дворѣ. Ихъ уже нельзя было вывести. Дворъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ.

— Спасайте!—кричалъ управляющій,—черти!.. Ну, ну!.. убью!.. о-о-о!..

Но спасать уже было не возможно. Крыша вдругъ рухнула. Туча искръ взвилась къ темно-синему

Digitized by Google

небу... Нѣсколько голубей, мелькая и трепеща крылышками, ворвались откуда-то въ этотъ столбъ и вдругъ куда-то пропали.

Мало по малу стихая, охваченный со всѣхъ сторонъ, какъ огромный костеръ, горѣлъ теперь дворъ, далеко освѣщая окрестность.

— О, Боже мой! о, Боже мой! — всплескивая руками и, кажется, плача, маленькій и жалкій, взывалъ управляющій, бѣгая вокругъ пожара...

XXVIII.

Пламя стихало... Вѣтра не было, и опасность другимъ строеніямъ не грозила.

Князь подозвалъ къ себѣ управляющаго и громко, такъ, чтобы всѣ слышали, крикнулъ:

— Что это, а?.. поджогъ?..

Управляющій какъ-то сжался въ комочекъ и залепеталъ что-то.

— Что-о-о? — крикнулъ князь и прибавилъ: — Дура-а-а-къ!

— По-по-всему вѣ-вѣ-роятію! — вымолвилъ перепуганный „самъ".

— Что по всему вѣроятію? — снова крикнулъ князь,—чо-о-о-ртъ!..

— Поджогъ-съ!

— Кто же?.. За что?..

Управляющій молчалъ. Въ это время, стоявшій

Digitized by Google

неподалеку нарядчикъ, какъ-то изогнувшись, крадучись, точно охотникъ подъ тетерева, подошелъ къ нимъ и заговорилъ, обращаясь къ князю:

— Вашь-ся, осмѣлюсь доложить... поджогъ-съ это.

— Что-о-о?—закричалъ князь, тараща на него глаза.

— Кузнецъ это, вашь-ся, кузнецъ .. болѣ некому.

— Какой кузнецъ?.. Что такое?..

— Ахъ, да!—радостно крикнулъ управляющій,— я и забылъ... конечно, онъ!.

— Да кто онъ? Объясни!—закричалъ князь и топнулъ ногой.

Управляющій объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Что-жъ ты такихъ негодяевъ держишь? — опять закричалъ князь — Чо-о-о-ртъ!.. За урядникомъ послать, живо! Разслѣдовать это дѣло! По-о-о-длецы!..

Онъ повернулся и пошелъ было прочь, но сейчасъ же снова остановился и, обернувшись, крикнулъ:

— А сторожъ?.. Гдѣ былъ сторожъ?.. Позвать сюда ка-а-а-налью!..

— Сторожъ! сторожъ! Сопля! — послышались услужливые голоса со всѣхъ сторонъ:—иди, князь зоветъ!.. Оглохъ, что ли?.. Чо-о-о-ртъ! тебѣ говорятъ!

Мокрый съ головы до ногъ, съ покрытымъ сажей лицомъ, безъ картуза, страшный, точно ка-

Digitized by Google

кой-нибудь сказочный злодѣй, приблизился Сопля къ князю и остановился, принявъ необыкновенно робкую и почтительную позу.

— Ты сторожъ?—подступая къ нему, спросилъ князь.

— Я-съ, вашь-ся! - прошепталъ перепуганный Сопля.—Такъ точно-съ!

— Ты... а-а-а! что-жъ ты смотрѣлъ, скотина, а?.. — И, говоря это, князь совсѣмъ близко пододвинулся къ нему. — Что ты смотрѣлъ? Я у тебя спрашиваю!..

— Ви-виноватъ-съ!

Князь взмахнулъ палкой и хотѣлъ ударить, но не ударилъ, а какъ-то вдругъ круто повернулся и пошелъ прочь.

— Къ чорту его! — крикнулъ онъ на ходу, — чтобъ духу не было!..

Сопля обернулся и, обведя всѣхъ насъ испуганными, страшными, недоумѣвающими глазами, согнулся и, какъ побитая собака, пошелъ прочь по направленію къ кухнѣ.

— Подлецъ! Скотина! — крикнулъ ему вслѣдъ управляющій и добавилъ, обращаясь къ нарядчику:—Сегодня же чтобъ не было его... слышишь!..

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ нарядчикъ...

Digitized by Google

XXIX.

— На, вотъ, получай разсчетъ!—выйдя изъ-за стола послѣ обѣда и помолившись, сказалъ нарядчикъ Соплѣ:—Уходи... Не велятъ, чтобы ты здѣся находился.

— Куда-жъ я пойду? Собраться, чай, надо... то, се... уложиться... жена вонъ тоже... Мало ли?.. Не мутовку облизать...

— Женѣ неча укладаться, — сказалъ нарядчикъ,—ея не гонятъ... жена здѣся останется.

— Эка-ся ты!—воскликнулъ Сопля,—склизкій какой... Такъ я ее и оставлю... Оставилъ одинъ такой!

— Ну, какъ знаешь, — сказалъ нарядчикъ, — дѣло ваше... Мужъ да жена — одна сатана... А только, братъ, намъ безъ кухарки нельзя, и уйти ей покеда не возможно.

— Ей нельзя, а мнѣ можно?

— Ты дѣло десятое... Тебѣ сказано,—самъ слышалъ,—„вонъ!“ Ну, значитъ, ты и того,—уходи, а то какъ бы грѣха не было.

Сопля помолчалъ, глядя на насъ удивленными глазами, точно спрашивая: „братцы, что же это?“— и вдругъ заплакалъ.

Сначала онъ плакалъ, тихо всхлипывая, потомъ все шибче и шибче... Наконецъ, завылъ, какъ баба

Digitized by Google

на кладбищѣ, у которой только что зарыли сына, и, трясясь всѣмъ тѣломъ, началъ что-то приговаривать...

Рабочіе молчали и не глядѣли другъ на друга.

Всѣмъ было какъ-то неловко, чего-то совѣстно и жалко.

— Я, я, — лепеталъ, захлебываясь отъ слезъ, Сопля,—вѣрой и правдой... шесть годовъ... а!.. николи вотъ крошки хозяйской не бралъ... Ста-а-арался! Заслужу, молъ... Заслужилъ: „вонъ!“ Хуже собаки... Собаку и ту... о-о-о!..

— Ну, ревѣть неча!—сказалъ нарядчикъ,—не баба, небось... Сряжайся-ка, другъ!

— Богъ дастъ, другое мѣсто найдешь,—ласково и участливо сказалъ дядя Юфимъ, подойдя къ Соплѣ.—Ты не робѣй: была бы шея, хомутъ найдется...

— Да нешто я про это, — закричалъ Сопля:— Дядя Юфимъ, родной ты мой, нешто я про это! Мѣсто... мѣсто—тьфу! обидно мнѣ—вотъ что, обидно! Обижаютъ меня всѣ... Кому я зло сдѣлалъ?.. Я... я, думается, муху и ту жалѣю... жалко мнѣ, вотъ что... о-о-о-бидно, дядя Юфимъ!..

— Ну-у-у, обидно!.. Что станешь дѣлать?.. Ничего не подѣлаешь! Не умѣешь шить золотомъ, бей молотомъ!.. Плюнь ты, не плачь, негоже это... Эка забота!.. Обойдется дѣло-то, наплевать!..

— Водочки бы,—произнесъ Сопля,—въ остан-

Digitized by Google

ный, може, разокъ... выпили бы... Сбѣгайте кто-нибудь, братцы, — вотъ деньги... Егоръ Иванычъ, а? Водочки, говорю... Богъ съ тобой: не сержусь на тебя... а только... эхъ ма!..

— Нѣтъ ужъ ты водочку оставь,—сказалъ нарядчикъ, — нельзя! Самъ пей ужо въ казенкѣ, сколько хошь, а сюда нельзя... Сюда, того гляди, самъ придетъ.. Опять же всѣмъ на дѣло идтить.. Около пожарища надо растаскать что. Сряжайка-ся, братъ, уходи!..

— Куда-жъ я пойду? Погоди!

— Годить неча: уходи, да и вся не долга!

— А жена-то?..

— А на что тебѣ жена-то, песъ ты гнилой, прости ты меня, Господи? На что я тебѣ?—закричала вдругъ, все время молчавшая въ своемъ углу, кухарка:—Куда я съ тобой съ эстакимъ дѣпусь-то? Что у тебя,—домъ, что ли, свой, а? Припасено что? Аль мѣсто другое нашелъ? Не пойду я съ тобой! Куда я пойду?.. Дура я, что ли?.. Меня не гонятъ,—по міру съ тобой идтить, да тебя, длиннаго идола, кормить?. У-у-у, дьяволъ постылый!.. Протухъ весь заживо... Не подохнетъ, окаянный!.. Посадилъ тебя чортъ на мою шею!. Ступай одинъ хучь въ омутъ,—туда и дорога... Бери, вонъ, портки свои да и иди до перваго кабака... Что у тебя есть-то?.. Какъ у турецкаго святого: портки да трубка...

Digitized by Google

— Таматка,. у казенки-то, кузнецъ, чай, сидитъ,—усмѣхаясь и въ тонъ ей, произнесъ нарядчикъ, — вотъ вамъ, двумъ пріятелямъ, и весело будетъ покеда... А тамъ ужо, дай, урядникъ пріѣдетъ, другой разговоръ пойдетъ ..

— И этотъ такой же!—крикнула кухарка,—все одно: такой же каторжникъ .. злая рота!..

— Молчи! —дикимъ голосомъ закричалъ Сопля:—душу вышибу!..

— А ты полегше, полегше, — заговорилъ нарядчикъ, — полегше, братъ! Нельзя кричать... Полегше, н-да! Твое дѣло какое? Послѣднее твое дѣло... Уходи, братъ... получилъ разсчетъ и съ Богомъ!

— Врешь, мошенникъ!—закричалъ Сопля.—А жена-то? Тебѣ оставить?.. Не пойду я безъ жены! Каку-таку она имѣетъ праву не идтить съ мной? Гдѣ писано?.. Кто она мнѣ а?.. Кто я ей? Хозяинъ я ей, а?.. Аль нѣтъ?.. Мужъ, чай, законный Какъ ты полагаешь?.. Не пойду! Хучь убей!.. Знаю я, объ чемъ ты-то хлопочешь... Сволочь, бабникъ!.

— Смотри, братъ, лаяться станешь, — выставимъ!.. Сволочить-то погоди...

— Не пойду!—дико кричалъ Сопля и вдругъ, весь трясясь, длинный, страшный, бросился на нарядчика съ кулаками. —Мошенникъ! Ты все! Ты!. Ты и скотную подпалилъ... О-о-о!.. о-о-о!..

— Братцы! — завопилъ нарядчикъ, отпихи-

Digitized by Google

ваясь,—будьте свидѣтели, свидѣтели будьте! За такія слова... Будьте свидѣтели!..

— Мошенникъ, воръ! — продолжалъ Сопля,— глотъ!.. Сколько ты народу слопалъ?!. о-о-о!.. Чужихъ женъ совращать!.. Благо, гладокъ, жиръ-то тебя точитъ... Разбойникъ!.. убью!..

Дико крича, они сцѣпились, какъ два кота, и покатились по полу. Ихъ крикъ въ открытыя окна далеко разносился по имѣнію.

Услышавъ эти крики, прибѣжалъ съ палкою въ рукахъ управляющій и остановился на порогѣ, пораженный, въ первую минуту не зная, что дѣлать.

При его появленіи, мы всѣ почтительно поднялись, въ ожиданіи.

Дерущіеся катались по полу, воя, сквернословя, сопя, награждая другъ друга кулаками, кусаясь и никого не замѣчая.

— Что такое?—закричалъ, наконецъ, не тише дерущихся, управляющій,—драка! Ахъ вы, звѣрье, да я васъ!.. бросьте! бросьте говорю! перестать!..

Онъ сталъ награждать ударами палки то одного, то другого. Но дерущіеся до того „увлеклись", что не слыхали этихъ ударовъ, и продолжали драться, какъ двѣ огромныя сцѣпившіяся собаки.

— Вы что глядите!—накинулся вдругъ на насъ управляющій, — болваны! Разнять! Разнимайте... Ахъ, подлецы, дикари!. Растаскивайте ихъ... ну, живо!..

Digitized by Google

— Ихъ таперича не растащить,—закричалъ Культяпка,—сцѣпились! Водой надо... Постой-ка я ихъ!

И говоря это, онъ схватилъ ведро, зачерпнулъ имъ изъ кадки воды и, какъ-то смѣшно перекосивъ ротъ и растопыря ноги, плеснулъ изъ ведра водой, стараясь попасть въ лица .. Это подѣйствовало. Дерущіеся, какъ пѣтухи, отскочили другъ отъ дружки.

— Егоръ, что это значитъ?—спросилъ управляющій.

— Баринъ, батюшка,— размазывая по лицу кровь и плача отъ злости, завопилъ нарядчикъ,— житья нѣтъ! Изругалъ всячески.. при свидѣтеляхъ .. Какъ только не лаялъ... Воръ, говоритъ; ты, говоритъ, скотну подпалилъ... Лаялъ, лаялъ... въ драку полѣзъ... а за что? За то, что я ему водки не велѣлъ сюда носить..

Управляющій уже больше не слушалъ... Онъ накинулся на Соплю, топоталъ на него ногами и кричалъ визгливымъ, рѣжущимъ слухъ голосомъ.

— Вонъ! Вонъ! Вонъ! Сію минуту вонъ! Тебѣ сказано... вѣдь тебѣ сказано!

— Сказано.. даве еще сказано!—вторилъ нарядчикъ.

— Не пойду я отседа безъ бабы!—угрюмо произнесъ Сопля,—гони не гони.. не пойду!

Digitized by Google

— Что-о-о?—завизжалъ управляющій,—не пойдешь?! А-а-а? Какая баба, а?..

— А это значитъ, жена его... кухарка наша,—пояснилъ нарядчикъ.—Ее онъ взять хочетъ, а она, значитъ, не идетъ... Потому, сами извольте посудить, куда-жъ идтить съ мужемъ съ эстакимъ.. Ну, кабы еще домъ свой былъ—дѣло десятое, а то куда?

— Да развѣ ее гонятъ?—спросилъ управляющій.—Что съ нимъ, съ дуракомъ, разсуждать.. Вонъ!

— Укладайся пока-что!—опять такъ же угрюмо произнесъ Сопля, обращаясь къ женѣ,—я пойду лошадь найму въ деревнѣ... Съѣдемъ пока-что на фатеру.. Сряжайся!..

Услыша это, кухарка вдругъ пронзительно заголосила и повалилась управляющему въ ноги.

— Баринъ, батюшка!—кричала она,—куда я пойду?.. Гони ты его, не слушай.. Какой онъ мнѣ мужъ?. Пьяница... гнилой онъ... протухъ... О-о-о, матушка Царица Небесная, что-жъ это такоича будетъ-то?..

— Встань, встань!—успокоилъ ее управляющій,—не бойся... ничего онъ не можетъ сдѣлать... Я князю скажу... Ты какъ жила, такъ и будешь жить.. Встань!—и, снова обернувшись къ Соплѣ, закричалъ.—Вонъ!..

— Не пойду безъ бабы! — опять произнесъ

Digitized by Google

Сопля,—не желаю, чтобы она жила съ жеребцомъ съ эстимъ... Я, скажемъ, лыкомъ шить, а мужъ законный... Какъ хочу, значитъ, такъ и ворочу, и неча, тебѣ, баринъ, не въ свое дѣло лѣзть...

— Не пойду я съ тобой,—закричала кухарка,—ни въ жись не пойду. Издохну, а не пойду!

— По-о-о-йдешь!—протянулъ Сопля.

— Не пойду! Удавлюсь, а съ тобой жить не стану!.. Тьфу тебѣ въ рыло поганое! Гнилой песъ! Чтобъ те познамило!

— По-о-о-йдешь!—опять протянулъ Сопля.

— Ребята!—обернулся къ намъ управляющій,—выведите его... Проводите за скотный прудъ... хорошенько его!..

Мы стояли, не трогаясь. Сопля глядѣлъ на насъ и ждалъ, что будетъ.

— Ну-у-у, что же?—повторилъ управляющій.

— Не наше это, баринъ, дѣло,—сказалъ, наконецъ, дядя Юфимъ,—неча намъ и соваться .. Промежъ мужа да жены одинъ судья—Господь! А отъ него мы худого не видали .. Намъ его трогать не гоже, грѣхъ! Ты старшой... тебѣ власть дана,—какъ хошь, такъ и дѣлай, а наше дѣло сторона... Безъ толку надъ человѣкомъ измываться нехорошо.. Пожалѣть человѣка надо... Пожалѣешь—онъ, глядишь, и отмякнетъ... Такъ-то, баринъ хорошій, а не палкой... Палка-то вѣдь объ двухъ концахъ .. Ты его, а онъ тебя...—и, обернувшсьи

Digitized by Google

къ Соплѣ, сказалъ: – ушелъ бы ты, родной, покеда отъ грѣха... Баба дура.. баба отъ тебя не уйдетъ... Кому она нужна-то?.. Завси вытребовать можешь... Ступай-ка, родной, дѣло-то складнѣе будетъ ..

-- Обидно мнѣ,—произнесъ Сопля и вдругъ опять, какъ ребенокъ, на котораго подѣйствовали ласковыя слова, захлюпалъ.—Обидно, дядюшка Юфимъ! За что? аль я... Съ женой разлучили... гонятъ вонъ... а я человѣкъ бо-о-льной... ло-о-о-маный... Куда я одинъ-то... посуди самъ... дядюшка Юфимъ, посуди... о-о-о!.

— Иди покеда до казенки, а тамъ увидишь!— сказалъ Культяпка съ подлой улыбкой и посмотрѣлъ на управляющаго, какъ бы ожидая сочувствія съ его стороны своему остроумію.

— Ну, Богъ вамъ судья!—тяжело вздохнувъ, вымолвилъ Сопля,--уйду я... покеда... да только приду скоро... приду, баба, за тобой... Прощай покеда.. помни, не пройдетъ это тебѣ такъ...

Онъ надѣлъ поддевку, новые сапоги и, держа картузъ въ лѣвой рукѣ, перекрестился правой и сказалъ:

— Прощайте, братцы!

— Прощай! – сказали мы,—дай Богъ!.

Онъ перекрестился еще разъ, надѣлъ фуражку и, не глядя на жену, пошелъ къ двери.

Около двери стоялъ управляющій, и, какъ только Сопля переступилъ за порогъ, онъ размахнулся и ударилъ его по спинѣ палкой.

Digitized by Google

— Подлецъ!

Сопля даже и не обернулся...

XXX.

Передъ вечеромъ пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ урядникъ, высокій, плотный, съ краснымъ лицомъ и съ усами, какъ у кота, солдатъ. Управляющій повелъ его къ себѣ на квартиру, и скоро всѣхъ насъ, рабочихъ, потребовали въ контору...

Въ конторѣ, кромѣ управляющаго и урядника, были нарядчикъ и конторщикъ Геннадій.

Рабочіе, какъ водится, столпились въ передней около двери, съ любопытствомъ и страхомъ глядя на урядника...

Начался допросъ.

— Говори ты, какъ дѣло было!—повелительно и хмуря брови, чувствуя себя передъ нами „большимъ начальствомъ", крикнулъ урядникъ, обращаясь къ нарядчику.—Хвалился кузнецъ, а? Хотѣлъ что-нибудь сдѣлать?

Нарядчикъ сталъ разсказывать.

— „Помни, говоритъ,—повторилъ онъ слова кузнеца,—помни"... Всѣ слышали!

Урядникъ записалъ.

— Слышали вы эти слова?—обратился онъ къ намъ.

Рабочіе молчали.

Digitized by Google

— Слышали, что ли, а? Что-жъ молчите?.. Ты, старый хрѣнъ, слышалъ?

— Ничего я не слыхалъ,—отвѣтилъ Юфимъ,— зря это все... Мало что въ горячности скажешь... языкъ безъ костей... врагъ нашъ... Ничего я, господинъ, не знаю... Ты меня не спрашивай!..

— Ишь ты, каналья, а?—повернувшись къ управляющему, произнесъ урядникъ.—изъ какой оперы запѣлъ, а? Ахъ, негодяй! Н-да!.. Ну, а ты слышалъ? Эй ты! тебя спрашиваю...

— Меня-съ?..—переспросилъ Культяпка и выдвинулся впередъ.

— Ну, да!

— Какъ же-съ,—заговорилъ Культяпка,—какъ же-съ... какъ не слыхать-съ, помилуйте... Я рядомъ стоялъ.. слышалъ-съ... Слышалъ, какъ онъ похвалялся: „мотри, говоритъ, будешь помнить“... Потомъ пошелъ, а самъ про себя шепотомъ: „спалю!“ говоритъ.

— Что-о-о?—переспросилъ урядникъ.

— „Спалю!“ —говоритъ,—повторилъ Культяпка.

— Онъ это говорилъ?

— Говорилъ съ!

— Буде врать-то!—сердито сказалъ Юфимъ,— трепло! и что брешешь на свою голову... Эхъ, Михайло, грѣхъ!.. Не вѣрьте ему, господинъ, брешетъ онъ.

Digitized by Google

— А ты что за заступникъ такой выискался? Тебѣ кузнецъ-то—сватъ, братъ?

— Не сватъ, не братъ, а я за правду... правду люблю!

— Ну, и стой съ своей правдой... молчи... не суйся, гдѣ не спрашиваютъ,—сказалъ урядникъ и снова спросилъ:—Такъ ты слышалъ?..

— Ну, вотъ-съ... помилуйте! Барина вонъ тоже обругалъ... „Сволочь ты“, говоритъ... Я рядомъ стоялъ.

— Правду онъ говоритъ?—обратился урядникъ къ намъ.

Рабочіе молчали...

— Мы ничего не знаемъ!—сказалъ Юфимъ,—какъ знаете... Дѣло ваше!..

— Та-а-а-къ!—протянулъ урядникъ, пристально глядя на Культяпку,—та-а-а-къ! Еще кто не слыхалъ ли, говорите! – опять обратился онъ къ намъ.

Мы молчали.

— Онъ это... онъ! болѣ некому!—произнесъ нарядчикъ: – кабы не онъ, пришелъ бы на пожаръ... А то, небось, не былъ... Гори молъ... не жалко!

— А гдѣ онъ теперь?—спросилъ урядникъ.

— Извѣстно, чай, коло винополіи околачивается... въ селѣ, чай...

— Его надо сюда,—произнесъ урядникъ,—допросить бы... Да ужъ кстати связать... Уйдетъ, подлецъ, ищи тогда...

Digitized by Google

-- Пьянъ онъ, небось, — сказалъ управляющій

— Послать бы за нимъ, а?—сказалъ урядникъ.— Распорядились бы вы, — обратился онъ къ управляющему.

— Не пойдетъ онъ, господинъ, — сказалъ нарядчикъ,—не таковъ человѣкъ.. наврядъ-съ!

— Ну-у-у, не пойдетъ .. пойдетъ! — произнесъ урядникъ,—у насъ пойдетъ! Скажи, *кто* приказалъ... А не пойдетъ—возьми сотскаго, понятыхъ... руки такимъ манерцемъ... понялъ?.. а будетъ упрямиться... я самъ пріѣду... такъ и скажи: *самъ пріѣду!*..

— Слушаю-съ!.. Прикажете съѣздить, баринъ?— обратился онъ къ управляющему.

— Да... конечно... поѣзжайте четверо... Ну, а если его тамъ нѣтъ?

— Таматка, баринъ, не сумлѣвайтесь! — улыбаясь, произнесъ Культяпка, — болѣ гдѣ же ему быть-то? Коли не тамъ, то у Лизаки—два мѣста... Покеда не пропьетъ денегъ, далеча не уйдетъ.

— Ну, такъ поѣзжайте! — сказалъ управляющій,—а мы съ вами пока закусимъ, а? Чайку, а?— обратился онъ къ уряднику.—Вамъ, конечно, ѣхать не зачѣмъ, такъ закусимъ..

— Можно!—произнесъ, улыбаясь, урядникъ.— А князь сюда не придутъ-съ?.. Я думаю, это обстоятельство сильно разстроило ихъ? Н-да! Можно сказать, одинъ негодяй и .. результатъ-съ!..

Digitized by Google

— Кому прикажете, баринъ, ѣхать?—спросилъ нарядчикъ.

— Кому? Да кто-нибудь... Ну ты.. Михайло вонъ... онъ вонъ,—указалъ онъ на меня,—ну, еще кто-нибудь... какъ хочешь вообще...

— Мнѣ-то, баринъ, ѣхать ли?...

— А что?

— Сами изволите знать — золъ онъ на меня.. Какъ бы грѣха не вышло какого... Ему-то все едино-съ, человѣкъ онъ отпѣтый, а у меня жена, дѣти-съ .

— Да не бойтесь ничего,—сказалъ урядникъ.— Зачѣмъ ѣхать четверымъ... На медвѣдя, что ли? Ну, поѣзжайте двое... Ты, вотъ, поѣзжай, – кивнулъ онъ на Культяпку,—ты малый, кажись, того... не промахъ, да вонъ тотъ, длинный,—кивнулъ онъ на меня,—и довольно...

— Что-жъ, поѣдемъ, Павлычъ, а? — сказалъ Культяпка:—нечa время терять . Авось не убьетъ...

Мы вышли изъ конторы...

XXXI

Кузнеца мы, дѣйствительно, нашли у „винополіи“... Онъ былъ не одинъ... Они вмѣстѣ съ Соплей сидѣли на ступенькахъ трактирнаго крыльца и пили водку изъ горлышка полубутылки, закусывая селедкой съ хлѣбомъ. Кузнецъ былъ

Digitized by Google

не пьянъ, а Сопля успѣлъ уже „дойти до дѣла“...

Мы слѣзли, привязали къ колодѣ лошадь и подошли къ нимъ.

— Пріятнаго аппетиту! — сказалъ Культяпка.

— Вы какъ сюда? — спросилъ кузнецъ.

— По дѣлу, - отвѣтилъ Культяпка и, отвернувшись отъ него, нагнулся, поплевалъ на ладонь руки и, похлопавъ этой ладонью Соплю по головѣ, сказалъ:

— Гуляешь, сторублевая голова, съ горя-то?!

Сопля обрадовался нашему пріѣзду и началъ угощать водкой. Самъ онъ пилъ больше всѣхъ и все говорилъ про жену, про обиду, про свое горе и, по обыкновенію, хлюпалъ... Кузнецъ пилъ мало. Онъ былъ какой-то хмурый, невеселый, задумчивый...

— А вѣдь мы за тобой пріѣхали!—неожиданно вдругъ, улыбаясь, сказалъ Культяпка.

— За мной?.. Зачѣмъ я понадобился?

— Да что, другъ, — заговорилъ Культяпка, — кислыя слова тамъ про тебя.. будто ты того.. скотную... Чай, тебѣ Сопля-то сказывалъ?.. Урядникъ тамъ.. Онъ насъ, признаться, и послалъ-то... къ допросу тебя.. Чудно! Я имъ, вѣришь Богу, давеча говорю: что вы, говорю, на человѣка эдакое дѣло... пра ей-Богу... „Не твое, говорятъ, дѣло“..

— Нарядчикъ, небось, все? — угрюмо произ-

Digitized by Google

несъ кузнецъ: — вотъ шельма-то... Н-да! подвелъ штуку...

— Всѣ, братъ, хороши —отвѣтилъ Культяпка и, въ свою очередь, спросилъ: —А что-жъ ты на пожаръ-то не приходилъ?

— На кой онъ мнѣ чортъ! - опять также угрюмо произнесъ кузнецъ.—Все гори .. мнѣ наплевать... У князя денегъ много... кой имъ чортъ!.. Такъ, значитъ, и порѣшили, что я поджогъ?.. Павлычъ,— обратился онъ ко мнѣ,—ну, а ты какъ полагаешь: я, аль нѣтъ?..—И, видя, что я молчу, поднялся съ мѣста и, хлопнувъ меня по плечу, сказалъ: —Не я, братъ Павлычъ... не вѣрь... не я... Кабы я—я сказалъ бы.. И не боюсь я никого... ни князя, ни чорта, ни тюрьмы... и Сибирь наплевать мнѣ И тамъ солнце свѣтитъ... Такъ-то, другъ... Уходи-ка ты изъ имѣнья этого, будь оно проклято!.. Поѣдемте!—добавилъ онъ рѣзко: —Сопля, ѣдемъ!

— Его-то не надо,—сказалъ Культяпка,—куда его?!

— А тебѣ что?.. Лошади барской жалко, что ли... Пущай ѣдетъ... Можетъ, и его въ свидѣтели поставятъ.. Полѣзай, Сопля!..

— Погодите, други мои,—залепеталъ Сопля,— я... я.. половиночку... съ собой.. Не бросайте вы меня... Я на дорожку... по-по-ловиночку... сичасъ я...

И онъ, спотыкаясь и шаря на ходу въ карманѣ

Digitized by Google

поддевки, пошелъ въ казенку и вышелъ оттуда, держа бутылку.

— Вотъ она!—издали поднявъ ее передъ собой, крикнулъ онъ и, подойдя къ намъ, вдругъ почему-то заплакалъ.

— Садись, Сопля,—сказалъ кузнецъ и почти втащилъ его въ телѣгу...—Сиди смирно... Не разбей спосуду-то... горе луковое... Трогай!..

Мы поѣхали...

XXXII.

Дорогой, пока ѣхали до имѣнія, кузнецъ угрюмо молчалъ. Культяпка болталъ разный вздоръ, косясь на кузнеца... Сопля то принимался плакать, то начиналъ говорить про жену, про обиду, про жизнь...

Я правилъ лошадью и тоже думалъ про свою жизнь и про тѣхъ людей, среди которыхъ жилъ, и въ головѣ у меня невольно какъ-то стучали слова: „ну, люди!.. и жалко, и бить хочется, тьфу!..“

Ѣхать было хорошо... Колеса громко стучали по дорогѣ... Солнце стояло низко... Въ рѣчкѣ, по берегу которой мы ѣхали, отражались, какъ въ зеркалѣ, прибрежные кусты, неподалеку росшія старыя березы, голубое небо, бѣлыя рѣдкія облака... У береговъ, поросшихъ высокой осокой, заливались со всѣхъ сторонъ лягушки... Мошкара

Digitized by Google

стояла надъ водой, походя на тонкіе, прозрачные, движущіеся столбы... Гдѣ то громко крякалъ одинокій селезень и, перелетая съ мѣста на мѣсто, курликали и посвистывали кулики.. Гдѣ-то, высоко надъ нами, леталъ невидимый самецъ-бекасъ и блеялъ, какъ баранъ. Пастухъ гдѣ-то за пригоркомъ игралъ на „жалейкѣ“, и звуки этой „жалейки“, простые и жалобные, казалось, лились въ прозрачный воздухъ, стояли въ немъ, плакали, жаловались, навѣвая на душу тихую, пріятную грусть... Что-то далекое, забытое, хорошее вставало передъ глазами, трогая за сердце...

— Ты—Журловъ? кузнецъ?—спросилъ урядникъ, оглядывая фигуру кузнеца съ ногъ до головы большими, выпуклыми, налитыми кровью, вѣроятно, отъ выпитой водки, глазами.

— Я!—отвѣтилъ кузнецъ.

— Ты... а-а-а! Ты!—урядникъ подошелъ къ нему и вдругъ, точно играя, ударилъ его указательнымъ пальцемъ правой руки по носу.—Ты!—повторилъ онъ.—Ты, голубчикъ... ты!.. Тебя-то намъ и надо... Ахъ ты, гадина эдакая, а? Какими дѣлами... а?..

— Какими дѣлами?—угрюмо переспросилъ кузнецъ.

— Ты арапа-то не строй!—воскликнулъ уряд-

Digitized by Google

никъ злорадно.—Каковъ, а?—обратился онъ къ управляющему и продолжалъ:—Дѣло хорошее... прекрасное дѣло... Ахъ ты, подлецъ! Посмотримъ, какъ ты передъ господиномъ приставомъ поговоришь, голубчикъ... Какія дѣла, спрашиваетъ?.. ха!—онъ опять махнулъ его пальцемъ по носу.—Ты поджигать, каналья!.. Мстить! Съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ... Ахъ ты, подлецъ!..

— Я не поджигалъ!—сказалъ кузнецъ.

— Что-о-о?.. А кто же... ха, ха, ха! Не онъ, а?.. Ну, а кто же?.. Пушкинъ, что ли?.. А?.. Ска-а-атина!..

— Не я!—снова повторилъ кузнецъ.

— Ладно... не ты, такъ не ты.. А я знаю, что ты... Да что съ тобой толковать... Свидѣтели, братъ, есть... Связать его!.. Эй, свяжите-ка его, ребята!..

— Меня вязать нечего,—сказалъ кузнецъ,—я и такъ не уйду... не боюсь я...

— Ну, тамъ увидимъ, боишься ли, нѣтъ ли,—произнесъ урядникъ и вдругъ закричалъ на насъ:—Вамъ говорятъ—связать!..

— Это дѣло не наше,—сказалъ Юфимъ, - вяжи самъ... На то ты надъ нами и поставленъ.. Наше дѣло тутъ не при чемъ... Да!.. Понапрасну человѣка обижать не законъ.

Кузнецъ обернулся, посмотрѣлъ на дядю Юфима, и вдругъ ротъ его чуть-чуть тронулся ласковой и вмѣстѣ какой то жалостной улыбкой.

Digitized by Google

— Вяжите, робята,—тихо произнесъ онъ.—Пущай потѣшутся... Мнѣ все едино... Я не жегъ... не боюсь!

— Вотъ такъ-то лучше!—опять злорадно воскликнулъ урядникъ:—Вяжи!—обратился онъ къ нарядчику.

Нарядчикъ, съ припасенной заранѣе веревкой, боязливо подошелъ къ кузнецу и сказалъ:

— Давай!

Кузнецъ безропотно закинулъ руки назадъ. Лицо его потемнѣло... губы тряслись... Онъ нахмурился и, видимо, дѣлалъ страшныя усилія, стараясь сдержать себя.

Нарядчикъ быстро, ловко и крѣпко скрутилъ кузнецу руки, и когда сдѣлалъ это, усмѣхнулся гадкой, злобной усмѣшкой и сказалъ:

— Вотъ таперя не подожгешь!

— Не подожгешь!—повторилъ урядникъ.

Кузнецъ, молча, глядѣлъ въ землю.

Управляющій подошелъ къ нему и, старась заглянуть въ глаза, злобно сказалъ:

— Что, голубчикъ, догулялся, а?.. Догулялся, я говорю?.. Такъ и надо... по-о-длецъ!

Онъ махнулъ рукой, и звукъ пощечины раздался по конторѣ.

— Бей аще!—сказалъ кузнецъ.—Благо, у меня руки связаны... Ахъ ты, гадъ!.. Тьфу!..

Онъ плюнулъ ему въ лицо.

Digitized by Google

— Ведите его!—завизжалъ управляющій, быстро отскочивъ отъ кузнеца.— Чтобъ духу не было!..

— Запереть пока, а завтра въ станъ!—сказалъ урядникъ.

Кузнеца увели.

XXXIII.

Насъ отпустили. Мы отправились на кухню и тамъ совершенно неожиданно наткнулись на такую картину: на полу, около стола, валялась какъ чурка, кухарка, страшно избитая и связанная. На ней положительно не было лица. Какой-то кровяной комокъ, а не лицо. Ротъ былъ заткнутъ тряпкой, крѣпко-накрѣпко закушенной зубами... На обнаженномъ тѣлѣ висѣли тамъ и сямъ узкія полосы одежды. Жидкіе рыжеватые на головѣ волосы были растрепаны, и вырванные клоки ихъ валялись по полу.

— Господи!.. Что-жъ это значитъ!—воскликнулъ нарядчикъ.

Пораженные не меньше его, мы молчали.

— Никакъ убилъ!– воскликнулъ Юфимъ.—Охъ, грѣхи!.. Бѣги кто-нибудь за самимъ... Не трогъ до урядника

Нарядчикъ нагнулся, оправилъ на ней платье и вытащилъ изо рта тряпку. Въ горлѣ у ней что-захлюпало.

Digitized by Google

— Эй!--крикнулъ нарядчикъ, — Матренъ!.. а, Матренъ! Кто тебя, а?..

— Чего спрашивать, кто?.. Извѣстно, кто,—сказалъ Юфимъ,—онъ, небось.

Въ горлѣ у кухарки захлюпало еще шибче... Она вдругъ открыла какъ-то страшно круглый, весь залитой кровью, лѣвый глазъ и зашевелила губами...

— Что-о-о?—крикнулъ нарядчикъ.

— Му-у-у-жъ!—послышался хриплый, сдавленный, слабый голосъ, и послѣ этого въ горлѣ у ней опять захлюпало.

На кухню, между тѣмъ, прибѣжали урядникъ и управляющій. Послѣдній отъ страха присѣлъ на корточки

— Какъ я скажу князю!—жалобно крикнулъ онъ,—что мнѣ будетъ?!

— Ахъ, чортъ!—воскликнулъ урядникъ.—Ловко! Кто же это, а?.. Жива?..

— Жива-съ!—отвѣтилъ нарядчикъ.

— Развяжи ей руки-то,—сказалъ урядникъ и снова воскликнулъ:—Ловко!.. Ну, ну!.. Кто же это, а?

Нарядчикъ нагнулся къ кухаркѣ и крикнулъ:

— Матренъ! Матренъ! Слышишь? Кто тебя?

— Му-у-у-жъ!—снова получился едва внятный отвѣтъ, изъ горла избитой вылетѣлъ звукъ, ужасно похожій на крикъ курицы, поющей пѣтухомъ.

Digitized by Google

— Въ больницу надо!—рѣшилъ урядникъ.— Везите скорѣй въ Грачево.

— Помретъ дорогой!—сказалъ нарядчикъ.

— Помретъ—меньше вретъ!—сострилъ урядникъ и добавилъ: —Скорѣй на телѣгу и маршъ!..

Управляющій велѣлъ запречь телѣгу. Урядникъ сѣлъ на скамейку и закурилъ. Кухарку развязали и положили на кровать.

— Ловко!—опять повторилъ почти съ удовольствіемъ урядникъ, глядя на залитое кровью лицо кухарки и пуская къ потолку густыя струи табачнаго дыма.—Ловко! Гдѣ-жъ онъ теперь, а? Найти его, голубчика!.. Заодно съ кузнецомъ и отправимъ... Убилъ вѣдь бабу-то,—обратился онъ къ самому,—а? Какъ думаете?

Управляющій, блѣдный, съ испуганнымъ лицомъ, молча подошелъ къ окну и забарабанилъ пальцами по стеклу.

Къ крыльцу подъѣхала телѣга. Урядникъ всталъ.

— Ташите!—сказалъ онъ.

Кухарку вынесли, положили на телѣгу на сѣно, прикрыли сверху дерюгой, и нарядчикъ повезъ ее въ земскую больницу.

— А вы, ребята, молодчика-то найдите,—обратился къ намъ урядникъ, уходя съ управляющимъ прочь,—безъ него этого дѣла не разжевать...

Digitized by Google

XXXIV.

— Провались ты пропадомъ и съ жизнью-то съ эстой!—воскликнулъ дядя Юфимъ,—плюнуть да уйтить отседа, куда глаза глядятъ... Самое святое дѣло! И откеда онъ взялся только... притка его задави!..

— Откеда?! Мы даве привезли!—сказалъ Культяпка.—Ссадили у амбаровъ... догадало насъ!.. А все кузнецъ... Дернула нелегкая... словно на грѣхъ!.. Да, правда, нешто думано?.. Видимъ, человѣкъ выпимши... Ну, молъ, наплевать, поѣдемъ!

— Мотри, робята, какъ бы вамъ за это не влетѣло... Не намахали бы, гляди,—сказалъ Юфимъ.

— А кто скажетъ-то?

— Скажутъ... найдутся... Ты первый... Сволочь, братъ, ты, не въ обиду будь сказано... Чего ради ты на кузнеца-то наплелъ? Человѣку гибнуть отъ твоихъ словъ... Неужли ты и на суду это покажешь...

— Ну, вотъ, была нужда!—воскликнулъ Культяпка. — Мнѣ главная причина, думаю, жало ваньишка не прибавятъ ли... А то нешто я стану...

— Язычкомъ заслужить хошь!.. Хо-о-о-рошее дѣло! . Только гляди, сватъ, береги голову...

— А что?

— Ничего... такъ, молъ... Ну, одначе,—перемѣ-

Digitized by Google

нилъ Юфимъ рѣчь,—кто же у насъ за стряпуху будетъ? Ужинать пора... жрать хотца... Михайло, наливай хучь ты, покеда что...

Мы усѣлись за столъ. Культяпка налилъ щей. Началось обычное „хлебанье“ чего-то чернаго, вонючаго, гадкаго...

— Вотъ что, братцы, я надумалъ,—заговорилъ дядя Юфимъ, когда мы улеглись на своихъ обычныхъ мѣстахъ въ сараѣ,—уходить намъ отседа надо... бросать... Ну, ихъ къ ляду и съ мѣстомъ-то! Ни те спокою, ни те харчи... обращенье собачье... вша... грязь... тьфу! Да неужъ мы того и стоимъ?!.

Мы молчали...

— Уходить надо, —продолжалъ онъ, —время теперя самое горячее... рабочая пора. . Что тутъ-то?.. Тутъ вѣдь кому жить?.. Кто нови не видалъ, тотъ и ветоши радъ... Махнемъ на болото, на торфъ... Трудно, за то деньга... А то по деревнямъ пойдемъ. . Теперя навозница... Тамъ, глядишь, покосъ... А осенью молотить пойдемъ... Гожо! ей-Богу...

— А зиму-то?—спросилъ Тереха:—главная причина —зима!

— Ну, зима! До зимы глаза вылупишь... И зимой найдемъ... Была бы, братъ шея, а хомутъ найдется... Уходить надо!..

Digitized by Google

— Ну, тамъ увидимъ!—зѣвая, произнесъ Тереха-Воха и вскорѣ захрапѣлъ. Дядя Юфимъ поворчалъ что-то про себя, повозился и тоже уснулъ...

Но мнѣ не спалось .. Я вышелъ за ворота, сѣлъ и долго сидѣлъ, прислушиваясь къ шепоту ночи... Далекое, темное, усыпанное звѣздами небо манило къ себѣ своей таинственной тишиной ..

— Улетѣть бы туда! Что тамъ?.. Неужели и тамъ тоже людская ненависть, злоба мученье, слезы, грязь, тьма?.

Утромъ нашли Соплю. Онъ висѣлъ въ каретномъ сараѣ на переводѣ, синій, съ высунутымъ наполовину языкомъ, необыкновенно страшный и необыкновенно жалкій..

— Жуть! — воскликнулъ Тереха-Воха, увидя его,—Господи помилуй! Мнѣ теперя ни въ жись ночью не уснуть... Жуть!..

— Чорту баранъ!—мрачно произнесъ нарядчикъ,—допился!

— Нѣтъ, что же!—сказалъ кто-то,—человѣкъ онъ былъ ничего... простяга... Жалко!

— Такихъ жалѣть неча! — перебилъ нарядчикъ,—чего его жалѣть, коли онъ самъ себя не пожалѣлъ... Такихъ не отпѣваютъ... въ куль, да въ яму... Туда и дорога!.. Чорту баранъ!..

— Врешь, братъ, — сказалъ Юфимъ, — отпѣ-

Digitized by Google

ваютъ... Допрежь не отпѣвали, а теперя отпѣваютъ... Одно только—не въ церкви, а на папертки... Да не наше это дѣло... не намъ судить... Онъ въ дѣлѣ, онъ и въ отвѣтѣ, а ужъ Царь Небесный разберетъ по своему... Мы съ лихостью, а Господь съ милостью... Грѣхъ судить .. пожалѣть надо! Люди мы... Мы не пожалѣемъ, кто насъ пожалѣетъ?.. Господь Батюшка сказалъ: „любите другъ дружку“... А мы что?.. эхъ-хе-хе!..

Онъ махнулъ рукой и прибавилъ:

— Пойдемте отседа, робята... Чего смотрѣть?.. Не наше дѣло.

— Жуть!—то и дѣло восклицалъ, весь блѣдный и вздрагивавшій, точно отъ холода, Терехa-Воха.—Не стану я здѣсь жить!.

Черезъ недѣлю, отработавъ „навозницу“, на время которой управляющій не отпускалъ насъ, мы трое: Юфимъ, я и Тереха-Воха, съ сумками за плечами, раннимъ утромъ, веселые и бодрые, выходили изъ имѣнія, чтобы больше никогда не входить въ него...

Передъ нами, подъ гору, вилась пыльная дорога, а передъ глазами, куда только могъ проникнуть взоръ, раскинулась и манила къ себѣ таинственно-загадочная, синѣющая даль..

— Ну, робята, — сказалъ Юфимъ, — что то бу-

Digitized by Google

детъ... либо Акулька, либо мальчикъ, а дѣло сдѣлано...

— Хуже не будетъ, — добавилъ онъ, въ раздумьи:—рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше...

XXXV.

Въ первый день мы отошли отъ имѣнія верстъ тридцать, нигдѣ не останавливаясь и не справляясь относительно работы. Мы чувствовали себя бодро и идти намъ было хорошо. Погода стояла прекрасная; дорога вездѣ просохла.. Идти приходилось по большей части молодыми, мелкими березовыми лѣсами... Пѣли птицы, жужжали шмели, мухи, пахло цвѣтами...

Мы часто дѣлали „залоги“, т. е. садились гдѣнибудь, снимали сумки, закуривали и разговаривали, наслаждаясь отдыхомъ и полной свободой. Разговаривать про работу, гдѣ ее найдемъ, какъ будемъ жить, сколько будемъ получать, — точно сговорившись, —мы избѣгали въ этотъ день; говорили совсѣмъ о другомъ.

Я забылъ, между прочимъ, упомянуть, что въ нашей компаніи былъ еще Терехинъ землякъ, солдатъ Яковъ Малинкинъ, человѣкъ бывалый, веселый и разговорчивый.. На отдыхахъ и въ дорогѣ онъ безъ умолку разсказывалъ про свои похожденія и мытарства по бѣлу свѣту, особенно же про

Digitized by Google

русско-турецкую кампанію, въ которой онъ участвовалъ.

Тереха слушалъ его разсказы, и они видимо доставляли ему невыразимое удовольствіе.

— Жуть!—восклицалъ онъ въ особенно сильныхъ мѣстахъ и, обернувшись, окидывалъ насъ своими прекрасными глазами, какъ бы приглашая взглядомъ раздѣлить съ нимъ восхищеніе.

— А убивалъ ты дяденька Яковъ?—спросилъ онъ однажды.

— Эва! – воскликнулъ Малинкинъ: — рѣдьку, что ли, я тамотка таскалъ? Знамо убивалъ!.. На то война...

— Стра-а-а-шно!!..

— Ни чорта не страшно! Православнаго ежели, скажемъ, убить — страшно... Христіанскую душу загубить — дѣло десятое... а ихъ что! Нехристь, песъ —все одно!— И, затянувшись изъ своей черной трубки, на короткомъ чубукѣ, солдатъ продолжалъ:

— Забрали мы ихнюю деревню. Злые мы о ту пору были, голодные.. жрать смерть хотѣлось... Начали по избамъ по ихнимъ шарить .. Забѣжалъ я въ одну, гляжу: сидитъ на полу въ углу баба.. прижалась.. И ребенокъ съ ней, году эдакъ, сказать не соврать, по пятому... Кричу я: хлѣба!.. Жую эдакъ, показываю... не понимаетъ!.. Э, думаю, нехрись!.. Началъ самъ шарить... шарю, про бабу забылъ... А она, стерва, что-жъ ты думаешь: какъ

Digitized by Google

ахнетъ меня чѣмъ-то по этому вотъ мѣсту... Свѣту не взвидѣлъ... Какъ Господь спасъ,—диво!.. Видно норовила меня по головѣ, да не попала по головѣ-то .. А то бы крышка, не сидѣть бы Малинкину съ вами, убила бы, истинный Господь.—Оглянулся я... О-о-охъ!.. думаю... А она такъ вся и ощерилась, ровно вѣдьма какая, аль чортъ, зубами скрыпитъ.. Я какъ ее, понимаешь, ахну штыкомъ... наскрозь!.. Завертѣлась...—„ля, ля, ля, ля!..“ Вырвалъ я штыкъ, да этого самаго щенка ейнаго ка-а-а-къ ахну .. такъ къ стѣнѣ и пришилъ!.. Никакъ штыкъ не выдерну... Выдернулъ, а онъ, щенокъ-то, на немъ вертится... Стряхнулъ его, взялъ, ей въ рыло... На, сука, лопай!..

— Охъ, хо, хо!—крякнулъ дядя Юфимъ. —Грѣхи!

— Жуть! - воскликнулъ Тереха, глядя большими испуганными глазами на Малинкина:—Жуть!.. грѣхъ... Ну, дяденька Яковъ ну, ну!..

— Ну и ничего... Подохли, да и все!

— А хлѣба-то нашелъ?—спросилъ дядя Юфимъ.

— Нѣтъ, какой хлѣбъ!.. Сами, должно, голоднѣй собакъ жили: не нашелъ.

— Рабенокъ-то не виноватъ, — помолчавъ, въ раздумьи, произнесъ дядя Юфимъ.—Не при чемъ онъ... развѣ онъ смыслитъ? Грѣхъ! Ты попу на духу сказалъ бы...

— Скажешь тоже!—усмѣхнулся Малинкинъ,— по-а-а-пу! Чудакъ человѣкъ... до старости дожилъ,

Digitized by Google

а кругомъ не сѣченъ... Мы, чай, присягу принимаемъ... Ну, а кабы она меня, а?..

— Я не про то,—произнесъ дядя Юфимъ и замолчалъ, задумавшись.

— А попа-то напомнилъ ты мнѣ... Я на духу второй годъ не былъ... Аказія, голова!..

Малинкинъ помолчалъ, наклалъ новую трубку и, раскуривъ, заговорилъ:

— Со мной, братецъ ты мой, какая аказія вышла... и смѣхъ, истинный Господь, и грѣхъ! Задумалъ я лѣтось постомъ говѣть... Дома жилъ о ту пору въ деревнѣ... Все, понимаешь, честь честью: въ середу къ заутренѣ сходилъ... обѣдню отстоялъ... ну, въ четвергъ службы нѣту... пятница подошла.. сходилъ опять къ заутренѣ, къ обѣднѣ... Пришелъ домой... думаю: часика черезъ два пойду на духъ къ попу... Ладно... Легъ, полежалъ, всталъ... Сталъ было обуваться,—гляжу—а портянки у меня протерлись... загрязнились, обузились.. Я и говорю женѣ: „Ты бы, говорю, Аксинь, мнѣ портянки новыя сдѣлала, мѣшокъ бы, что ли, какой распорола...“ — Ладно! говоритъ... А матушка отъ печки, слышу, кричитъ.. Строгая она у меня да съ дурью, Богъ съ ней... Даромъ, что мать, а не скрою... Съ женой завси ругань, страмота, ей-Богу... „Мѣшокъ, кричитъ, гадить... и въ евтихъ хорошъ... Куды ему ходить-то... Сшей, кричитъ, ему изъ рогожи“... А жена и говоритъ: „Неужто онъ мѣшка-то не стоитъ?“

Digitized by Google

А мать ей на это: „Мѣшокъ-то пятіалтынный... на землѣ не подымешь“... Слово за слово, пошла это промежъ ихъ ругань... Ругались, ругались корили, корили одна другую, сцѣпились драться... Ахъ ты, думаю, Владычица, вотъ-те и говѣнье... тьфу! Разнять ежели, — какъ разнять?.. Жену обидѣть — жалко, мать... какъ никакъ, власти не имѣю... И взорвало, понимаешь меня. — „Провались вы, говорю, и съ портянками-то... Не буду говѣть, коли такъ, наплевать! Какое съ вами говѣнье!..“ Плюнулъ взялъ... Будьте вы не ладны!.. Собрался, ушелъ въ казенку.. По вечеру пришелъ пьянѣй вина... На-те вотъ вамъ, коли такъ, портянки... навели человѣка на грѣхъ... Такъ и не говѣлъ...

— Это тебя *онъ* смустилъ, — сказалъ дядя Юфимъ,—врагъ рода человѣческаго... Онъ радъ!.. Ему это все равно, что медку лизнуть...

— Да ужъ видно, что такъ! — согласился Малинкинъ, накладывая новую трубку.

XXXVI.

Переночевавъ въ какой-то маленькой деревнюшкѣ, мы на другой день, часамъ къ 12-ти, пришли въ большое, богатое торговое село Лисачево.

Огромная, бѣлая, похожая скорѣе на соборъ, церковь стояла посреди его. Около церкви была

Digitized by Google

площадь, отъ которой во всѣ стороны шли улицы. На этой площади, вокругъ церкви, сосредоточивалась вся торговля. Здѣсь было много лавченокъ, трактировъ, „винополія“ и казенная чайная. Кромѣ того, на площади торговали въ палаткахъ, съ лотковъ, съ возовъ и т. д. Въ селѣ былъ базаръ. Огромная, пестрая толпа народа толкалась по площади и гудѣла, какъ пчелиный рой. Трактиръ былъ набитъ биткомъ. Измученные, потные, со злыми лицами, „половые“ носились по заламъ, разнося „гостямъ“ чай, заваренный не кипяченой водой и разбавленный для крѣпости, или, какъ говорятъ, „для цвѣта“ содой, а то и просто—порошкомъ березоваго выплавка.

Устроившись за однимъ изъ столовъ, накрытымъ грязной, загаженной скатертью, мы потребовали четыре „пары“ чаю и принялись пить.

Дядя Юфимъ, прежде чѣмъ наливать чай, сполоснулъ пузатыя чашки кипяткомъ и, выплеснувъ кипятокъ подъ столъ, сказалъ:

— А что, ребята, ежели по махонькой, а?

— Не вредитъ! — согласился Малинкинъ.

— Ну, а вы какъ? — спросилъ дядя Юфимъ, глядя на насъ съ Терехой.

— Я не стану,—сказалъ, улыбаясь, Тереха.— Ну ее къ ляду!..

— Что такъ?

— Не хочу!..

Digitized by Google

— Ну, не хошь — твое дѣло! — сказалъ дядя Юфимъ и внушительно добавилъ — А ты вотъ что, парень, помни: пей за столомъ да не пей за угломъ... Пить ежели въ мѣру,—ничего, для здоровья польза... Пей, да не упивайся, — такъ и во святомъ писаніи сказано: „не упивайтеся виномъ, въ немъ бо есть блудъ“... Ну, ты, — перемѣнилъ онъ рѣчь, — посиди чутокъ здѣсь одинъ, а мы сходимъ... Павлычъ, захватика-сь въ карманъ аршинъ.. Пойдемте!..

Я сунулъ въ карманъ чашку, и мы трое, оставивъ на столѣ свои фуражки, вышли изъ трактира на улицу.

„Винополія“ была рядомъ. Ее только что отперли.. Длинной лентой „чередъ“ ожидающихъ тянулся отъ дверей далеко по улицѣ. Въ этомъ „череду“ стояли мужчины, бабы, дѣвки.. Нѣкоторые держали въ рукахъ пустые „для обмѣна“ четвертныя, бутылки, у большинства же были полбутылки, посуда, какъ извѣстно, самая любимая и подходящая, носящая названіе „половинки“...

Мы подошли къ этому „череду“.

— Половинку, что ли?—сказалъ дядя Юфимъ вопросительно и сейчасъ же добавилъ, точно спохватившись, что сказалъ глупость: — Аль мало?.. Пожалуй, что мало на троихъ... Ну, быть по сему: возьмемъ цѣльную. Это съ насъ съ троихъ по многу-ль сойдетъ?

Digitized by Google

— Ладно,—сказалъ Малинкинъ,—сочтемся!.. У тебя есть мелочь-то? — обратился онъ ко мнѣ: — Становись на чередъ, вмазывай!.. Въ трактирѣ ужо отдадимъ... Ты тутъ пакеда ждешь, мы съ Юфимомъ закусить возьмемъ... Селедку, что ли?..

Они отошли, а я всталъ на „череду“ и сталъ двигаться за какимъ-то малорослымъ, плохо одѣтымъ мужикомъ къ дверямъ „винополіи“. Впереди его двигались двѣ молодыхъ бабенки... У каждой было въ рукахъ по пустой четверти.

— Господи-Исуси, что жъ эта морятъ какъ?— вздыхали онѣ, то и дѣло подымаясь на цыпочки и заглядывая черезъ головы.

— Н-н-д-а! — отвѣтилъ имъ шедшій впереди меня мужикъ, — дѣла!.. Словно къ царскимъ дверямъ, прости Господи.

Ждать пришлось долго... Дядя Юфимъ и Малинкинъ купили селедокъ и подошли ко мнѣ.

— Страдаешь все? — спросилъ Юфимъ. — Ахъ ты!. За свои-то денежки!

— Казна!—лаконично произнесъ шедшій впереди мужикъ, — ничего не попишешь... царское дѣло...

Наконецъ, мы пододвинулись къ цѣли... Въ открытую дверь виднѣлись головы, стойка, рѣшотка, полки съ посудой и высокій, рыжій, съ суровымъ лицомъ сидѣлецъ.

— Сымай шапки! — сказалъ шедшій впереди

Digitized by Google

мужикъ и добавилъ:—Во, голова, чисто въ храмъ Господній... До чего дожили, а?..

Бывшія впереди бабенки вошли въ казенку, за ними переступилъ порогъ мужикъ, за слѣдомъ тронулся я.

Бабы подошли къ оконцу, и первая изъ нихъ, поставивъ посуду на стойку, сказала:

— Вотъ, батюшка, спасуда!

Сидѣлецъ схватилъ бутыль и выкинулъ ей двугривенный.

Баба полѣзла въ карманъ, достала платочекъ и начала развязывать зубами узелокъ, гдѣ у ней были завязаны деньги.

— Много-ль, родной, за четверть-то?—спросила она.

— Не задерживай! — злобно крикнулъ сидѣлецъ, которому все это, видимо, страшно надоѣло. — Гдѣ ты была раньше-то?.. Ворона!.. Подходи! — крикнулъ онъ стоявшему впереди меня мужику.

Мужикъ заторопился, оттолкнулъ бабъ и развязно, очевидно, радуясь, что достигъ, наконецъ, цѣли, сказалъ, подавая въ оконце деньги:

— Мерзавчика мнѣ, господинъ, душа горитъ!..

— Что-о-о?!—заоралъ на него „господинъ“, сдѣлавъ большіе, совсѣмъ круглые глаза.—Что-о-о?—повторилъ онъ еще громче:—Самъ ты мерзавецъ! Развѣ здѣсь мерзавчиками торгуютъ? Во-о-о-нъ!..

Digitized by Google

— Па-а-милте!.. Я-съ... — залепеталъ оторопѣвшій мужикъ.

— Вонъ!—снова крикнулъ сидѣлецъ и, махнувъ мнѣ рукой, сказалъ:

— Подходи... заснулъ тамъ...

Онъ схватилъ поданныя мною деньги, сунулъ въ оконце бутылку и закричалъ на бабъ, стоявшихъ, разиня ротъ, около стойки:

— Вонъ!.. не мѣшаться... раньше деньги готовьте...

— Кормилецъ! — заголосили бабы, — батюшка... вновѣ мы... распорядковъ тутошнихъ не знаемъ...

Я не сталъ слушать, что будетъ дальше, взялъ бутылку и вышелъ на улицу.

. . . . . .

— Добылъ?!—радостно воскликнулъ Малинкинъ, увидя меня. — А мы ждали, ждали... слюной изошли, ждамши... пра-ей-Богу! Ну, гдѣ-жъ пить-то?..

— Гдѣ вотъ хошь, тамъ и пей!—отвѣтилъ дядя Юфимъ. — Охъ, хо, хо! Да!.. Пойдемте хучь туда вонъ, за уголъ, съ глазъ долой... То ли дѣло допрежь: выпьешь, закусишь, бывало, посидишь, честь честью, по людски... А теперича тяни изъ горлышка да оглядывайся, какъ бы по шеѣ не тяпнули...

— Ау, братъ! Грѣхи,—согласился Малинкинъ,— ничего не подѣлаешь...

Отойдя отъ казенки на довольно почтительное

Digitized by Google

разстояніе, мы свернули направо, за уголъ какого-то дома, и, пройдя немного, расположились на берегу канавы.

Юфимъ разложилъ на бумагѣ разрѣзанную на куски селедку, а Малинкинъ взялъ бутылку и привычнымъ манеромъ, хлопнувъ ладонью по донышку, вышибъ пробку. Отъ этого удара водка въ бутылкѣ замутилась и побѣлѣла... Я приготовилъ „аршинъ".

— Погоди, дай отстояться,—сказалъ Малинкинъ, глядя на бутылку.—Ишь ее, матушку, всколыхнуло какъ...

— Наливай, не томи!—вмѣшался дядя Юфимъ,—выпьемъ поскорѣй, да и въ кусты... Терешка, чай, заждался таматка насъ...

XXXVII.

Въ трактирѣ къ нашему столу, когда мы уже кончали чай, подошелъ какой-то, небольшого роста, человѣкъ, съ краснымъ опухшимъ лицомъ, одѣтый въ засаленный, точно покрытый лакомъ, пиджакъ, и спросилъ:

— Вы, ребята, аткеда?.. чьи?

— Мы не здѣшніе,—отвѣтилъ дядя Юфимъ и добавилъ:—Такъ мы... насчетъ работенки...

— Мастеровые, что-ль?

— Нѣтъ... такъ... Каки мастеровые! По хлѣбу рѣзчики...

Digitized by Google

— Куда-жъ идете-то?..

— Да куда идемъ?—усмѣхнулся подвыпившій Юфимъ:—и сами, родной, не знаемъ.

— Работы ищемъ!—пояснилъ Малинкинъ.

— Та-а-а-къ! — протянулъ одѣтый въ короткій пиджакъ человѣкъ и, помолчавъ немного, опять протянулъ:—Та-а-а-къ! Вотъ что,—продолжалъ онъ, окидывая насъ всѣхъ противными глазами, съ кровяными жилками на бѣлкахъ,—землю рыть можете?

— Какъ, чай, не можемъ—можемъ!—сказалъ Юфимъ.—А что?..

— А то: давайте на сотку, укажу работу.

— Сотка не разсчетъ, — опять сказалъ дядя Юфимъ,—дать можно... А кака работа? Что дѣлать?

— Погребъ рыть,— отвѣтилъ человѣкъ въ пиджакѣ,—яму новую... Я васъ сейчасъ бы и свелъ... А мнѣ, признаться, выпить необходимо... а?

— Да ужъ не знаю, какъ съ тобой и быть? — сказалъ Юфимъ, вопросительно глядя на насъ: — Дать, ребята, ему, что ли, а?

— Дай!—сказалъ Малинкинъ,—сотку-то мы видали... песъ съ ней, не раззоритъ!

— Да вы не бойтесь! — успокоилъ насъ пиджакъ, — вмѣстѣ пойдемъ... Я на вашихъ глазахъ выпью, недалеча тутъ... чай, не сбѣгу... Авось, и мы тоже восемь-то монетъ видали...

— Ну, смотри, вѣрно-ль будетъ-то?—усомнился Юфимъ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ! Толкуй, кто откуль... Говорю — вѣрно, стало быть—вѣрно... Мое слово—олово... Отдавайте за чай, пойдемте...

Мы отдали за чай, взяли сумки и пошли на улицу. Около казенки, гдѣ уже не было „череду", какъ часъ тому назадъ, дядя Юфимъ далъ человѣку въ пиджакѣ одиннадцать копѣекъ денегъ и сказалъ:

— Смотри, другъ, чтобы по совѣсти.

Человѣкъ махнулъ рукой и скрылся въ казенку. Черезъ минуту онъ появился оттуда, на ходу, по дорогѣ къ намъ, вышибъ ладонью изъ бутылочки пробку и, остановившись, запрокинувъ назадъ голову, сталъ пить водку прямо изъ горлышка.

— На, получи,—тяжело переведя духъ, вымолвилъ онъ, подавая Юфиму пустую сотку и, крякнувъ, сплюнулъ на землю. — Б-р-р! — поморщился онъ,—фу-у-у-у!..

— На, закуси хлѣбушкомъ! — сказалъ Малинкинъ.

— Не надо!—отвѣчалъ тотъ,—заберетъ лучше такъ-то... Посуду снеси... за нее три копѣйки плочены...

— Знамо,—отвѣтилъ дядя Юфимъ и, обернувшись къ Терехѣ, сказалъ, подавая ему сотку: — Подика-сь, обмѣни.

— А меня тамъ не заругаютъ? — конфузясь и покраснѣвъ, произнесъ Тереха и вдругъ рѣши-

Digitized by Google

тельно добавилъ:—Не пойду я, дяденька Юфимъ, ни въ жисть не пойду... Иди самъ, коли что...

— А, чортъ сѣрый!—разсердился дядя Юфимъ.—Куда ты годенъ-то? Вытянулся съ коломенскую версту, а ума вотъ на эстолько нѣтъ... тьфу!..

Онъ плюнулъ и пошелъ самъ въ казенку.

XXXVIII.

Человѣкъ въ пиджакѣ перевелъ насъ черезъ площадь и, пройдя немного по пыльной, какъ будто песчаной улицѣ, остановился передъ домомъ, выкрашеннымъ желтой краской и крытымъ желѣзомъ.

Рядомъ подъ одну крышу, стояла лавка со стеклянными до половины дверями на улицу и съ вывѣской: „Авошная лавка Максима Иванова Тумашева“... Ворота во дворъ были искусно разукрашены жестью... Человѣкъ, дѣлавшій ихъ, очевидно, обладалъ терпѣніемъ и настойчивостью, достойными лучшей доли... Изнутри дома, по окнамъ виднѣлись кисейныя занавѣски и стояли горшки съ ярко распустившейся цвѣтущей „еранью“...

— Обождите малость,—сказалъ пиджакъ,—сейчасъ я...

Онъ взошелъ по ступенькамъ на крыльцо лавки и, заглянувъ въ стеклянную дверь, произнесъ про себя:

Digitized by Google

— Аказія, голова... гм! Неужели опять?..

Онъ обернулся, посмотрѣлъ на насъ, точно ожидая отвѣта и, немного подождавъ, дернулъ за проволоку звонка... Прошло больше минуты... Человѣкъ стоялъ и прислушивался, наклонивъ на бокъ голову, походя на лягавую собаку, которая сидитъ около двери и ждетъ, когда выйдетъ хозяинъ-охотникъ.

— Аказія!—снова произнесъ онъ и опять дернулъ за звонокъ.

На этотъ разъ ждать ему пришлось недолго... По ту сторону загромыхалъ засовъ, одна половинка стеклянной двери отворилась, и на порогѣ показалась толстая сердитая баба.

— Наше вамъ-съ!—воскликнулъ человѣкъ въ пиджакѣ, дѣлая въ воздухѣ вывертъ поспѣшно снятымъ съ головы картузомъ.

— Ты чего это дурака ломаешь?—басомъ произнесла баба.

— Мы къ Петру Иванычу... собственно по дѣлу...

— Возьми, вонъ, своего Петра Иваныча... Онъ вонъ, задеря ноги, третьи сутки валяется, какъ свинья!—грубо отвѣтила баба.

— О? Закургузилъ?—вопросительно произнесъ нашъ вожатый.

— А то нѣтъ... знамо! Черти этакіе! Жрете и жрете винище, не облопаетесь никакъ, притка васъ

Digitized by Google

расшиби!.. Да тебѣ на что онъ? — спросила баба, помолчавъ.

— Да намедни мы съ нимъ въ трактирѣ чай пили... Ну, между прочимъ, сказывалъ, погребъ хочетъ рыть, яму... Не увидишь ли, говоритъ, какихъ — присылай! Вотъ я и привелъ! — добавилъ онъ, показывая на насъ рукой.

— А чьи такіе? — спросила баба, разглядывая насъ:—Може, воры... кто ихъ знаетъ, заблудящіе, можетъ. Нонѣ народъ-то какой... Пачпорта-то у нихъ есть ли?..

— Пачпорта у насъ, мамаша, въ исправности,— отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Ну, такъ какъ же?—спросилъ человѣкъ въ пиджакѣ,—безъ самого-то какъ быть?..

— Да такъ и быть,—отвѣтила баба:—яму рыть надо, безъ него знаю... А вы, миленькіе,—обратилась она къ намъ,—дорого-ль возьмете-то?

— Да вѣдь кака яма? — отвѣтилъ Юфимъ: — Дороже денегъ не возьмемъ.

— Обнаковенная яма... Не то, чтобъ очень глубока, а такъ... середка на половину.

— Сажени полторы квадратъ,—пояснилъ человѣкъ въ пиджакѣ.

— А глубиной какъ?—спросилъ Юфимъ.

— Да обнаковенно какъ... все поглубже, чай, надо,—отвѣтила баба.

Digitized by Google

— Да какъ выроешь—себя не видать, такъ и будетъ,—сказалъ человѣкъ въ пиджакѣ.

— Эва какъ!—воскликнулъ Юфимъ:—дѣла не мало!

— Четверо васъ... живо выроете!

— Да, живо... Ну, а цѣна какъ?

— А много-ль возьмете?—спросила баба.

— За трешницу выроемъ... на твоихъ харчахъ,—сказалъ Малинкинъ.

— Ишь ты какой склизкій!—воскликнула баба,—больно жирно крошишь—дьячка подавишь!.. Трешницу!.. У„васъ вонъ и струменту-то нѣтъ... Кто вы такіе? Може, вы, песъ васъ знаетъ, жулье, аль што?..

— А ты, мамаша, полегче!—сказалъ Юфимъ,—лаяться не годится.

— Да какъ васъ не лаять: три рубля, статочное ли дѣло?..

— Ну, а ты много-ль дашь?—спросилъ Малинкинъ.

— Полтора рублика дамъ!

— Экъ ты!..

Начали торговаться.

— Ну, ужъ такъ и быть, — сказалъ Юфимъ, — давай два!

— Дорого... кормить васъ надо... Чай, небось, тоже пьете?

— Само собой, — отвѣтилъ Юфимъ, — небось, тоже люди.

Digitized by Google

— Заступовъ вамъ, чай, надо?

— Да какъ же? знамо, пальцемъ рыть не станешь...

— У насъ вонъ только два... къ сосѣдямъ надо... Все вотъ докука, хлопоты... Ну, идите въ калитку.

— На сотку за хлопоты! — воскликнулъ человѣкъ въ пиджакѣ.

— Ступай ты атседа, песъ... Мнѣ свой пьяница надоѣлъ! — крикнула на него баба и, захлопнувъ дверь у него подъ носомъ, ушла.

— Сво-о-о-лочь!— злобно протянулъ мужикъ.

— Кто така?—спросилъ Юфимъ.

— Ха-а-а-зяйка! Чо-о-о-ртъ! Давайте хоть вы на сотку!

— Ну, нѣтъ, другъ,—отвѣтилъ дядя Юфимъ,— мы тебѣ уже дали — отчаливай!.. У насъ денегъ шальныхъ нѣту... Богъ съ тобой...

— Ну, дери васъ чортъ, коли такъ... Я думалъ, порядочный народъ... по совѣсти... эхъ вы, обормоты!.. Ну, давайте хоть пятачекъ, дьяволы!..

— Дай ему, дядя Юфимъ, пятачекъ,—сказалъ Малинкинъ,—отвязаться... ну, его!

Ему дали пятачекъ, и онъ, ругаясь, ушелъ...

Digitized by Google

XXXIX.

Хозяйка отперла калитку и, пропустивъ насъ на дворъ, сейчасъ же снова заперла ее.

Огромная, гладкая черная собака соскочила, гремя цѣпью, съ телѣги-полка, гдѣ она лежала въ тѣни подъ навѣсомъ, и съ ожесточеніемъ, становясь на заднія ноги, хрипло, задыхаясь отъ злобы, принялась лаять на насъ.

— А вдругъ сорвется,—произнесъ Тереха-Воха, сторонясь,—жуть!..

Подъ навѣсомъ, налѣво отъ воротъ, кромѣ полка, на которомъ лежала собака, стояли еще обыкновенные крестьянскіе „карули“ и щегольской, недавно только, повидимому, окрашенный тарантасикъ... Въ заднемъ углу лежали сложенныя въ клѣтку сажени двѣ березовыхъ швырковыхъ дровъ и сотни три кирпичей. Направо отъ воротъ, противъ навѣса, находился собственно самый „дворъ“, т. е. помѣщеніе для скотины. Въ открытую дверь стойла виднѣлась широкая спина вороной лошади, и доносилось откуда-то рѣзкое басистое хрюканье...

По пустому пространству, между навѣсомъ и дворомъ, бродили черные, поджарые, съ бѣлыми щеками „аглицкія“ куры... Индѣйскій пѣтухъ, то и дѣло распускавшій хвостъ и кричавшій „здра-

Digitized by Google

вія желаемъ!“, утки и породистые бѣлые голуби...

Вслѣдъ за шедшей впереди хозяйкой, мы завернули за уголъ и вошли въ полутемныя сѣни.

— Полегче топочите тутотка ножищами, — вполголоса сказала она, — хозяинъ спитъ... Выпимши.

Она отворила обитую рогожей дверь, и мы другъ за другомъ вошли въ кухню.

— Здорово живете!—сказалъ Юфимъ, перекрестившись въ уголъ.

— Здравствуй! — отвѣтила хозяйка: — Кладите сумки пока хучь подъ лавку, садитесь... Покурите, коли курите... На дворѣ не курите, а здѣсь можно.

Мы сняли сумки, и всѣ четверо сѣли рядышкомъ на скамью, стараясь держаться поближе къ порогу.

Въ передней части кухни, у небольшого оконца, выходившаго на площадку двора, сидѣла еще женщина и, наклонившись, что-то шила.

— Здравствуй, молодка!—сказалъ Юфимъ.

Она подняла голову вяло и нехотя, ничего не сказала и снова принялась за шитье. Женщина эта была одѣта въ сѣрое, сильно заношенное, давно не стиранное, засаленное платье... Она была беременна, лицо было худое съ желтыми пятнами, подъ глазами синяки...

Digitized by Google

Немного поодаль сидѣли у стола дѣти и ѣли со сковороды жареную картошку, — двѣ дѣвочки и мальчикъ. Они уставились на насъ глазенками, какъ испуганные звѣрьки, и перестали ѣсть... Карапузъ-мальчишка, съ волосами, похожими на ленъ, полѣзъ, очевидно со страху, къ матери. Та сердито толкнула его и грубо крикнула:

— Не мѣшай, оглашенный!

— Невѣстка это моя,—сказала приведшая насъ хозяйка.—Вы не бойтесь ея,—почему-то успокоила она насъ и добавила:

— Пойду заступовъ поищу... Къ Лучинкинымъ схожу. Посидите, пока что...

Она вышла... Въ кухнѣ было полутемно, грязно и какъ-то жутко... Она была, повидимому, очень стара и требовала полнаго ремонта. Полъ, покатый къ окнамъ, изображалъ что-то въ родѣ горки. Большая облупившаяся глиняная печь, стоявшая на деревянномъ опечкѣ, тоже ткнулась челомъ впередъ, напоминая задумавшуюся старуху. Въ старинномъ, съ ободранной фанеркой и выбитыми въ дверцахъ стеклами, шкафу виднѣлись на полкахъ чайныя чашки, сахарница въ видѣ курицы, стаканы и проч. На одной изъ стѣнъ висѣла картинка съ надписью „Ильясъ“ и небольшой портретъ Гоголя съ отодраннымъ ухомъ. Гоголь, какъ будто, чуть-чуть улыбался, глядя на грязь обстановки. Маятникъ небольшихъ, съ одной гирькой,

Digitized by Google

часовъ торопливо, точно боясь опоздать куда-то, однообразно-надоѣдливо выстукивалъ свое: тикъ-такъ, тикъ-такъ... Въ пазахъ стѣнъ виднѣлись тараканы, и множество мухъ бродило по столу.

— А гдѣ-жъ хозяинъ?—спросилъ дядя Юфимъ, нарушая тяжелое молчаніе.

Женщина дернула какъ-то особенно зло иглу, нагнулась, откусила нитку, исподлобья глядя на насъ, и потомъ уже сказала:

— Спитъ!

— Что не во время?—опять спросилъ любопытный Юфимъ.

— Ему время,—сердито отвѣтила женщина, вдѣвая нитку.—Хоть бы облопался, что ли!.. Петька!—воскликнула она вдругъ: —Я те побалую, смотри, окаянная сила!

Мальчишка, забравшійся на подоконникъ и хотѣвшій было отворить окно, кубаремъ слетѣлъ оттуда и заплакалъ отъ испуга.

— У-у-у, лѣшай!—крикнула на него женщина злобнымъ, отчаяннымъ, со слезами въ голосѣ, крикомъ:—Передохли бы вы всѣ! У людей вотъ мрутъ,—передохли бы и вы!

— Что это ты?—тихо вымолвилъ Юфимъ,—нѣшто можно? Ребенокъ глупъ, играетъ... Грѣхъ и уста, молодка, сквернить...

— А, ну и тебя!—крикнула женщина и махнула рукой.—Ничего ты не знаешь! Связали они меня... Царица Ты моя, Небесная Матушка!—опять

Digitized by Google

отчаянно завопила она,—долго-ль мнѣ страдать-то... Долго-ль чашу эту пить горькую?

Она бросила работу и заплакала, закрывъ лицо руками.

— Скоро-ль мои глазаньки-то закроются навѣки вѣченскіе... О-о-хъ! горькая я, горькая!.. Не съ кѣмъ-то мнѣ слова вымолвить... Некому меня пожалѣть!..

Она выла, точно по покойникѣ, жалобнымъ, душу надрывающимъ воемъ. Видя, что мать плачетъ, дѣти тоже заплакали. Дѣвочка уцѣпилась за ея подолъ и кричала:

— Мамка, не плачь! Золотая, не плачь!

— Полно, молодка,—сказалъ дядя Юфимъ,—что ты словно по упокойникѣ?

— Милый ты мой,—еще шибче заголосила женщина и скорбно всплеснула руками,—не знаешь ты моего житья... Почернѣло во мнѣ сердце, ровно черная смола!

Она обняла вдругъ одну дѣвочку поменьше и, въ страстномъ порывѣ прижавъ къ своей груди, заголосила:

— Дѣтушки мои милыя!.. Ненаглядныя мои дѣтушки! На горе горенское народила я васъ... Кто пожалѣетъ васъ, какъ помру я... Дѣтушки, голуби мои ненаглядные!..

Она принялась цѣловать дѣвочку.

Волненіе ея мало по малу стихло... Она всхлип-

Digitized by Google

нула послѣдній разъ, утерла рукавомъ глаза и заговорила, уже не растягивая и не выкрикивая слова:

— Вотъ придетъ ночь темная, бери дѣтей, да и иди въ чужіе люди ночевать... День деньской вотъ тутъ сиди... въ горницу-то я и не смѣю... а на ночь въ люди...

— Что-жъ такъ?

— Проснется чадо-то мое... драться начнетъ... Дѣти боятся... на стѣну лѣзутъ со страху... Ахъ, какъ дерется!.. Владычица Ты моя! Избита я вся... нѣтъ живого мѣста на мнѣ! Голову вотъ какъ наклоню, такъ словно падаю куда,—все отъ побоевъ... страхъ во мнѣ во всей, трясенье. И все пьетъ, и все пьетъ, и все, милый ты мой, пьетъ!..

— Съ чего-жъ это онъ?

— Съ жиру... избаловался: харчъ хорошій, жизнь привольная, деньги есть... Не рабочій, не ломаный: палецъ объ палецъ не ударитъ... Пьетъ и пьетъ, и нѣтъ ему, окаянному, удержу. Не захлебнется винищемъ-то проклятымъ... Все до дна пьетъ, все до дна... И не пролей, милый ты мой, капельки!

— Та-а-а-къ!—протянулъ Юфимъ и почесалъ въ головѣ.—Ну, а какъ же хозяйство-то: лавка и все прочее? У васъ, поглядѣлъ я даве, какъ сюда шелъ, колесо тоже немалое заведено.

— Свекровь все, батюшка, все свекровь... Кабы не она, давно-бъ все прахомъ пошло!

Digitized by Google

— Все безъ мужика нельзя: лошадь тамъ запречь... скотину убрать... все такое...

— А мы работника держимъ.

— Гдѣ-жъ онъ... не видать...

— Ушелъ... разсчетъ взялъ третёвось... Не живутъ... Кто станетъ жить? Срамовище!.. Поживетъ недѣльку — бѣчь! На руку самъ-то тяжелъ... дерется... Ну, а по нынѣшнему времю кто станетъ терпѣть... Доведись до кого хошь,—нѣшто стерпитъ?

— Извѣстно,—согласился Юфимъ.—Плохо твое дѣло,—добавилъ онъ.

— Такъ-то плохо, милый, такъ-то! Десятый годъ маюсь, извелась вся... Въ люди выдти стыдно... Ну, что же мнѣ, милы, дѣлать-то? И не придумаю.. Ахъ, да связали вотъ они меня, проклятые!.. У-у-у, черти!

Она опять со злостью толкнула мальчика и еще пуще заплакала. Мы молчали, потупясь. И, кажется, у всѣхъ одинаково нехорошо было на душѣ.

— Кабы не они,—заговорила женщина снова,—плюнула бы я на него... ушла бы, куда глаза глядятъ... Ѣшь собака, да незнамая!.. Вотъ проснется къ вечеру... Ужо посмотрите, каковъ бурлакъ: морда-то лопнуть хочетъ... Хуже-то онъ для меня, милый, звѣря лѣсного, волка!. Не слыхала я отъ него, опричь матюговъ, слова ласковаго... Пьяный да слюнявый лѣзетъ... Во грѣхахъ и дѣтей рожу, за насилку... Каждый годъ, почитай, рожу...

Digitized by Google

— Такъ какъ же тебѣ быть-то?—воскликнулъ Юфимъ.

— Вотъ, какъ хошь!

Она жалобно улыбнулась, замолчала и снова принялась за шитье. Дѣти присмирѣли и сидѣли жалкіе, какъ брошенные птенчики... Со двора доносилось пѣніе пѣтуховъ и крикъ утокъ...

— Н-да, — глубокомысленно произнесъ дядя Юфимъ,—и черезъ злато, видно, слезы-то льются... Охъ-хо-хо! видно, скоро свѣту конецъ: мужъ на жену, сынъ на отца, братъ на брата. Водочка эта... Хитрость пошла промежду людей,—обманъ, нажива... Въ писаніи сказано: „Обовьетъ паутина весь свѣтъ бѣлый... побѣгутъ по землѣ и полетятъ по воздусямъ жуки черные съ желѣзными носами... Тутъ и свѣту конецъ!“... И все вѣрно, и все это вѣрно!..

Онъ замолчалъ и сталъ дѣлать папиросу; молчали и мы. Въ сѣняхъ послышались шаги, дверь отворилась, и въ кухню вошла хозяйка, неся съ собой заступы.

— Ну, вотъ вамъ, ребятушки, струментъ! — сказала она и, обернувшись къ молодой невѣсткѣ, спросила: —Не слыхать, не шевелится?.

— Нѣтъ,—отвѣтила молодая, не поднимая головы отъ работы.

— А ты никакъ опять ревѣла?—спросила свекровь:—Дура ты, дура! Охота...

Digitized by Google

— Заревешь!—сказалъ дядя Юфимъ.

— А нѣшто она вамъ сказывала?

— Сказывала... Чудна голова! да вы ему хоть вина-то бы не давали... вотъ бы онъ и не пилъ.

Хозяйка усмѣхнулась.

— А мы не жалѣемъ, родной, водки-то: пей хучь въ три горла,—авось Господь дастъ захлебнется, подохнетъ скорѣй... Тогда и пить броситъ.

— Да ужъ тогда вѣрно, что броситъ!—сказалъ Юфимъ и добавилъ:—Чудеса въ рѣшетѣ: дыръ много, а вылѣзть негдѣ!..

. . . . . .

XL.

Хозяйка показала намъ мѣсто, гдѣ рыть яму, и мы дружно принялись за работу.

Верхній слой земли былъ мягокъ и легко поддавался лопатамъ. Дальше пошла глина, твердая, какъ камень, и рыть стало трудно. Принесли ломъ, длинную, желѣзную, фунтовъ въ двадцать, палку, и стали ею работать поочереди, отворачивая глину. Работа пошла спорѣе.

Вечеромъ, когда сѣло солнце и пригнали скотину, хозяйка позвала насъ ужинать. Мы зачистили лопаты и пошли. На кухнѣ было уже почти совсѣмъ темно. Хозяйка зажгла небольшую лампочку, висѣвшую надъ столомъ. Мы помыли руки

Digitized by Google

изъ глинянаго „съ рыльцемъ" умывальника и, обтеревъ ихъ объ тряпку, висѣвшую тутъ же, усѣлись за столъ.

— А гдѣ-жъ молодая, не видать?—спросилъ дядя Юфимъ.

— Въ ночевку пошла, ко вдовѣ тутъ къ одной недалече,—отвѣтила хозяйка и, поставя на столъ чашку со щами, сѣла сама на скамью.

— А житьишко ейное, похоже, желтенькое?—сказалъ дядя Юфимъ, принимаясь хлѣбать вкусныя, изъ бѣлой капусты, со снѣтками щи.

— Охъ, ужъ и не говори, родной!—воскликнула хозяйка и махнула рукой.—Не говори—срамота на все село. И Богъ его знаетъ,—напущено на него, что ли.

— А вы бы въ Нахабино съѣздили, свозили-бъ, помолились.

Хозяйка опять махнула рукой и съ грустью сказала:

— Были, возили...

— Ну, что-жъ?..

— Грѣхъ одинъ: зарокъ взялъ на полгода не пить... передъ крестомъ-евангеліемъ клялся, а самъ, идолъ, въ тотъ же день налакался.. Съ той поры зачертилъ, индо волосъ дыбомъ встаетъ... страсть!..

— Грѣхи!—произнесъ Юфимъ: —полѣчить бы его какъ...

Digitized by Google

— Да какъ лѣчить-то нѣтъ такого человѣка... Ты, родной, не слыхалъ ли средства какого, а?..

Дядя Юфимъ помолчалъ, пережевывая кусокъ хлѣба, и потомъ, расправя пальцами усы, сказалъ:

— Какъ сказать .. слыхалъ я... Достовѣрно сказать не могу, ну, а только слыхалъ, и, будто, помогаетъ... Сдѣлай ты, милая, вотъ что, — продолжалъ онъ, немного помолчавъ и подумавъ: — возьми ты половинку, аль тамъ болѣ, дѣло твое.. Пробку изъ ней, примѣрно этакъ, вытащи... не совсѣмъ вытащи, а чтобъ, значитъ, только духъ изъ нея выходилъ малость... и поставь ты эту половинку въ стерву .. Издохнетъ, скажемъ, лошадь аль тамъ корова; шкуру ейную сдерутъ... духъ отъ нея пойдетъ... ты, значитъ, въ нутро ей эту спасуду и сунь. И пущай, значитъ, стоитъ она въ ней, покуда воронье всю стерву не сожрутъ... А тамъ вынь и поднеси ему стакашикъ въ тѣ поры, когда онъ съ похмѣлья... Коли начнетъ съ души рвать, говори: слава Богу!.. попритчило ему... Ну, а коли не сорветъ—крышка... говори тогда: злой духъ въ немъ.

Хозяйка промолчала. Видя, что мы кончили со щами, она встала и, снявъ со стола чашку, пошла къ печкѣ Въ это время въ сѣнцахъ послышался шумъ. Дверь отворилась настежь, и къ намъ въ кухню, переступивъ порогъ, вошелъ человѣкъ.

Digitized by Google

Человѣкъ этотъ былъ полураздѣтъ. На немъ была длинная кумачевая рубашка и полосатые короткіе штаны... На ногахъ резиновыя калоши, на босу ногу...

Увидя насъ, онъ на минуту остановился около порога, что-то думая, потомъ шагнулъ впередъ и, растопыря руки, закричалъ хриплымъ голосомъ:

— Максимъ, на-а-а-дуйся!

Мы глядѣли на него, и онъ глядѣлъ на насъ.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія онъ снова закричалъ:

— Максимъ, надуйся! Что за народъ? — хриплымъ басомъ произнесъ онъ, садясь на скамью рядомъ съ Терехой-Вохой. — Какъ безъ моего спросу могли, а? Кто здѣсь хозяинъ, а?.. Максимъ, надуйся! — опять закричалъ онъ и ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Я!! — выкрикнулъ онъ, тараща пьяные оловянные глаза. — Максимъ, надуйся!..

— Будетъ тебѣ орать-то, ду-у-у-ракъ!—сказала хозяйка, ставя на столъ чашку съ кашей. — Медвѣдь рамейскій!.. На что ты похожъ то.. у-у, лѣшманъ! Ни стыда въ тебѣ, ни совѣсти...

— Максимъ, надуйся!—крикнулъ онъ снова и вдругъ, схвативъ стоявшую на столѣ бутылку съ постнымъ масломъ, вылилъ изъ нея все масло въ кашу.—Жрите! – закричалъ онъ:—кашу масломъ не испортишь. Ма-а-ксимъ, на-дуйся!..

Digitized by Google

Возмущенная хозяйка схватила его лѣвой рукой за волосы, а правой стукнула нѣсколько разъ по толстой короткой шеѣ, приговаривая:

— Вотъ тебѣ надуйся! Вотъ тебѣ надуйся! Вотъ тебѣ надуйся! Не озорничай, разбойникъ!

Смѣшливый Тереха-Воха громко захохоталъ. Дядя Юфимъ перекрестился и съ серьезнымъ лицомъ полѣзъ вонъ изъ-за стола. Мы за нимъ.

— Куда жъ вы? Сидите! - сказала хозяйка: — Я другой налажу.

— Спасибо, — сказалъ Юфимъ, — сыты... много довольны.

— Вы ужъ не взыщите, сдѣлайте милость, — просила хозяйка, — пьяный человѣкъ... дурашливый... Коли хотите, я самоваръ согрѣю, а?.. Будете пить-то?..

— Да оно не мѣшаетъ,—отвѣтилъ Юфимъ,— чай пить—не дрова рубить...

— Гдѣ ключи отъ лавки? — закричалъ вдругъ пьяный „хозяинъ“.

— Я вотъ дамъ тебѣ ключи! — отвѣтила хозяйка,—Иди, безстыдникъ, отседа!

— Гдѣ ключи?—опять крикнулъ онъ.

— А на что они тебѣ, дураку, понадобились?

— Баранокъ имъ,—онъ сдѣлалъ движеніе рукой въ нашу сторону: — пущай жрутъ! Сдобныхъ фунтъ!.. Максимъ, надуйся!..

Digitized by Google

— Иди, дрыхни, дуракъ пьяный... Ду-у-у-ракъ!..

— Я не дуракъ, а сроду такъ! — заржалъ хозяинъ. — Ма-а-ксимъ, надуйся! — опять закричалъ онъ и вдругъ спросилъ: — А въ карты играть умѣете по носамъ?.. Ты, старый чортъ, умѣешь?— обратился онъ къ дядѣ Юфиму.

— Чортъ-то въ болотѣ, — отвѣтилъ, обидѣвшись, дядя Юфимъ, — а на мнѣ хрестъ есть... А ты бы, купецъ, въ самъ-дѣлѣ, спать шелъ... Святое бы дѣло.

— А ты ружейные пріемы знаешь, а?..

— Каки таки ружейные пріемы?..

— А-а-а, деревня!.. Каки!..

Онъ схватилъ стоявшій около печки ухватъ, всталъ посреди избы въ позу, вытянулся и закричалъ во всю глотку, страшно тараща глаза:

— Ннн а-а-а кра-а-а-улъ!!!

Тереха Воха снова не утерпѣлъ и громко захохоталъ.

— Ша-а-а-гъ впередъ! Ша-а-а-гъ назадъ! — между тѣмъ, оралъ хозяинъ и вдругъ, схвативъ ухватъ на перевѣсъ, бросился на Тереху-Воху.

— Ка-а-а-ли! — заоралъ онъ. — Максимъ, надуйся!

— Батюшки!—вскрикнулъ перепуганный Тереха.—Убьетъ... Жуть!..

— Ко-о-о-ли!—еще шибче закричалъ хозяинъ

Digitized by Google

и, обернувшись, наставилъ ухватъ въ дядю Юфима.

— Окстись, лѣшай!—крикнулъ дядя Юфимъ:—бѣлены объѣлся, знать!.

— Ко-о-о-ли!—снова закричалъ „хозяинъ“ и вдругъ ткнулъ со всего размаху концомъ ухвата стоявшую на столѣ чашку съ кашей. Чашка полетѣла со стола и разбилась вдребезги.

— Вяжите его, разбойника,—завопила хозяйка,—отцы родные! Вяжите, бейте... не бойтесь, бейте въ мою голову... Перебьетъ онъ теперь, разбойникъ, все... вяжите его!..

— Максимъ, надуйся!—оралъ, между тѣмъ, хозяинъ и началъ безъ разбору, во что попало, тыкать ухватомъ, крича:—Ко-о-ли.. Бей!.. Рѣжь!..

— Вяжите его!—вопила хозяйка.

— Максимъ, надуйся!—ревѣлъ одурѣвшій хозяинъ, вышибая изъ шкафу послѣднюю дверку.

Видя, что дѣло приняло такой оборотъ, и что комедія превращается, такъ сказать, въ трагедію, мы, внемля просьбамъ хозяйки, по знаку Малинкина, бросились на пьянаго, свалили съ большимъ трудомъ на полъ, связали и положили на полъ въ сторонкѣ.

— Максимъ, надуйся!—хрипѣлъ онъ, дѣлая тщетныя усилія развязаться.

Отъ этихъ усилій лицо его сдѣлалось краснобагровымъ и, казалось, готово было лопнуть..

Digitized by Google

Глаза дикіе, оловянные, безъ бровей, что дѣлало ихъ еще болѣе страшными, лѣзли изъ орбитъ.. По угламъ рта виднѣлась пѣна...

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—произнесъ дядя Юфимъ, глядя на изступленнаго человѣка и качая сѣдой головой.—Что водочка-то дѣлаетъ, а?.. И хорошій, може, человѣкъ, а вотъ вишь...

— Жуть!—прошепталъ, весь дрожа, Тереха.

Хозяйка сѣла къ столу, положивъ на него руки калачикомъ, ткнулась головой въ этотъ калачикъ и горько заплакала.

XLI.

Хозяинъ долго еще „бушевалъ“, не давая намъ покоя. Наконецъ, онъ стихъ, и мы всѣ уснули.

Утромъ хозяйка разбудила насъ, какъ только начало разсвѣтать. Она, пока мы спали, успѣла развести самоваръ; большой и грязный, онъ стоялъ на столѣ, клокоча и выпуская подъ потолокъ клубы пара.

— Вставайте, чай пить... Самоваръ поспѣлъ.

Мы встали, умылись надъ лоханкой и сѣли за столъ. Хозяйка сходила въ лавку и принесла два фунта сухихъ, твердыхъ, какъ желѣзо, дешевыхъ баранокъ.

Пока мы, не торопясь, пили чай, проснулся

Digitized by Google

хозяинъ. Онъ открылъ глаза и долго лежалъ, молча глядя на насъ.

— Распутайте!—тихо и хрипло произнесъ онъ, наконецъ.

— Лежи, лежи, разбойникъ!—сказала хозяйка:—лежи, подыхай!..

— Да ну ужъ!—произнесъ онъ:—буде... распутайте.

Мы вопросительно взглянули на хозяйку. Она промолчала.

— Тереха, распутай, встань!—сказалъ дядя Юфимъ.

— Боюсь я, дяденька, а ну какъ онъ по вечерешнему.

— Ну, дуракъ!.. Рязань косопузая! Ему дѣло, а онъ: собака бѣла...

Тереха вышелъ изъ-за стола, развязалъ хозяина и снова сѣлъ на свое мѣсто. Хозяинъ потянулся, расправляя онѣмѣвшіе члены, сѣлъ на лавку, обхватилъ голову руками и произнесъ протяжно:

— Фу-у-у ты!..

— Чердакъ трещитъ?—спросилъ Малинкинъ.

Хозяинъ повернулся, молча посмотрѣлъ на него и опять схватился за голову.

— А жена гдѣ?—спросилъ онъ, помолчавъ и не поднимая головы.

— Гдѣ?.. извѣстно гдѣ,—отвѣтила хозяйка,—

Digitized by Google

одно мѣсто... Разбойникъ, пьяница!.. Доколь ты насъ мучить станешь?

— Фу-у-у!—снова тяжело вздохнулъ хозяинъ и вдругъ, поднявъ голову и глядя на насъ исподлобья, спросилъ:

— Хорошъ, мальчикъ, а?

— На что ужъ лучше,—съ усмѣшкой отвѣтилъ дядя Юфимъ.—А помнишь что?

— Нѣтъ.

— Врёшь?

— Не помню.

— Н-да,—произнесъ дядя Юфимъ, покачивая головой: — этакъ ты можешь дѣловъ во какихъ натворить... Ты бы, купецъ, оставлялъ замычку-то эту... Не въ обиду будь тебѣ сказано: у тебя вѣдь дѣти... Мы и сами пьемъ, всѣ грѣшны, что говорить... Ну, а всетаки... того... полегче надо... нехорошо... Будь одинъ,—наплевать, а то—дѣти...

— Фу-у-у!—опять протянулъ хозяинъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ

— Ангельскія-то душки за что терпятъ?.. Какой примѣръ отъ родителя?—вмѣшалась и хозяйка.

— Что ужъ,—поддержалъ ее дядя Юфимъ,—выростутъ, уваженья не жди... А то и по затылку попадать будетъ... Бываетъ. Родительскому сердцу прискорбно, а ничего въ тѣ поры не попишешь. Самъ виноватъ... за дѣло, стоитъ...

— Ты не сердись на меня,—ласково продол-

Digitized by Google

жалъ Юфимъ, видя, что хозяинъ молчитъ,—я постарше тебя... Не въ обиду тебѣ говорю, не въ укоръ, жалѣючи говорю... Спокаешься, да ужъ поздно: близокъ локоть-то, а не укусишь.. Зарубку, купецъ, знать надо. Человѣкъ ты молодой, въ силѣ.. Нехорошо!

— Отстань!—сказалъ хозяинъ, махнувъ рукой:—своихъ дѣтей учи, а я ученъ.

— Твое дѣло, тебѣ виднѣе,—сухо произнесъ дядя Юфимъ, принимаясь пить чай.

Въ это время въ сѣняхъ послышался шумъ, и въ кухню, осторожно отворивъ дверь и пропустивъ впередъ себя дѣтей, вошла молодая. Увидя сидящаго въ растерзанномъ видѣ мужа и подумавъ, вѣроятно, что онъ пьянъ, она, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, попятилась назадъ. Дѣти испуганно прижались къ ней.

Хозяинъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на нее и на дѣтей. Какая-то жалкая, робкая улыбка скривила его ротъ, и онъ тихо сказалъ:

— Пришла... бѣглая...

Молодая отошла отъ двери, сѣла и, закрывъ лицо руками, заплакала.

Хозяинъ, молча, всталъ и куда-то вышелъ... Минутъ черезъ пять онъ возвратился назадъ, неся что-то въ бумажномъ пакетѣ.

— Подьте сюда!—поманилъ онъ рукой дѣтей, усѣвшись на прежнее мѣсто.

Digitized by Google

Дѣти не шли и жались къ колѣнкамъ матери.

— Райка!—продолжалъ отецъ, обращаясь къ старшей дѣвочкѣ,—подь, глупая... не бойся... Что я тебѣ дамъ-то... Эва, гляди-ка, гляди сюда... У, глупая!..

Старшая дѣвочка отдѣлилась отъ матери и робко подошла, глядя на отца, боязливыми, недовѣрчивыми глазенками.

— Держи подолъ!—онъ досталъ изъ пакета пряниковъ и далъ ей.—Глупая ты, глупая!.. А что надо сказать, а? Что тятенькѣ сказать надо, а?

Дѣвочка вдругъ довѣрчиво прижалась къ нему.

— „Покорно благодарю, тятенька“ сказать надо,—объяснилъ онъ,—покорно блага-блага...—голосъ его вдругъ задрожалъ и осѣкся. Онъ порывисто обнялъ дѣвочку и нагнулся, пряча свое лицо у ней на груди...

— Вставай, ребята!—вдругъ какъ-то чудно и неожиданно, срываясь съ мѣста, крикнулъ дядя Юфимъ.—Неча прохлаждаться-то... сряжайся...

— Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!—порывисто и широко крестясь на иконы, произнесъ онъ, и въ его голосѣ слышались слезы.

XLII.

Покончивъ съ работой, получивъ разсчетъ и попрощавшись съ хозяевыми, мы вышли за ворота и, отойдя немного, остановились.

Digitized by Google

— Куда-жъ теперь маршрутъ держать?—спросилъ Малинкинъ.—Чайку буде попить, что ли, а?..

— Попьемъ чайку, да и того... въ монастырь махнемъ! — сказалъ дядя Юфимъ. — Тамъ, гляди, косить коли не начали, такъ начнутъ на дняхъ... А пока что, до покосу другое дѣло дадутъ... Цѣна тамъ, правда, не ахти какая: всего 20 монетъ... Ну, за то харчъ—патока!.. Работа вольготная... А послѣ того по попамъ ударимъ, по имѣньишкамъ мелкимъ, по лавочникамъ... Народъ весь за дѣло бросится, — намъ вездѣ рады будутъ... только, батюшка, работай!..

Отъ села до монастыря было верстъ десять по хорошей торной дорогѣ. Это разстояніе мы прошли ходко, и еще задолго до заката солнца подходили къ монастырю. По дорогѣ, обгоняя насъ и навстрѣчу намъ, шло и ѣхало много богомольцевъ.

Не доходя до монастыря съ версту, мы, вмѣстѣ съ другими богомольцами, сдѣлали „залогу“ около часовни, на порогѣ которой сидѣлъ древній, совершенно сѣдой монахъ, въ огромныхъ очкахъ, такихъ же древнихъ, какъ и онъ, читавшій толстую книгу въ кожаномъ, облупившемся переплетѣ. Передъ нимъ на табуреткѣ стояло оловянное блюдце, на которое богомольцы, помолившись въ часовнѣ, клали, кто сколько могъ.

Прежде, чѣмъ „залоговать“, мы всѣ четверо зашли въ часовню—поклониться иконѣ преподоб-

Digitized by Google

наго, которымъ былъ, по преданію, основанъ монастырь.

Дядя Юфимъ долго и усердно молился, кланяясь передъ иконой въ землю. Мы вышли изъ часовни и усѣлись въ сторонкѣ, а онъ все еще былъ тамъ. Когда старикъ, наконецъ, вышелъ и присоединился къ намъ, лицо его было серьезно, почти строго... Онъ долго молчалъ, что-то думая, часто моргая глазами и фыркая носомъ.

— Третій разъ я здѣсь, ребятушки, Господь привелъ побывать,—сказалъ онъ.—Третій!—И, помолчавъ и точно отвѣчая на свои думы, грустно добавилъ:—Эхъ, други, други, много я скорби перенесъ... рѣки! Единому Господу извѣстно!.. Нн-да!

Передъ нами, какъ на ладони, былъ монастырь... Солнце, низко стоявшее на западѣ, освѣщало его бѣлую стѣну, церкви, сосновый лѣсъ рядомъ, рѣчку, зеленый, точно бархатный, лугъ передъ ней, играло въ золоченыхъ крестахъ... Все это, вмѣстѣ съ какой-то особенной тишиной, разлитой вокругъ, представляло прекрасную картину...

— Здѣсь бы вотъ Господь привелъ косточки положить,—произнесъ дядя Юфимъ, вздохнувъ,—потрудиться бы передъ концомъ преподобному...

— Самое святое дѣло,—согласился Малинкинъ и добавилъ:—Одначе, идтить надо... Трогай, бѣлоногой!..

Мы встали и направились къ монастырю...

Digitized by Google

XLIII.

На площади, между „святыми воротами“, ведущими во внутренность монастыря, и гостиницей, огромнымъ въ три этажа зданіемъ, толкалось множество народу. Былъ канунъ какого-то праздника.

Богомольцы ожидали всенощной, которая, какъ я узналъ послѣ, тянулась здѣсь чуть ли не до двухъ часовъ ночи, начиная съ шести вечера.

Маленькая, приткнувшаяся рядомъ со „святыми воротами“, лавченка, въ которой сидѣлъ длинный, худощавый приказчикъ, бойко торговала хлѣбомъ, чаемъ, селедками, баранками, монпасье и т. п.

У святыхъ воротъ стояли молодые послушники, заглядывавшіе въ открытыя окна гостиницы, изъ которыхъ иногда высовывались женскія лица. Здѣсь же, около воротъ, сидѣли слѣпые и пѣли Лазаря, чутко прислушиваясь къ ударамъ копѣекъ, падавшихъ въ деревянныя чашки, которыя они разставили около себя... Какой-то кряжистый, чернобородый, съ блестящими глазами, безногій мужикъ, стуча своими „культяпками“, двигался тутъ же, собирая подаяніе на убожество... Страшная безносая странница протягивала руку, что-то шамкая и гнуся... „Злая рота“ по одиночкѣ и человѣка по три то и дѣло шмыгала въ ворота туда и обратно...

Digitized by Google

Мы остановились около параднаго подъѣзда гостиницы и присѣли на землю у изгородки, за которой росли кусты акаціи, черемухи, сирени... Въ гостиницу и изъ нея, мимо насъ, то и дѣло входили и выходили люди.

— Куда-жъ мы?—спросилъ Малинкинъ:—Здѣсь, что-ль, ночевать будемъ?

— Зачѣмъ здѣсь, — отвѣтилъ дядя Юфимъ, — на странню пойдемъ переночуемъ, а тамъ видать будетъ.. Чай, скоро ужинъ...

Онъ поднялся и повелъ насъ. Пройдя немного по площади, онъ свернулъ влѣво и вошелъ сквозь открытую калитку во дворъ монастырской гостиницы. Дворъ былъ огромный, окруженный со всѣхъ сторонъ заборомъ... Прямо противъ воротъ, вдали, помѣщались конюшни, и подъ навѣсомъ стояли телѣги... Направо—скотный дворъ... Налѣво—какое-то полуразвалившееся деревянное двухъ-этажное зданіе... Къ нему-то, шагая напрямки черезъ площадь, и повелъ насъ дядя Юфимъ.

Въ нижней части этого зданія, какъ оказалось, помѣщалась „странния“. Входъ въ нее, какая-то узкая, ведущая внизъ дыра, пугалъ своей таинственностью...

Дядя Юфимъ, бывшій здѣсь раньше, смѣло спустился по деревяннымъ ступенькамъ куда-то внизъ, въ темный корридоръ, пошарилъ по двери, нащупалъ скобку и дернулъ... Дверь, какъ-то чмок-

Digitized by Google

нувъ, точно кто сладко поцѣловался въ потемкахъ, отворилась, и мы вошли въ „странню“.

XLIV.

Прежде всего насъ обдалъ запахъ, тяжелый, удушливый, противный запахъ человѣческихъ испареній, прѣлой одежды, махорки, гнили...

Въ большой, низкой, черной, необыкновенно мрачной комнатѣ царилъ полумракъ... Посрединѣ, во всю длину, стояли столы и длинныя, узкія, грязныя скамейки... Около стѣнъ были устроены покатыя, сплошныя нары. На нарахъ, на скамейкахъ и по полу сидѣли и лежали люди. Нѣкоторые спали, нѣкоторые разговаривали, смѣялись, курили...

Въ одномъ мѣстѣ на нарахъ, противъ небольшихъ, съ грязными стеклами, оконъ, сквозь которыя тускло проникалъ свѣтъ, поджавъ подъ себя по-турецки ноги, сидѣли люди, по поясъ нагіе, и искали въ своихъ грязныхъ рубашкахъ насѣкомыхъ. Откуда-то, изъ темнаго угла, раздавался, съ короткими промежутками молчанія, рыкающій низкій, грубый басъ, повторявшій все одно и то же: „Слава Ти, Господи, сотворившему вся, сотворившему вся“! Это „сотворившему вся“ глухо и какъ-то странно, будто что-то живое, страшное, огромнымъ шаромъ каталось по „страннѣ“, наполняя ее всю гудящимъ шумомъ...

Digitized by Google

Одинъ изъ сидѣвшихъ на нарахъ противъ насъ, худой человѣкъ, съ блѣднымъ и истощеннымъ лицомъ, что-то разсказывалъ, то и дѣло смѣясь своимъ собственнымъ словамъ и обводя слушателей тяжелымъ взглядомъ большихъ дерзко-нахальныхъ выпуклыхъ глазъ.

Неподалеку отъ двери, около печки, на кирпичномъ полу съ выбитыми мѣстами кирпичами, подложивъ подъ голову сумку, лежалъ навзничь какой-то огромный человѣкъ, длинноволосый, одѣтый въ подрясникъ; онъ спалъ, громко храпя и поднимая то одну ногу, обутую въ лапоть, то другую. Молодой парнишка, одѣтый тоже въ подрясникъ и тоже съ длинными волосами, ходилъ по „страннѣ“ около столовъ, заложивъ за спину руки. Онъ то останавливался около группы людей, сидѣвшихъ на нарахъ, и слушалъ, что говорятъ, глупо ухмыляясь, то снова начиналъ шагать, озираясь во всѣ стороны, точно ища чего-то.

Близъ двери, гдѣ мы остановились, на краю скамейки, сидѣлъ, наклонясь и упершись руками въ колѣнки, маленькій, худой, необыкновенно жалкій человѣчекъ, похожій на курицу-клушку, которую баба, желая отучить отъ клоктанья, выкупала нѣсколько разъ въ лужѣ и, отстегавъ послѣ этой ванны крапивой, бросила...

Одѣтъ онъ былъ во что-то рваное и грязное... Тяжелый, кислый запахъ шелъ отъ него. Онъ былъ

Digitized by Google

страшно худъ... На руки, съ тонкими длинными пальцами, жутко было смотрѣть: точно руки мертвеца, высохшія, холодныя, страшныя! По лицу, начиная отъ ушей, росла у него бороденка, клочковатая, бурая, книзу заостренная клинушкомъ.

Человѣчекъ этотъ то и дѣло крестился и громко, ни на кого не глядя и не обращая вниманія, гнусавя, читалъ: „Камо пойду отъ Духа Твоего и отъ Лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси. Аще возьму крилѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя...“

Кончивъ, помолчавъ немного и перекрестившись нѣсколько разъ, онъ снова начиналъ: „Камо пойду отъ Духа Твоего“ и т. д.

Стоя около входной двери, мы не знали, что дѣлать и гдѣ намъ приткнуться на ночь...

— Жуть! — произнесъ Тереха-Воха съ изумленіемъ въ большихъ глазахъ.

— Хива! — тоже тихо сказалъ Малинкинъ. — Здѣсь сумки упрутъ... вишь, народъ-то... Не уйти ли съ Богомъ?

— А куда? — спросилъ дядя Юфимъ, — погодимъ буде, пока что.

Въ это время дверь позади насъ хлопнула, и въ „странню“ вошелъ высокій сутуловатый монахъ. Въ „страннѣ“ сразу затихло. Онъ испод-

Digitized by Google

лобья окинулъ всѣхъ маленькими глазами и, обернувшись къ намъ, спросилъ тоненькимъ голоскомъ:

— Вы, рабы Божьи, что?.. Ночевать?.. Аткеда... Дальніе?..

— Да, отецъ, ночевать бы, — отвѣтилъ дядя Юфимъ,—да, вишь, тѣсненько словно.

— Идите за мной!—сказалъ монахъ и пошелъ черезъ всю „странню“ къ небольшому чуланчику съ маленькимъ оконцемъ-глядѣлкой на передней стѣнкѣ.

Подойдя, онъ досталъ изъ кармана ключъ и, отперевъ имъ небольшой висячій замокъ, открылъ дверь и сказалъ:

— Проходите, рабы Божьи!

Онъ пропустилъ насъ и, захлопнувъ за собой тонкую тесовую дверку, заперъ ее на крючокъ.

— Здѣсь, рабы Божьи, у меня и переночуете,— сказалъ онъ, — дорого я съ васъ не возьму... всего по три копѣйки съ человѣка. — И, какъ бы извиняясь, съ улыбкой пояснилъ:—Грѣшенъ... табачишко потребляю... то, се... А гдѣ взять?..

— Что говорить,—согласился Юфимъ,—всѣ мы грѣшны... всѣ во плоти... „Духъ бодръ, плоть немощна“—сказано въ святомъ писаніи.

— Вотъ, вотъ, — обрадовался монахъ, — самое это! Кладите сумки въ уголокъ... Не бойтесь, цѣлы будутъ. А спать ужо на полу ляжете... Тѣсновато

Digitized by Google

оно, да за то спокойно. Опять и вшей здѣсь поменѣ, чѣмъ на страннѣ... Присядьте!..

Въ каморкѣ было тѣсно, неуютно, мрачно. Маленькое оконце за желѣзной рѣшеткой, точно въ тюрьмѣ, выходило куда то въ заборъ и давало сквозь грязныя стекла мало свѣта. Въ переднемъ углу висѣли иконы и картинки духовнаго содержанія. Подъ иконами стоялъ столикъ, и на немъ лежала необыкновенно толстая въ кожаномъ переплетѣ книга. Около печки, входившей одной своей стороной въ каморку, стояла узенькая на козлахъ кровать, на которой валялась грязная, сальная подушка и, вмѣсто одѣяла, старый подрясникъ. У противоположной стѣны, насупротивъ печки, стояли двѣ табуретки, висѣлъ въ углу полушубокъ и на веревкѣ, протянутой подъ потолкомъ, двѣ пары теплыхъ валенокъ.

Больше, если не считать тяжелаго удушливаго запаха, да множества пятенъ на печкѣ, образовавшихся отъ раздавленныхъ пальцами клоповъ, ничего не было.

— Присядьте! — опять сказалъ монахъ и самъ сѣлъ на край кровати. — Деньги-то вы мнѣ сейчасъ, что-ли, отдадите?... Аль какъ?.. Давайте ужъ, а?..

Дядя Юфимъ и Малинкинъ сѣли на табуретки, а мы съ Терехой опустились на полъ.

— Да у васъ есть-ли деньги-то? — спросилъ

Digitized by Google

монахъ, подозрительно оглядывая насъ.—Вы, рабы Божьи, того... Коли что,—прямо говорите.

— Объ деньгахъ не сумлевайся, отецъ, — сказалъ дядя Юфимъ,—отдадимъ. Сейчасъ тебѣ, говоришь? Изволь! Ребята, я отдамъ за всѣхъ, опосля сочтемся...

Онъ досталъ кошелекъ и, отсчитавъ 12 к., подалъ монаху.

— Спаси васъ Христосъ! — произнесъ тотъ, опуская деньги въ карманъ подрясника, и опять, какъ давеча, съ виноватой улыбкой добавилъ:— Табачишка весь вышелъ... что ты будешь дѣлать! И не надо бы курить-то, а не отстанешь: привычка...

— А что, отецъ,—началъ дядя Юфимъ,—какъ у васъ здѣсь, косить не начинали?

— Нѣтъ... на той недѣлѣ, гляди, начнутъ... А что?..

— Да мы, было, за этимъ болѣ шли, — отвѣтилъ Юфимъ.—Ну, а еще какихъ дѣловъ не слыхать-ли?..

— Мало-ль дѣловъ у преподобнаго,—отвѣтилъ монахъ.—А вы что-жъ, по какому дѣлу?

— Да мы такъ... чернорабочіе...

Монахъ помолчалъ, подумалъ и сказалъ:

— Въ рощѣ работа есть: лѣсъ валятъ, дрова рѣжутъ, доски пилятъ... Юхновцы работаютъ двѣ пары, пильщики продольные—шестеро...

— Работа для насъ не сподручная, — сказалъ

Digitized by Google

дядя Юфимъ,—у насъ струменту нѣтъ... Дрова-то какъ рѣжутъ, какія?

— Всякія: береза швырокъ... осина пятерикъ... Болѣ все осина.

— Ну, а цѣна какъ?

— Юхновцы на своихъ харчахъ, имъ и цѣна другая,—сказалъ монахъ.—Ну, а коли на нашихъ харчахъ,—извѣстно, скидка.

— А не слыхать, какъ цѣна-то? — опять спросилъ Юфимъ.

— Цѣна-то?.. Да какъ те сказать, не соврать,—цѣна настоящая: восемь гривенъ швырокъ березовый... рубль—пятерикъ, со шкуркой ежели, ну, а безъ шкурки, лупленый, тотъ дороже... тотъ рубль десять... Ну, да эти самые юхновцы и работаютъ здорово: сажени по три съ лишкомъ на пару выгоняютъ... Встаютъ чѣмъ свѣтъ, бросаютъ ночью... Здорово работаютъ!..

— Струментъ у нихъ справный, налаженный,—сказалъ дядя Юфимъ,—опять сноровка... Намъ противу ихъ гдѣ же выстоять...

— Гдѣ же!—согласился монахъ и, помолчавъ, сказалъ:—Останьтесь, поработайте, а тамъ покосъ... работа легкая... Ну, только цѣна двугривенный...

— Ну, а какую намъ цѣну, ежели дрова рѣзать, положатъ?—спросилъ Юфимъ:—На здѣшнихъ харчахъ?

— А ужъ это не знаю,—отвѣтилъ монахъ,—у

Digitized by Google

васъ, вишь, и струменту нѣтъ... Вы по этому дѣлу къ отцу Зосимѣ толканитесь: онъ у насъ тутъ и покосомъ, и по лѣсной части управляетъ... Къ нему завтра апосля ранней... Только вотъ, что, рабы Божьи,—улыбаясь продолжалъ онъ,—вы ему половиночку того... суньте...

— Соль, значитъ!—усмѣхнулся дядя Юфимъ.— А гдѣ-жъ намъ половинку-то взять?.. Завтра праздникъ, бѣжать далеча...

— Эва!—воскликнулъ монахъ,— у насъ чего другого, а это добро не переводится... Я вамъ, коли хотите, обмозгую: у насъ тутъ о. дьяконъ Владиміръ торгуетъ... Сколько угодно! А то по утру бабы приносятъ... Мы привыкли... Коли не жалко,— бутылку принесу... Мнѣ бы, грѣшнымъ дѣломъ, стакашекъ поднесли...

Дядя Юфимъ почесалъ въ головѣ и, подумавъ, сказалъ:

— Накладно!..

— Другъ объ дружкѣ, а Богъ обо всѣхъ,—сказалъ монахъ.—Я бъ вамъ пригодился, коли останетесь... то, се,—мнѣ доступно... Вотъ сейчасъ ужинъ: на странню, злой-то ротѣ,—онъ кивнулъ на оконце-глядѣлку,—я чего дамъ?.. Кашица—крупинка за крупинкой гоняется съ дубинкой... ѣсть порядочный человѣкъ не станетъ... Ну, а вамъ щецъ бы съ трапезной сюда принесъ, кашки, кваску... Глядишь—и заправились бы...

Digitized by Google

— Такъ-то оно такъ,— согласился дядя Юфимъ и посмотрѣлъ на насъ.—Ну, какъ, ребята, а?..

— Какъ хошь!—отвѣтилъ Малинкинъ и махнулъ рукой.—Ты у насъ вродѣ полковника.. Ты и дѣйствуй.

— Ну, отецъ, какъ тебя звать, не знаю,—ладно, быть по сему. Только ты, гляди, щей намъ раздобудься... Признаться, поѣсть хотца... Ну, сыпь до горы, а въ гору наймемъ.

Онъ засмѣялся и, хлопнувъ монаха по плечу, добавилъ:

— Эхъ вы, отцы, отцы!..

XLV.

Отецъ Пименъ (такъ звали монаха), немного погодя, вышелъ изъ каморки кормить кашицей, какъ онъ выразился, „злую роту“, а мы сквозь оконце-глядѣлку стали наблюдать эту сцену.

— Эй вы, рабы Божьи!—закричалъ онъ своимъ тоненькимъ голоскомъ на всю странню:—Ужинать!.. Проголодались, чай, поработамши-то, а?.. Садись за столъ, кормить буду...

И, когда голодная толпа „злой роты“ быстро разсѣлась по скамейкамъ, онъ началъ считать ихъ, ударяя рукой по плечамъ и громко произнося: „разъ! два! три!..“

— Двадцать шесть!—громко закончилъ онъ и,

Digitized by Google

выйдя куда-то на минуту, принесъ съ нарѣзанными заранѣе кусками (по монастырски „окрухами“) корзину хлѣба.

Набравъ двадцать шесть квадратныхъ кусковъ и положивъ ихъ другъ на дружку, онъ сталъ обходить столы, кидая куски и приговаривая:

— Держи!.. Эй, рабъ Божій, держи!

Окончивъ это, онъ принесъ груду большихъ деревянныхъ ложекъ и, швырнувъ на столъ, сказалъ:

— Разбирайте!..

„Злая рота“, торопясь, наваливаясь другъ на друга, расхватала ложки.

Отецъ Пименъ опять сходилъ куда-то и, возвратившись съ пятью большими деревянными чашками, отправился съ ними къ печкѣ. Здѣсь, поставивъ ихъ на полъ, онъ открылъ заслонку и, съ помощью большого съ колесиками ухвата, вытащилъ изъ печи на шестокъ чугунъ. Сдѣлавъ это, онъ крикнулъ:

— Эй, рабы Божьи!.. Идите сюда пять человѣкъ!

Изъ-за столовъ сорвалось пять человѣкъ и бросилось къ нему. Взявъ большую „чумичку“ и разболтавъ ею предварительно въ чугунѣ, монахъ сталъ наливать въ чашки кашицу.

— Тащите... Пять человѣкъ на чашку,—крикнулъ онъ,—одинъ лишній... Ну, на его долю прибавлю, ѣшьте!..

Digitized by Google

„Рабы Божьи“ поставили чашки на столы, сѣли сами, и видно было, какъ замелькали ложки... Послышалось чавканье, хрипѣнье...

— Жуть!—произнесъ Тереха-Воха,—ровно волки на стерву... Да они-бъ работали лучше...

— Наголодались,—сказалъ дядя Юфимъ и тихо, съ грустью, добавилъ:—А все, небось, водочка... Станутъ они тебѣ работать... Для нихъ работа—ножъ вострый... Охъ, хо, хо! Учись, Терешка... Гляди, какъ люди живутъ... Помни: пить до дна, не видать добра!..

LVI.

Поужинавъ, нѣкоторые изъ „злой роты“ пошли куда-то изъ „странни“; оставшіеся стали располагаться спать. Отецъ Пименъ убралъ со столовъ и, заглянувъ къ намъ въ каморку, сказалъ:

— Сидите?.. Ну, сидите, а я пойду вамъ поѣсть сгадаю... Скоро ко всенощной ударятъ. Пойдете?..

— Какъ же,—отвѣтилъ дядя Юфимъ,—надо сходить... Я пойду...

Отецъ Пименъ ушелъ. Мы остались одни, поджидая его возвращенія и обсуждая свои дѣлишки. Прошло съ полчаса... Онъ все не шелъ... Ударили ко всенощной. Дядя Юфимъ перекрестился и сказалъ:

— Вотъ те и ужинъ. Что онъ тамъ?.. За смертью его посылать!

Digitized by Google

— Подождемъ,—сказалъ Малинкинъ,—было бы чего ждать.

Подождали еще немного, и, наконецъ, о. Пименъ пришелъ, неся съ собой двѣ большихъ чашки. Въ одной были щи, въ другой каша и нѣсколько штукъ соленыхъ огурцовъ... Поставивъ это, онъ принесъ хлѣба, котораго могло бы хватить на десять человѣкъ...

— А я, рабы Божьи, все насчетъ васъ хлопочу,—сказалъ онъ, присѣвъ на кровать,—отца Зосиму видѣлъ, говорилъ... насчетъ того намекнулъ... Онъ говоритъ: „ладно“... Къ о. Владиміру забѣгъ... Есть ли?—спрашиваю. „Хоть облейся,—говоритъ,—приходи немного погодя“... Какъ бы не разобрали... Надо, коли что, поторопиться... Я бы сейчасъ и сбѣгалъ, а?

Дядя Юфимъ, молча, ѣлъ, дѣлая видъ, что эти слова къ нему не относятся.

— А каша у васъ добрая,—облизывая ложку, сказалъ онъ.—И щи хороши... Капуста-то своя?

— Своя!—рѣзко отвѣтилъ о. Пименъ, точно отмахнувшись рукой отъ надоѣдливаго комара.—Надо, коли ужъ брать, двѣ половинки: одну, значитъ, о. Зосимѣ, а другую намъ..

— Намъ не надо,—сказалъ дядя Юфимъ,—чего ужъ тутъ лизать на пятерыхъ половинку... Пей ты, отецъ!

О. Пименъ радостно, не умѣя скрыть улыбку,

Digitized by Google

потеръ руки одна о другую, точно грѣя ихъ, и воскликнулъ:

— Такъ я, буде, сбѣгаю!

— Много-ль тебѣ денегъ-то?—спросилъ Юфимъ.

— Полтину.

— Эва!—воскликнулъ дядя Юфимъ:—что дорого больно?..

— Рабъ Божій!—жалобно какъ-то воскликнулъ о. Пименъ:—Самъ посуди: и ему, о. Владиміру-то, нажить надо... Изъ чего-жъ и хлопотать?

Дядя Юфимъ, хмурясь, досталъ деньги и, отдавая ихъ о. Пимену, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Ты бы, Павлычъ, записывалъ, куда что... А то какъ бы не забыть грѣшнымъ дѣломъ... Апосля спору промежъ насъ не было бы...

— Не бойся!—сказалъ Малинкинъ,—не забудемъ.

Получивъ деньги, о. Пименъ торопливо вышелъ изъ каморки. Мы опять остались одни.

— Ладно-ль, ребята, дѣлаемъ? — спросилъ Юфимъ:—Какъ бы съ нимъ грѣха не нажить...

Мы молчали...

— Охъ, хо-хо!—продолжалъ старикъ:—врагъ-то, видно, горами качаетъ... Индо затрясся весь, увидалъ деньги... О, Господи Батюшка, ко всенощной звонятъ, а мы человѣка на грѣхъ наводимъ...

Digitized by Google

— Не махонькой, чай, смыслитъ,—отвѣтилъ Малинкинъ.

Немного погодя, пришелъ, запыхавшись, о. Пименъ и молча, радостно улыбаясь, поставилъ на столъ двѣ „половинки“, вынувъ ихъ изъ кармановъ подрясника.

— Спосуду, какъ опорожнится, назадъ, наказывалъ, принесть,—сказалъ онъ.

— Дако-сь сюда!—сказалъ дядя Юфимъ, беря со стола одну половинку:—Терешка, спрячь, родной, къ себѣ въ сумку... Дѣло-то оно вѣрнѣе будетъ.

Онъ передалъ половинку Терехѣ-Вохѣ и, перекрестившись на иконы и взявъ картузъ, сказалъ:

— Ну, я пойду въ Божій храмъ.

— Погоди, пойдемъ вмѣстѣ,—сказалъ Малинкинъ.

— А вы, ребята, спать ложитесь,—сказалъ дядя Юфимъ, обращаясь къ намъ.—Мы не скоро.

Они вышли. Отецъ Пименъ заперъ за ними дверь. Въ каморкѣ стало темнѣть... Изъ „странни“ доносилось храпѣнье... Отецъ Пименъ зажегъ лампадку.

— Ложитесь, рабы Божьи,—сказалъ онъ.

— И то лечь нѣшто,—отвѣтилъ Тереха-Воха.—Павлычъ, давай...

Онъ взялъ свою сумку, подложилъ ее подъ голову, перекрестился и, растянувшись на полу, почти сейчасъ же, по обыкновенію, захрапѣлъ.

Digitized by Google

— А ты, рабъ Божій?—спросилъ Пименъ.

— А я погожу... Курить можно?

— Кури... кури... Ты кури, а я того... пропущу,—захихикалъ онъ, потирая руки.—А я пропущу!—повторилъ онъ, радуясь.

Онъ взялъ половинку, сковырнулъ ногтемъ сургучъ и, ударивъ ладонью по донышку, вышибъ пробку... Пробка отлетѣла въ уголъ.

— Пошла душа въ рай, хвостикомъ завиляла!—сказалъ онъ и жадно началъ пить прямо изъ горлышка.

— Душа мѣру знаетъ,—сказалъ онъ затѣмъ, какъ-то ухнувъ и плюнувъ на полъ, отрываясь отъ половинки.—Эва еще осталось,—добавилъ онъ, разглядывая ее на свѣтъ лампадки,—на зарядъ хватитъ... А ты, рабъ Божій, потребляешь?.. Дакась курнуть!—протянулъ онъ ко мнѣ руку,—закусить...

Я передалъ ему окурокъ. Онъ жадно, втягивая щеки, затянулся раза три и, передавая мнѣ обратно, сказалъ:

— Заберетъ складнѣе!..

Онъ присѣлъ на край кровати, что-то думая или ожидая дѣйствія водки. Я положилъ свою сумку рядомъ съ Терешкиной и легъ навзничь, наблюдая за о. Пименомъ.

Онъ посидѣлъ немножко, соскочилъ съ койки, открылъ въ столѣ ящикъ, досталъ оттуда огурецъ,

Digitized by Google

чайную чашку, налилъ въ нее изъ половинки немного водки и, зажмуря глаза, выпилъ.

— Спишь, рабъ Божій?—спросилъ онъ, оглянувшись на меня.

— Нѣтъ... такъ лежу...

— А я еще выпью... останное... а?

— Захмѣлѣешь, отецъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ и, молча, допилъ изъ половинки послѣдки.

— Все.. вотъ и все!—грустно произнесъ онъ и сѣлъ на кровать.—Все!—повторилъ онъ.

Онъ поднесъ половинку ко рту и, запрокинувъ голову, допилъ нѣсколько оставшихся капель...

— Теперь полежать не грѣхъ,—сказалъ онъ и растянулся во весь ростъ на своей убогой постели.—А у насъ, рабъ Божій,—заговорилъ онъ, вдругъ приподнявшись,—какой тутъ недавно случай произошелъ... не слыхалъ, а? Съ отцемъ Кондратьемъ-то...

— Нѣтъ, не слыхалъ... А какой?..

— О-о-о!—затрясъ онъ головой,—ужасть! Прислали къ намъ въ обитель изъ... (онъ сказалъ—откуда) монаха на выдержку... Часто къ намъ присылаютъ... Молодой монахъ, видный... Тамотка-то онъ, ишь, гулялъ шибко... ишь, полюбовница у него была... Мѣсто тамъ, знаешь, рабъ Божій, какое,—вольное, доходное... постоянно деньга. Ну, а у насъ насчетъ этого плохо: коли своихъ нѣтъ,—

Digitized by Google

взять негдѣ. Опять насчетъ харчей: какіе здѣсь противу тамошнихъ харчи? Ну, и затосковалъ малый... А пуще, слышь, объ полюбовницѣ убивался... Молчитъ, бывало... спросишь,—молчитъ. Стукáнный какой-то, ей-Богу... Вотъ разъ, что же, рабъ Божій: заперся, взялъ въ кельѣ да себя по горлу ножемъ.. А ужъ за нимъ подглядывали игуменъ, ишь, велѣлъ... Ладно увидали... Ну, сполохъ пошелъ... Къ двери, а дверь здоровая, не выломаешь... Къ окну опять, а въ окнѣ рѣшотка желѣзная... во каки пруты!.. А онъ... Кондратій-то... отошелъ въ уголъ, пилюкаетъ себѣ глотку. Ножикъ-то, ишь, тупой,—не перепилюкаетъ никакъ... Просунули въ рѣшотку, въ окно-то, кочергу, зацѣпить его какъ-нибудь норовятъ—не достанешь! Пилюкалъ, пилюкалъ, перепилюкалъ-таки, а все живъ... Бросилъ ножикъ да, понимаешь, рабъ Божій, взялъ вотъ эдакъ пальцами самъ себѣ глотку-то и перервалъ... Ну, тутъ и свалился... готовъ!.. Выломали дверь, глядятъ: померъ!.. А крови-то, аки изъ барана, аки изъ барана! Ужасть!..

Онъ замолчалъ и сѣлъ на кровати, спустивъ ноги.

— А то повѣсился еще одинъ,—опять загововорилъ онъ,—въ лѣсу нашли... виситъ на суку... посинѣлъ весь... А крестъ съ себя снялъ, положилъ на землю... Съ крестомъ-то, ишь, не удавишься... *Онъ* боится креста-то... Грѣхи, рабъ Божій!...

Digitized by Google

Онъ опять замолчалъ... Въ каморкѣ стало совсѣмъ темно... Лампадка чуть-чуть мерцала. На „страннѣ“, за перегородкой, кто-то громко разговаривалъ, часто повторяя: „А я ему, чорту, и говорю... А я ему, чорту, и говорю“.

— Рабъ Божій, а ты откеда?.. Какой губерни, а?—нарушилъ молчаніе о. Пименъ.

— Здѣшній,—отвѣтилъ я.

— А я тверской, изъ кореловъ я. У насъ тутъ много изъ кореловъ. Ужъ я здѣсь второй разъ, въ обители-то... Да, второй!—повторилъ онъ, какъ будто ожидая, что я скажу на это. И видя, что я молчу, продолжалъ:—Ушелъ, да пришелъ... Куда-жъ мнѣ больше идти, самъ посуди, рабъ Божій, а? Куда?.. Коли мнѣ дѣться некуда... Я и пришелъ.. Сказано: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою Вы“... Я и пришелъ... Взяли опять, ничего... игуменъ взялъ... У насъ игуменъ ха-а-а-рошій, простецъ!.. Что ты думаешь, рабъ Божій: допрежъ, говорятъ, въ молодыхъ годахъ онъ пильщикъ продольный былъ... Какъ Господь-то возвеличилъ... Стало быть, Богу угодно... достоинъ... Мы, вотъ, недостойны, гдѣ намъ, грѣшны мы.. Батюшки, сколько грѣховъ-то!.. Аки орѣховъ на орѣшинѣ... Ужасть!.. А нищихъ какъ любитъ игуменъ-то нашъ,—страсть!. Умираетъ за нихъ... Чтобъ ежели, спаси Богъ, узнаетъ, не накормить—распалитъ! Меня сюда на

Digitized by Google

странню ставилъ на послушанье и говоритъ: „Пименъ, говоритъ, братъ, помни одно: „Блаженъ, разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь“...

— А ты, отецъ, давно здѣсь, на страннѣ-то?

— Да вотъ ужъ четвертый годъ пошелъ...

— Насмотрѣлся, чай, на людей?

— О-о, рабъ Божій! какъ насмотрѣлся-то... Все-то одно, все-то одно каждый день! Голодные, холодные, грязные, больные... Ужасть!.. Самъ съ ними обовшивѣлъ...

— Надоѣло?

— Терплю... терплю, рабъ Божій... А тяжко ино... Охъ, хо хо!.. ропщу... ругаюсь... Вотъ выпьешь водочки,—отляжетъ...

— Ну, а прежде на какомъ послушаньи былъ?

— А всякія послушанія: въ квасной бочки мылъ... на конюшнѣ былъ, дрова рѣзалъ, воду качалъ... на прачечной бѣлье стиралъ, на угольницѣ уголь жегъ... да мало ли!..

— Что-жъ ушелъ, зачѣмъ?

— А соскучился! Тоска напала... Врагъ, извѣстно! Напала тоска,—мѣста не найду! Взялъ да и ушелъ... Поболѣ года на волѣ шатался... На родинѣ былъ... только тамъ мнѣ, вижу, дѣлать нечего... По монастырямъ ходилъ, Богу молился... Пришелъ опять сюда: здѣсь ужъ, видно, и номирать буду...

Digitized by Google

Онъ замолчалъ и потомъ, послѣ долгаго молчанія, спросилъ вдругъ:

— Рабъ Божій, а ты женатъ, аль холостъ?

— Женатъ.

— А дѣти-то есть ли?..

— Есть.

— Сыновья, что ли?

— Есть и сынъ.

— Махонькій?..

— Да.

Онъ вдругъ спрыгнулъ съ койки и, сѣвъ рядомъ со мной на полу и наклонившись ко мнѣ, шепотомъ заговорилъ:

— Рабъ Божій, не сердись, по душамъ я тебѣ скажу: береги ты сынка... Учи паче всего Божьему слову... Сказано: что посѣешь, то и пожнешь... Паче огня бойся ругаться при немъ матерно, пьяный бѣги прочь... не бей... все по хорошему, все по хорошему дѣлай... чтобы видѣлъ онъ, каковъ ты человѣкъ есть... Выростетъ, почитать будетъ... Слова отъ него не услышишь супротивнаго... Помни,—самъ Христосъ Батюшка сказалъ: „Пустите дѣтей приходить ко Мнѣ“... Съ ребенкомъ, что хошь, сдѣлать можно... Ангельская душка—аки воскъ мягкій... Самъ Господь Батюшка на своихъ пречистыхъ рукахъ ее держитъ...

— Охъ, рабъ Божій,—тяжело вздохнувъ, продолжалъ онъ прерывающимся голосомъ:—кабы ты

Digitized by Google

знялъ, каку я маяту-муку черезъ дѣтей принялъ!.. А кто виноватъ?.. Самъ, песъ смердящій!.. Понялъ это вотъ теперича, на краю могилы .. Понялъ, рабъ Божій, да поздно... Вотъ онъ, локоть-то, а укусика, попробуй... нѣтъ, не укусишь!.. Нѣшто мнѣ здѣсь жить-то надо? Два сына, а спроси: гдѣ? Въ „злой ротѣ", вотъ гдѣ!.. Я изъ нихъ Господа изгналъ, а дьявола вселилъ... Воры они теперича, мошенники... Въ тѣ поры, когда махонькіе были, что я дѣлалъ?.. Господи Батюшка, ужасъ!.. Бывало, напьюсь пьяный, приду домой и давай бушевать... Жена, покойница, побѣлѣетъ, словно береста... а я ее матерно... тьфу!.. съ топоромъ, съ ножемъ бѣгалъ... Ну, а они-то видятъ, все это имъ въ память входитъ... Ихъ билъ... страсть какъ билъ... да все по черному... Гдѣ бы приласкать, пожалѣть, а я рычу... Боялись меня пуще огня .. А тутъ мать померла, одинъ съ ними остался... полюбовницу себѣ завелъ, шкуреху-канарейку... А они ужъ понимать стали... Да что ужъ!

— Далѣ да болѣ, далѣ да болѣ... выросли ребята... Ну, тутъ и пошло! Я слово,—мнѣ десять... Я бить,—они меня! Извѣстно, вошли въ года... Въ солдаты одного взяли, другой остался. Пить началъ, изъ дому тащить... Я туды, сюды,—нѣтъ, шалишь!.. Дѣло пропало, шабашъ! Отслужилъ другой, пришелъ домой... пошло еще хуже! Я такъ, они этакъ... Въ воровство ударились .. Били ихъ

Digitized by Google

мужики разъ, страсть какъ!.. Женить хотѣлъ,—не идетъ никакая... Отбились совсѣмъ... А мнѣ только и названья: „собака проклятая“. Вижу—дѣло мое пропащее... Уходите, говорю, съ глазъ моихъ долой, а я продамъ избу, тоже уйду... „Нѣтъ, говорятъ, старый песъ, намъ долю давай“...—Кака ваша доля?—„Така!“ —говорятъ.—Нѣтъ вашей доли, все мы съ матерью наживали... все мое...—„Ты, говорятъ, собака, ее въ могилу вогналъ... На кой ты намъ... Давай, да и все, уйдемъ мы“... Я было на міръ, а міръ и радъ: „Пущай идутъ. Дери ихъ деромъ, и съ тобой-то вмѣстѣ“... Ну и того, рабъ Божій, пошло все прахомъ.

Онъ замолчалъ и долго сидѣлъ молча, тяжело дыша и сопя носомъ.

— Рабъ Божій!—зашепталъ онъ опять и ощупалъ меня руками:—а, рабъ Божій!.. Что я тебѣ скажу?

— Что?

— Дай мнѣ на шкаликъ, а? Христомъ Богомъ прошу, а? Я заслужу...

— Запьянѣешь?—сказалъ я.

— Ничего... дай, а? Дашь?

— Да гдѣ-жъ ты добудешь теперь?

— У Владиміра... ужъ я добуду... рабъ Божій... родной! —Онъ вдругъ всталъ на колѣнки и, наклонившись, поцѣловалъ меня.—Дай!.. Дай, Христа ради!—Онъ захлюпалъ.—За-а-а-служу я тебѣ...

Digitized by Google

пожалѣй... Ты добудешь... Богъ те за это впятеро невидимо пошлетъ... Дай!..

Онъ ползалъ на колѣнкахъ, хватая меня руками и хлюпая.

— Спаси Христосъ! Спаси Христосъ!—залепеталъ онъ, получивъ отъ меня 15 к.—Спаси Христосъ! Родной ты мой... не пожалѣлъ, далъ... Деньги—тлѣнъ... Душу спасай... душу... душу...

— Душу!—повторилъ онъ еще разъ уже за дверью, и мнѣ слышно было, какъ онъ, топая большими сапогами, шелъ по „страннѣ“ къ выходной двери.

LVI.

Отецъ Зосима, къ которому мы на другой день утромъ направились, поджидалъ насъ (о. Пименъ предупредилъ его), сидя на ступенькахъ крылечка у входа въ кельи, гдѣ жили монахи.

Человѣкъ этотъ былъ маленькаго роста, кряжистый, похожій на корявый обрубокъ корельской березы (о. Зосима тоже былъ изъ корелъ), съ длинной, клинообразной бородой, съ щетинистыми, какъ у николаевскаго солдата, усами, съ лицомъ, похожимъ на старинный пятакъ, съ маленькими глазками, надъ которыми нависли сѣдыя длинныя брови, придававшія лицу о. Зосимы вмѣстѣ и смѣшной, и суровый видъ.

Онъ еще издали увидалъ насъ, но зачѣмъ-то

Digitized by Google

началъ усердно ковырять палочкой въ пескѣ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ насъ.

Около его ногъ бродили голуби... Солнышко ярко освѣщало и его, и его длинную бѣлую бороду, и голубей, и растущіе около душистые тополя, и все крыльцо, гдѣ онъ сидѣлъ...

Подойдя, мы остановились и поздоровались.

Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на насъ какъ-то смѣшно, желая, вѣроятно, показать свою важность, нахмурился, отчего его глазки стали еще меньше, и сказалъ:

— Вы что, рабы Божьи?

— Да вотъ, отецъ, къ твоей милости,—отвѣтилъ дядя Юфимъ,—насчетъ, значитъ, работенки. Сказывали намъ: дровишки рѣзать... Аль тамъ косить мы можемъ... Мы...

— Сказывали! — перебилъ его, передразнивъ, о. Зосима:—кто сказывалъ?.. Никто не знаетъ... Я хозяинъ!—вдругъ, ткнувъ себя пальцемъ въ грудь, важно надувшись, произнесъ онъ и, глядя на насъ и хмуря брови, еще разъ сказалъ:—Я хозяинъ.

— Вотъ мы къ вашей милости и пришли,—сказалъ дядя Юфимъ, переходя съ ты на вы,—насъ къ вашей, отецъ, милости и наладили.

— Кто наладилъ?.. Никто не можетъ наладить .. Я хозяинъ. А пачпорта при васъ?—еще больше надуваясь, спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Видъ при насъ,—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Да вы можете ль работать-то, а? Можетъ, вы только монастырскую кашу умѣете ѣсть?..

— Ну, вотъ,—усмѣхнулся дядя Юфимъ,—чай, мы не господа.. мы крестьяне... дарма хлѣбъ не ѣдимъ.—И, немного помолчавъ и сдѣлавъ на своемъ лицѣ какую-то смѣшную улыбку, тихо добавилъ:—Мы вашей милости гостинчикъ принесли, не обезсудьте... вотъ...

Онъ запустилъ руку въ карманъ и осторожно, оглянувшись по сторонамъ, вытащилъ „половинку“ и сейчасъ же снова спряталъ ее.

Отецъ Зосима широко ухмыльнулся, при чемъ вся его суровость сразу пропала, и лицо точно расцвѣло.

— Ну,—сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста,—пойдемте въ келью... пачпорта отберу у васъ.

Онъ взошелъ на крыльцо и, отворивъ дверь, сказалъ:

— Идите!

Мы вошли въ какой-то полутемный длинный корридоръ, въ которомъ пахло чѣмъ-то похожимъ на запахъ испорченной кислой капусты, и пошли по этому корридору, вслѣдъ за о. Зосимой, въ самый дальній конецъ.

Въ корридорѣ было мертвенно тихо, сыро и какъ-то жутко, точно въ гостиницѣ; по бокамъ были двери, ведущія въ кельи...

Digitized by Google

Въ концѣ корридора, у самой крайней двери о. Зосима остановился и, доставъ изъ кармана большой ключъ, сунулъ его въ замокъ и повернулъ... Раздался гулкій, звенящій звукъ. О. Зосима толкнулъ дверь и, пропустивъ сперва насъ, вошелъ самъ, захлопнулъ за собой дверь и заперъ ее.

Келья, куда мы вошли, была узенькая, аршина два съ половиной въ ширину и аршинъ шесть въ длину, со сводчатымъ потолкомъ, похожая на склепъ, куда ставятъ мертвецовъ. Налѣво отъ двери помѣщалась изразцовая печь, съ узенькой аршина въ три лежанкой. Кровати въ кельѣ не было, и поэтому можно было предположить, что о. Зосима спалъ на этой лежанкѣ и зиму, и лѣто.

Небольшое окно съ рѣшеткой, сдѣланное въ толстой аршина въ два стѣнѣ, выходило за монастырскую ограду, и сквозь него видна была рѣчка, поле, синева неба...

Въ переднемъ углу висѣли иконы, подъ ними столикъ съ книгами, шкафчикъ, табуретка.

Отецъ Зосима пододвинулъ къ столу табуретку и сѣлъ на нее... Мы всѣ четверо стали около двери... Водворилось какое-то неловкое молчаніе... Наконецъ, о. Зосима, доставъ изъ кармана берестовую тавлинку и понюхавъ изъ нея табачку, сказалъ:

Digitized by Google

— Та-а-а-къ, значитъ!—и, помолчавъ, опять протянулъ:—та-а-а-къ!..

Стоявшій впереди насъ, дядя Юфимъ торопливо досталъ „половинку“ и, молча, поставилъ ее на столъ передъ о. Зосимой.

О. Зосима мотнулъ головой, взялъ ее, посмотрѣлъ на свѣтъ, встряхнулъ и вымолвилъ:

— Казенка пошла... Доходная статья, и вино много лучше. А гдѣ брали-то?..

— Ваша, здѣшняя, въ обители брали,—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Та-а-а-къ!—О. Зосима, потянувшись черезъ столъ, снялъ съ гвоздика висѣвшія на немъ ножницы.—Та-а-а-къ!—повторилъ онъ опять, отковыривая ножницами сургучъ.—Дорога здѣсь-то... четвертакъ, небось, а?..

Мы промолчали.

— Ну, я попробую,—продолжалъ онъ, выковыривая этими же ножницами пробку.—Не знаю, закусить-то у меня есть ли?..

Онъ отворилъ шкафчикъ и, нагнувшись, сталъ тамъ шарить.

— Нѣту,—сказалъ онъ, ставя на столъ чайную чашку,—Нечѣмъ закусить... Ну, я такъ... языкомъ... А, рабы Божьи, языкомъ?..

Онъ потихоньку захихикалъ, завторили ему и мы.

— Кушай, отецъ!—сказалъ дядя Юфимъ, снова

Digitized by Google

переходя на ты,—кушай на здоровье... А тамъ и потолкуемъ.

— Чего толковать, толковать нечего... работайте!—сказалъ о. Зосима, выпивая водки.—Я хозяинъ..

— У насъ, отецъ вишь ты какое дѣло... струменту-то своего нѣтъ.

— Гмъ! Какъ же это вы... безъ струменту?—принимая опять такой же важно-надутый видъ, какъ и давеча на крылечкѣ, спросилъ о. Зосима.

— Да мы, признаться, на мѣстахъ жили... въ имѣніи одномъ, въ рабочихъ. Ну, взяли разсчетъ, ушли.. Аткеда-жъ у насъ струменту быть?.. Ходимъ вотъ, пока что,—работенки ищемъ... гдѣ кака придется... Мы, признаться, шли сюда думали на покосъ попасть, анъ дѣло-то, вишь ты: косить-то не начинали... Сказываютъ, на той недѣлѣ начнутъ.

— Сказываютъ! — разсердившись, опять передразнилъ его о. Зосима:—Кто сказываетъ?.. Никто ничего не знаетъ... Я хозяинъ!..

— Да я такъ,—спохватился Юфимъ.

— То-то такъ... Я хозяинъ!..

Онъ вылилъ въ чашку остатки и допилъ все.

— Ну, а каку же ты, отецъ, цѣну положишь?—спросилъ дядя Юфимъ.

— Не обижу.

— Ну, у всетаки?

Digitized by Google

— Да каку цѣну?.. У меня, вонъ, работаютъ юхновцы... Имъ, цѣна настоящая: у нихъ и струментъ, и все... Они привыкши, харчъ у нихъ свой... Гдѣ вамъ до нихъ!. Вы вотъ что, ребята, я вамъ скажу: беритесь подденно. По тридцать монетъ дамъ... Ну, извѣстно: харчи наши, фатера, струментъ дамъ... Струментъ, надо правду говорить,—неважный, много имъ не надѣлаешь... Ну, а вотъ ежели поденно, таковскій... Пили, да пили ..

Дядя Юфимъ почесалъ затылокъ.

— Возьмись поденно, а ты, отецъ, и будешь надъ душой стоять, не отойдешь... За тридцать-то копѣекъ заѣздишь!..

— Эва сказалъ! — воскликнулъ о. Зосима:— Буду я надъ душой стоять!.. Да я въ лѣсъ-то въ недѣлю разъ хожу... Я, другъ, не люблю эдакъ.. Я на совѣсть... У меня этого нѣтъ, чтобы, значитъ, человѣка изводить... У преподобнаго на всѣхъ хватитъ.

— Какъ же, ребята, скажете?—обернулся къ намъ дядя Юфимъ:—думайте, какъ лучше.

— Думай не думай... оставаться надо,—отвѣтилъ Малинкинъ.—Глухое время, куда дѣнешься.

— Ну, вотъ и ладно,—отвѣтилъ о. Зосима, поднимаясь съ мѣста,—ступайте въ рабочую покеда, на конный дворъ... Къ обѣду позвонятъ, обѣдать на трапезну приходите... Я приду ужо,

Digitized by Google

струментъ принесу... Нонѣ праздникъ... работать грѣхъ. Завтра по-утру поставлю васъ... Идите со Христомъ... За водку спасибо, утѣшенье мнѣ старику... Спаси Христосъ!

LVII.

Рабочая, куда мы пришли, по указанію о. Зосимы, была большая, съ низкимъ чернымъ потолкомъ, мрачная, загаженная комната. Огромная печка стояла посединѣ... Около стѣнъ, какъ и на „страннѣ“, были настроены нары. Въ переднемъ углу стояли столъ и скамейки. Четыре небольшихъ окна, за двойными рамами, очевидно, никогда не выставлявшимися, глядѣли во дворъ.

Въ рабочей былъ народъ: шесть человѣкъ продольныхъ пильщиковъ и трое постоянныхъ мѣсячныхъ монастырскихъ рабочихъ. Эти послѣдніе, почти старики, жили здѣсь, получая лѣтомъ пять рублей, а зимой три на готовыхъ харчахъ.

Пильщики, въ грязныхъ рубашкахъ съ открытыми воротами (въ рабочей было жарко), сидѣли за столомъ и допивали водку изъ третьей бутылки (двѣ стояли уже пустыя), шумно о чемъ-то разговаривая.

Монастырскіе рабочіе, съ сердитыми лицами, лежали на нарахъ и курили трубку, молча передавая ее одинъ другому и громко харкая, куда попало.

— Пріятнаго аппетита!—сказалъ дядя Юфимъ,

Digitized by Google

поклонившись пильщикамъ и помолившись на картинку, висѣвшую въ углу надъ столомъ, на которой былъ изображенъ старецъ, кормящій изъ рукъ огромнаго во всю картинку медвѣдя,—миръ вашей компаніи...

— Садись,—отвѣтилъ ему на это одинъ изъ пильщиковъ,—гость будешь... Вина купишь—хозяинъ будешь... Что скажете?.. Зачѣмъ?

Дядя Юфимъ объяснилъ, зачѣмъ мы пришли.

— Чудно!—воскликнулъ одинъ изъ пильщиковъ, выслушавъ его,—Много-ль добудете-то?.. Изъза хлѣба на квасъ! Хуже-то не нашли...

— Да мы временно, пока, значитъ, время глухое, а тамъ уйдемъ,—пояснилъ Юфимъ.

— Здѣсь, другъ, тоже даромъ кашей не кормятъ,—опять сказалъ пильщикъ:—Ты думаешь, даромъ тридцать-то монетъ дадутъ? Какъ же!.. Здѣсь, братъ, народъ аховый, садись да помахивай... Ты не гляди, что онъ монахъ, онъ те доѣдетъ... Мы здѣсь котору весну работаемъ! Не дальніе, знаемъ всѣ порядки... Вотъ дай дѣло къ разсчету,—жмутъ: скидку, то, се... Чай, небось, ужъ водочки поднесли хозяину-то?..

— Какому хозяину?..

— А Зосимкѣ-то!.. — засмѣявшись, отвѣтилъ пильщикъ:—У него вѣдь первое слово: „я хозяинъ!..“

— Любитъ выпить,—сказалъ другой.

Digitized by Google

— Никто не откинетъ!—проворчалъ съ наръ рабочій:—Всѣ—не пролей капельки!..

LIX.

Вскорѣ послѣ обѣдни раздался звонокъ на обѣдъ. Мы отправились, вслѣдъ за потянувшимися со всѣхъ сторонъ монахами, по направленію къ трапезной, расположенной въ самой отдаленной части монастыря. Огромный, узкій залъ, заставленный длинными столами, съ расписными потолкомъ и стѣнами, съ какимъ-то особеннымъ „монастырскимъ запахомъ", быстро наполнялся монахами. Всѣ ждали игумена. Наконецъ, онъ явился. Это былъ замѣчательно красивый старикъ, съ огромной сѣдой бородой, румяный и бодрый... Какъ-то особенно энергично шагая, онъ прошелъ между разступившимися монахами впередъ и остановился передъ большимъ кіотомъ съ образами.

Монахи пропѣли молитву и, не торопясь, чинно размѣстились за столами. Около аналойчика всталъ, небольшого роста, бѣлый, какъ лунь, старичекъ и началъ читать что-то, чего нельзя было понять, ибо старичекъ гнусавилъ и спотыкался на каждомъ словѣ. Нѣсколько молодыхъ послушниковъ отправились на кухню за кушаньемъ.

Мы, рабочіе, усѣлись за отдѣльный столъ,

Digitized by Google

близь порога, поодаль отъ монашескихъ столовъ, и двое помоложе отправились вслѣдъ за послушниками, на кухню.

Всѣ столы были покрыты бѣлыми изъ грубаго толстаго холста скатертями, и только нашъ, „рабочій“, не былъ ничѣмъ прикрытъ и лоснился, точно лакированный... Отъ него пахло постнымъ масломъ... На столѣ стоялъ въ трехъ мѣстахъ, по срединѣ и по бокамъ, квасъ, въ жестяныхъ, пузатыхъ жбанчикахъ, и лежали небольшіе жестяные ковшики.

Чернаго хлѣба, нарѣзаннаго квадратными кусками, хватило бы, кромѣ насъ, еще человѣкъ на пять. Хлѣбъ лежалъ по столу стопками мѣстахъ въ шести...

Вскорѣ, осторожно ступая, гуськомъ, другъ за другомъ, стали входить послушники, неся въ рукахъ небольшія деревянныя чашки... Чашки эти разставили по столамъ, начиная по порядку отъ игумена...

Игуменъ позвонилъ, и „братія“ принялась за ѣду. Ѣли молча, тихо, не торопясь... Слышалось только чавканье, легкій стукъ ложекъ да монотонное, непонятное бормотанье старца, читавшаго что-то изъ житія святыхъ.

Когда чашки опорожнились, игуменъ, подождавъ немного и видя, что уже никто не ѣстъ, позвонилъ снова. Послушники вскочили и отпра-

Digitized by Google

вились на кухню за второй перемѣной. Наши пильщики послѣдовали за ними.

Въ это время, дверь вдругъ тихонько отворилась, и въ трапезную робко, какъ-то бокомъ, точно крадучись, вошелъ молодой монахъ, съ черной клинообразной бородой.

Войдя, онъ остановился и началъ молиться, широко и размашисто крестясь. Потомъ, низко, въ поясъ поклонившись на три стороны, подошелъ къ нашему столу и сѣлъ съ краю, рядомъ съ Терешкой и со мной.

Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что голова у него была начисто острижена. Приглядѣвшись внимательнѣе, я увидалъ, что по этой бритой головѣ ползаютъ бѣлыя насѣкомыя, и почувствовалъ, какъ холодокъ пошелъ у меня по спинѣ... Пильщики нахмурились, но дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ... Я посмотрѣлъ еще. Монашекъ вдругъ полуобернулся въ мою сторону и, поймавъ мой взглядъ, улыбнулся какой-то необыкновенно жалкой, испуганной улыбкой ..

Онъ наклонился и сидѣлъ, вертя въ рукахъ ложку, но не прикасаясь къ ѣдѣ.

— Отецъ Иванъ,—шепотомъ черезъ столъ сказалъ старый пильщикъ,—хлебай, родной... не бойся... мы ничего...

Монахъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на него и,

Digitized by Google

опять также жалобно улыбнувшись, началъ хлебать...

Игуменъ позвонилъ... Послушники принесли третью перемѣну. Мы принялись за ѣду, а монахъ, почему-то, опять только игралъ ложкой...

— Ѣшь, о. Иванъ,—снова шепотомъ сказалъ старый пильщикъ,—ѣшь, ѣшь, не робѣй!..

Монахъ опять виновато улыбнулся и принялся за ѣду...

Послѣ обильнаго обѣда монахи пропѣли молитву и, пропустивъ впередъ игумена, стали выходить изъ трапезной... Мы, вмѣстѣ съ сидѣвшимъ за нашимъ столомъ монахомъ, вышли послѣдними.

— Заходи, о. Иванъ, посидѣть въ рабочую,— сказалъ старый пильщикъ, выйдя изъ трапезной,—заходи, не бойся!

— Спаси Христосъ! Спаси Христосъ!—нѣсколько разъ съ улыбкой произнесъ монахъ и вдругъ, какъ-то согнувшись, торопливо пошелъ отъ насъ въ противоположную сторону.

— Мускоротно съ нимъ за столомъ-то сидѣть,— сказалъ одинъ изъ пильщиковъ, — кусокъ въ глотку не идетъ... ей-Богу... Къ себѣ, небось, не сажаютъ.

— Что за монахъ этотъ?—спросилъ я у стараго пильщика.

— Э, братъ ты мой!—воскликнулъ онъ,—Іовъ

Digitized by Google

многострадальный! Истинный Господь, жалости на него смотрѣть... Говорятъ, ишь, зачитался, библію все читалъ... Читалъ, читалъ, да, видно, умъ за разумъ и зашелъ... свихнулся вродѣ... Мать, слышь ты, къ нему издалеча пріѣзжала... Вчуже я въ тѣ поры, парень, наплакался... Привела она его на странню, посадила на скамью... А онъ не стриженный былъ... волосищи долгіе, да свалялись всѣ комомъ, а въ кому-то, вѣришь ли Богу, несосвѣтимая сила вшей.. Кишмя кишатъ! Увидала она это... какъ взвоетъ,—такъ и покатилась... Страсть! Добыла ножницы, вывела на дворъ, давай стричь, какъ барана.. Народъ собрался, глядятъ всѣ... Злая рота смѣется... Остригла баба, глядь—голова-то мѣстахъ эдакъ въ пяти до кости проѣдена. „Батюшка, кричитъ, сынокъ!“ то, се... сама разливается, плачетъ... Извѣстно, материнское сердце: жалко... Я мужикъ вотъ, чужой, да и то жалко... Ну, хорошо... Мыть это она ему голову стала... Справила малаго, по жила съ недѣлю, ушла... Въ ногахъ валялась у игумена-то... просила не оставлять... братью просила... Только вотъ дивное, парень, дѣло: не выходитъ изъ него нечисть эта самая! Вымоютъ, бѣлье чистое надѣнутъ... хвать, на другой день опять... Говорятъ старые люди: отъ думы это, да ежели сердцемъ горячъ... Кто его знаетъ, что за человѣкъ.. Его вонъ обижаютъ, а онъ ска-

Digitized by Google

жетъ только: „Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся...“ да и отойдетъ прочь... Мать-то сказывала: охотой, ишь, ушелъ въ монастырь-то... Съ малости чудной былъ, тихой, да все думалъ про себя... Умница, сказываетъ, былъ, жалостливый: курицу начнутъ рѣзать, а онъ въ слезы и убѣжитъ... Грамотѣ хорошо, сказываютъ, знаетъ... Озорничаютъ тутъ надъ нимъ послушники: ребята молодые, гладкіе, кой имъ песъ!.. Народъ, другъ, здѣсь тоже охъ-хо-хо! Грѣха-то конца краю нѣтъ... Чего имъ!.. Жизнь вольная... Харчъ хорошій... ихъ бы, вотъ, подъ пилу: узнали бы, на чемъ свинья хвостъ носитъ!..

Старый рабочій замолчалъ, свернулъ покурить, отошелъ отъ меня и легъ на нары.

LX.

Къ вечеру, послѣ ужина, пришелъ о. Зосима и принесъ „струментъ“: двѣ пилы, два топора, два колуна. Пилы были ржавыя, давнымъ давно не точеныя и не разводившіяся...

— Охъ, отецъ,—сказалъ дядя Юфимъ,—ужъ и струментъ же у тебя... Охъ-хо-хо!.. Ты бы хоть подпилокъ далъ да разводку... Я, може, пилы-то наладилъ бы.

— Подпилокъ! Что еще выдумалъ... Онъ сколько стоитъ-то? Три гривенника. А ты его сразу

Digitized by Google

изгадишь... Сойдетъ и эдакъ: по барину и говядина...

— Да намъ все едино... Смотри только, не взыскивай работу... На чиненомъ, отецъ, конѣ далеча не уѣдешь...

— Я хозяинъ! мое дѣло... Ты, рабъ Божій, я гляжу, пустословить любишь... А ты вотъ что: даютъ—бери, бьютъ—бѣги... не пустословь!.. Не люблю: я хозяинъ! Завтра утречкомъ поранѣ я васъ поставлю... Пилюкайте, да пилюкайте...

Онъ ушелъ... Дядя Юфимъ повертѣлъ въ рукахъ „струментъ“, разглядывая его, покачалъ головой и сказалъ:

— И ладно, ребята, мы сдѣлали, что поденно взялись... Зарѣзъ бы намъ былъ... Эва топоры-то: тѣсто рубить!..

. . . . . .

Утромъ, до восхода солнца, о. Зосима разбудилъ насъ и повелъ въ лѣсъ на работу. Идти пришлось довольно далеко,—версты за три, по плохой дорогѣ... Отецъ Зосима, повидимому, былъ не въ духѣ: онъ шелъ впереди и всю дорогу молчалъ.

Лѣсъ, куда онъ привелъ насъ на работу, былъ смѣшанный: ельникъ, осинникъ, береза... Преобладалъ, впрочемъ, осинникъ. Высокія, прямыя, „взводистыя“, какъ говорилъ дядя Юфимъ, до самой макушки голыя осины достигали огромной выши-

Digitized by Google

ны... Между ними было много сухихъ, стоявшихъ еще на корню, и много валялось по землѣ сгнившихъ или начинавшихъ гнить... Тутъ же валялось много хвороста, росла сочная, мягкая трава, и было сыро. Наверху шуршало и шумѣло море листьевъ... Со всѣхъ сторонъ доносилось разнообразное чириканье птичекъ...

— Вы, рабы Божьи, коли пойдетъ вѣтеръ, остерегайтесь,—сказалъ о. Зосима,—спаси Богъ, лѣсъ валится здѣсь здорово... Коли увидите, силенъ вѣтеръ—бросайте работу... Убьетъ... Тутъ вонъ, вишь, сушняку сколько... на чемъ держится только.. пхни рукой—упадетъ... особливо какъ мѣсто очистите... они другъ дружку держатъ... Рѣжьте на подъ рядъ, а кладка порознь... Осина къ осинѣ, береза къ березѣ... На швырокъ рѣжьте.. ну, елки, извѣстно, на бревна пойдутъ... Сушилку тоже въ дровишки... Мѣрка три четверти плаха... Кладка обыкновенная, рощинская.

— Ладно,—сказалъ дядя Юфимъ и спросилъ:— А какъ класть?..

— Все едино... кладите, какъ вамъ способнѣе, полсаженками, четвертками, восьмушками... все едино! Приступайте со Христомъ.

Мы раздѣлились на двѣ пары: Тереха-Воха съ Малинкинымъ, дядя Юфимъ со мной,—и, разойдясь, по указанію о. Зосимы, въ разныя стороны, принялись за работу...

Digitized by Google

Отецъ Зосима, постоявъ немного, посмотрѣлъ и ушелъ, сказавъ намъ:

— Ну, Христосъ съ вами, пилюкайте'.. Потрудитесь для преподобнаго... Увидите, - солнце на полдни встанетъ,—бросайте.. Обѣдать приходите...

Работать тупыми пилами было тяжело... Мы скоро запыхались и облились потомъ... Пилили, ставъ на колѣнки, подъ самый корень.

Высокія „взводистыя" осины падали съ трескомъ и шумомъ, ударяясь объ землю съ такой силой, что каждый разъ, въ особенности у сухихъ, отскакивала, точно срубленная топоромъ, макушка, или же отъ силы удара дерево ломалось пополамъ.

Сваливъ дерево и приступивъ къ другому, дядя Юфимъ измѣрялъ его снизу до верху глазами и каждый разъ говорилъ:

— Эва махина, аршинъ восемнадцать! Ну, Павлычъ, Господи благослови!..

Работа была очень трудна, въ особенности когда осина „зажимала"..

— Тьфу, окаянная!—сердился дядя Юфимъ,—зажала... чтобъ те издохнуть!.

Приходилось съ трудомъ вытаскивать пилу и начинать отрѣзъ съ другой стороны.

Случалось, что спиленное съ корня дерево не падало, а запутывалось вершиной тамъ гдѣ-то, на верху, останавливаясь въ наклонномъ положеніи;

Digitized by Google

тогда, крикнувъ Терешку и Малинкина, мы всѣ четверо брались за комель и оттаскивали его въ сторону до тѣхъ поръ, пока не освобождалась вершина, и дерево, ломая сучья, грохалось объ землю.

— Ухъ!—раздавался глухой ударъ, и эхо гдѣ-то въ сторонѣ тихо повторяло: —Ухъ...

— Трудно, матушка,—говорилъ дядя Юфимъ,—трудно!

Сваливъ по нѣсколько штукъ деревьевъ, мы, усталые, мокрые отъ пота, сошлись всѣ четверо и сдѣлали продолжительную „залогу“. Сидѣли долго, курили и разговаривали...

Отдыхать въ лѣсу было славно. Надъ нами, вверху, не смолкая, шумѣли безпокойныя осины... По сторонамъ чирикали птички, гдѣ-то куковала кукушка.. Лучи солнца, пробиваясь сквозь частую сѣтку вѣтвей и листьевъ, падали пятнами, играя по зеленому моху.

— Потрудимся для преподобнаго,—сказалъ дядя Юфимъ, поднимаясь,—авось зачтется... Начинай, ребята!..

Мы опять разошлись и начали пилить свалены деревья въ дрова. Это дѣло оказалось еще труднѣе.

Отпиливъ кое какъ первую самую толстую плаху („стулъ“, какъ говорилъ дядя Юфимъ) и посрубивъ съ дерева топорами сучья, мы брались

Digitized by Google

за комель, взваливали дерево на „стулъ“, такъ, чтобы толстый конецъ, аршина на два выдвигаясь впередъ, свѣшивался книзу и, во время пилки, не зажималъ пилу.

Покончивъ кое-какъ съ этимъ дѣломъ и отдохнувъ, я колуномъ началъ раскалывать чураки на двое, а дядя Юфимъ сталъ складывать ихъ въ четверку. За этимъ дѣломъ мы провозились долго, и солнце стояло уже высоко.

— Время обѣдать,—крикнулъ дядя Юфимъ:— О-о-пъ!..

— Опъ!—отликнулся Малинкинъ.

Мы попрятали „струментъ“ въ кусты и отправились въ монастырь. Монахи уже отобѣдали, и высокій, худой, грязный поваръ о. Савелій, сердясь, собралъ намъ отдѣльно.

— Вы, рабы Божьи, не опаздывайте,—сказалъ онъ.—Мнѣ тоже, небось, отдохнуть надо. Я съ двухъ часовъ не присяду... Чего такъ больно усердствуете, аль заслужить думаете?.. Здѣсь не заслужишь... А работа дураковъ любитъ... Вы вотъ что: какъ уд'арятъ къ достойной, такъ и бросайте: здѣсь порядокъ такой... А по вечеру зазвонятъ къ вечернѣ,—опять бросайте. А то и собирать не стану... Ну, васъ къ ляду! Лошадь я въ самъ-дѣлѣ, что ли?..

Пообѣдавъ, мы отправились въ рабочую. Пиль-

Digitized by Google

щики тоже уже отобѣдали и лежали на нарахъ—отдыхали. Насъ они встрѣтили съ усмѣшкой.

— Много ль напилюкали, отцы? — спросилъ старшій,—восьмушку вчетверомъ-то выставили, а?..

Дядя Юфимъ, молча, махнулъ рукой и полѣзъ на нары...

Пильщики засмѣялись..

LXI.

Прошла недѣля. Мы привыкли къ монастырю, освоились съ порядками, приглядѣлись къ монахамъ, хорошо узнали о. Зосиму, который только любилъ напускать на себя строгость и кричать ни къ селу ни къ городу: „я хозяинъ!“—а, въ сущности, былъ добрѣйшій человѣкъ.

Въ рощу мы ходили каждый день и, по совѣсти сказать, больше „залоговали“, чѣмъ работали... Совѣтъ повара о. Савелья: „какъ ударятъ къ достойной,—бросайте“ и „по вечеру зазвонятъ къ вечернѣ,—опять бросайте“ мы приняли близко къ сердцу...

Такая жизнь очень нравилась Терехѣ-Вохѣ.

Онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ:

— Малина, Павлычъ, а не житье—жисть здѣшняя... Истинный Господь! Харчи—помирать не надо.. Квасъ—сусло, работа легкая... Не ушелъ бы отседа!..

Digitized by Google

Насъ навѣщалъ по вечерамъ о. Пименъ. Онъ, какъ оказалось, былъ страстный рыболовъ и, какъ-то разъ пригласилъ меня идти на ночь ловить рыбу. Я согласился и съ тѣхъ поръ сталъ ходить съ нимъ почти каждую ночь.

Собравшись съ вечера, забравъ снасти, мы уходили изъ монастыря версты за три, на рѣку. Придя на мѣсто, закидывали удочки и, молча, сидѣли на берегу. Ночи были тихія, звѣздныя, прекрасныя. Съ низкихъ мѣстъ, съ болотъ, гдѣ стояли всю ночь похожіе на дымъ туманы, неслось неумолкаемое кваканье лягушекъ, блеянье бекасовъ, жалобное уханье выпи. Лишь только на землю спускалась ночь, и небо становилось темно-синимъ, въ воздухѣ являлись странные звуки; тихіе и жалобно-непонятные, они рождались сами собой, то усиливаясь, то смолкая, то сливаясь въ одну странную мелодію, наводившую на душу пріятно-сладкую жуть. Они рождались, замирали, таяли и снова оживали въ таинственной прелести ночи.

Къ полночи, когда рыба переставала брать, мы разводили небольшой огонекъ и ложились навзничь, подложивъ подъ себя широкій, старый подрясникъ о. Пимена, захваченный нарочно съ этой цѣлью.

Мы лежали и смотрѣли кверху. Прямо надъ

Digitized by Google

нами сіяло усѣянное звѣздами небо. Звѣзды мигали, гасли, падали и манили къ себѣ.

Какая-то тихая непонятная грусть наполняла душу... Хотѣлось не быть человѣкомъ, хотѣлось имѣть крылья.. Хотѣлось забыть все, подняться отъ земли, высоко-высоко, и потонуть навсегда тамъ, гдѣ бродятъ эти тихо мигающія, прекрасныя, манящія къ себѣ своей таинственной прелестью звѣзды.

Мы рѣдко говорили, но о. Пименъ часто пѣлъ тоненькимъ голоскомъ. Пѣлъ онъ грустныя вещи, и въ его пѣніи мнѣ слышались слезы и безъисходная тоска.

„Въ путь узкій ходшіи прискорбный,—тоненькимъ голоскомъ необыкновенно грустно выводилъ онъ,—всѣ въ житіи крестъ яко яремъ вземшіи, и мнѣ послѣдовавшіи вѣрою, пріидите насладитеся, ихже уготовахъ вамъ.—почестей и вѣнцовъ небесныхъ!“

И, помолчавъ, еще съ большею тоской начиналъ другое.

„Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную, нашу красоту безобразну и безславну, не имущу вида“ и т. д.

Передъ восходомъ солнца, когда ярко разгоралась заря и начинали пѣть птицы, когда листья на прибрежныхъ кустахъ и трава, и цвѣты бле-

Digitized by Google

стѣли, покрытые росой, мы шли обратно въ обитель и тамъ пили въ каморкѣ о. Пимена изъ грязнаго самоварчика чай или сушеную землянику.

Напившись, я шелъ черезъ дворъ, гдѣ было тихо и бродили только что проснувшіяся куры, въ рабочую и будилъ товарищей. Они лѣниво поднимались, долго зѣвали, умывались, крестились на образа и, наконецъ, послѣ долгаго „разламыванья“, отправлялись въ рощу, на работу.

LXII.

Подошло, такимъ образомъ, время покоса. Дни стояли прекрасные, солнечные, жаркіе, самые благодатные для этого дѣла. На заливномъ лугу, передъ монастыремъ, трава стояла по поясъ, съ густымъ плотнымъ подсѣдомъ.

Какъ-то разъ, поздно вечеромъ, когда мы уже легли на нары, пришелъ о. Зосима и объявилъ намъ, что наша работа въ лѣсу кончена.

— Косить завтра по утру,—сказалъ онъ,—давайте струментъ.

Мы сдали ему топоры, пилы и, очень довольные, снова улеглись спать.

— Еще, робята, недѣльку аль полторы живанемъ здѣсь да и того... на настоящую добычу!—сказалъ дядя Юфимъ:—Пора! Слава те Господи!

Digitized by Google

Утромъ о. Зосима позаботился разбудить насъ, когда еще чуть-чуть начинало брезжить. Онъ принесъ намъ новыя, повидимому, только что наканунѣ отбитыя косы и брусочницы съ зеркальцами, въ которыхъ торчали тоже совсѣмъ еще новые бруски.

Осмотрѣвъ косы и, перевязавъ ручки, мы отправились за о. Зосимой къ святымъ воротамъ. Здѣсь мы услышали по ту сторону стѣны разговоръ и топанье: это шли косцы. Калитка отворилась настежь, и въ нее, другъ за другомъ, стали выходить послушники съ косами въ рукахъ. Ихъ было человѣкъ двадцать пять, народъ все молодой, здоровый, сытый... Одѣты были всѣ одинаково: въ бѣлые длинные подрясники-балахоны. На головахъ были чернаго цвѣта шапочки, по формѣ похожія на поповскія „камилавки“. На ногахъ опорки на босу ногу. Каждый былъ подпоясанъ, кто узенькимъ ремешкомъ, кто веревочкой, и на этихъ ремешкахъ и веревочкахъ висѣли жестяныя брусочницы, тоже съ зеркальцами, какъ и у насъ.

Отецъ Зосима, успѣвшій уже, повидимому, „клюнуть“, съ покраснѣвшимъ носомъ, необыкновенно серьезный и растопырившійся, какъ индѣйскій пѣтухъ, повелъ насъ на лугъ.

Съ рѣки поднимался бѣлый туманъ. Здѣсь было сыро, и трава стояла, наклонившись, мокрая отъ росы.

Digitized by Google

Отмѣривъ шаговъ 70 по берегу рѣчки, о. Зосима остановился и сказалъ:

— Атседа начинайте!

Высокій, рыжебородый, долговолосый послушникъ, вышелъ впередъ и, поточивъ косу, предварительно зачерпнувъ въ рѣчкѣ воды въ брусочницу, сказалъ:

— Свальникъ, что-ль, отецъ?..

— А ты, небось, не знаешь,—усмѣхнулся о. Зосима,—махонькой, что ли, аль баринъ изъ лягавыхъ?.. Чай, видишь: знамо, свальникъ.

— Да я такъ,—произнесъ послушникъ и, поправивъ на головѣ шапочку и поплевавъ въ руки, пошелъ...

Жикъ! Жикъ!—раздался пріятный звукъ подъ его косой,—жикъ, жикъ...

За этимъ послушникомъ, давъ ему отойти шага четыре, тронулся другой, третій, четвертый...

Мы пошли въ концѣ.

Трава была густая, мѣстами полегшая, спутанная и крѣпкая на̀ косу... Прокосы необыкновенно длинные... Часто попадались кочки, которыя приходилось обкашивать, что задерживало работу, и приходилось торопиться.. Подъ ногами кое-гдѣ хлюпала вода.. Косу приходилось точить то и дѣло.

Дойдя до конца прокоса, почти подъ самую монастырскую стѣну, шедшій впереди послушникъ

Digitized by Google

остановился, обтеръ полой балахона потное лицо и, подождавъ немного, когда подойдутъ другіе, началъ дѣлать свальникъ.

Подъ косой трава ложилася,
Подъ серпомъ горѣла рожь...—

запѣлъ онъ вдругъ густымъ басомъ, покатившимся по лугу и отозвавшимся по ту сторону рѣки въ сосновомъ бору:

Ка-а-тя часу не спала!..

— Вотъ я те задамъ!—завопилъ о. Зосима, перебивая:—Игумену скажу... Ахъ ты, рыжій, красный... Молчать! Я—хозяинъ! Не вводи во искушенье... Ахъ ты, лодарь гладкій!..

Послушникъ громко захохоталъ и крикнулъ:

— Я хозяинъ!

— Я хозяинъ! Я хозяинъ!—подхватило нѣсколько голосовъ.

— Я хозяинъ! Я хозяинъ!—громко и необыкновенно внятно отвѣтило изъ сосноваго бора эхо.

— Молчать!—пуще прежняго завопилъ о. Зосима, въ ярости затопотавъ ногами.—Ахъ вы, лодари! Кашу вамъ жрать только!.. Игумену скажу... Косите, косите, вамъ говорятъ!.. Встали, жеребцы стоялые!..

— Я хозяинъ!—опять крикнулъ кто-то.

— Озорной народъ,—вполголоса замѣтилъ дя-

Digitized by Google

дя Юфимъ.—Да что имъ, правда... Ишь мордыто—лопнуть хотятъ... Жеребцы и есть!..

Между тѣмъ взошедшее солнце начинало сильно припекать; трава сохла, и косить становилось труднѣе.

— Коси коса, пока роса,—сказалъ дядя Юфимъ, начиная третій прокосъ. — Роса долой, и мы домой.

Прошли еще по прокосу. Солнце стояло уже высоко. По времени пора уже было идти завтракать. Но о. Зосима, казалось, и не думалъ объ этомъ. Онъ ходилъ, заложивъ руки за спину, и покрикивалъ:

— Поуспѣшнѣе, рабы Божьи, поуспѣшнѣе!.. Еще прокосикъ, другой... поуспѣшнѣй!..

Прошли еще по прокосу, и рыжій, ходившій впереди послушникъ, бросивъ на землю косу и обтеревъ, какъ и давеча, полой балахона потное лицо, сказалъ:

— Довольно!.. Жрать пора... Эна какую махину смахнули!..

И правда, скосили много... Высокіе, „пухлявые“ валы лежали, какъ гряды.

— Возовъ десятокъ ахнули!

— Болтай!—крикнулъ на него о. Зосима:— Больно много насчиталъ... Скажи пять—и то ладно! Еще бы по прокосику...

— Пять!—передразнилъ его послушникъ.—Эхъ

Digitized by Google

ты „я хозяинъ“!.. Пойдемъ-ка, пойдемъ, нечего разговаривать... Подноси по банкѣ...

— Только объ этомъ и думаешь,— проворчалъ о. Зосима,— налакаться бы поскорѣе...

Недовольный, онъ пошелъ, однако, къ монастырю. Закинувъ за плечи косы, звякая на ходу брусками, и мы всѣ отправились за нимъ.

LXIII.

Въ трапезной приготовленъ былъ завтракъ: капуста съ квасомъ, картошка со свеклой и оставшаяся отъ вчерашняго ужина черная каша.

Послушники не садились за столъ, ожидая о. Зосиму, который пошелъ къ о. эконому за водкой.

Вскорѣ онъ пришелъ, весь запыхавшись, неся подъ мышкой „гудуху“, и, кромѣ того, въ карманахъ подрясника торчали у него еще двѣ бутылки.

Радостный гулъ голосовъ встрѣтилъ его. Лица у всѣхъ какъ-то расцвѣли, стали радостныя, добрыя... О. Зосиму окружили...

У многихъ изъ послушниковъ оказалась припасенная заранѣе посуда: у кого половинка, у кого бутылка. Эти запасливые люди, оказывалось, копили водку, выливая свои „банки“ въ посуду до тѣхъ поръ, пока она не наполнялась до краевъ, и тогда уже водка выпивалась вся сразу...

Digitized by Google

— Чего пить стакашками? Лизнешь—и не попахнетъ... То ли дѣло сразу... Пить—такъ пить, чтобы покачивало!..

О. Зосима дрожащими отъ волненія руками открылъ пробку и началъ небольшимъ граненымъ стаканчикомъ („семерикомъ“) обносить косцовъ.

Тѣмъ, которые „отливали“, онъ велѣлъ подходить послѣ. Такихъ оказалось человѣкъ восемь. О. Зосима, наливая имъ „банки“, сказалъ:

— Пьяницы вы, пьяницы горчайшіе!. Зависть у васъ... нажраться до безчувствія.. Эхъ, вы!..

Когда всѣ выпили, и водки еще осталось много, о. Зосима сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Рабы Божьи, подходите!..

Мы не заставили повторять предложеніе и подошли

— Гоже! сказалъ дядя Юфимъ, выпивъ и утеревъ рукавомъ губы.—Съ устатку-то гоже... Спаси Христосъ!..

Сѣли за столъ. О. Зосима, забравъ оставшуюся водку, ушелъ. Мы остались одни, и за столомъ пошелъ веселый, оживленный разговоръ, смѣхъ, шутки...

— Ну и жизнь здѣсь,—наклонившись ко мнѣ, тихо произнесъ Тереха-Воха,—истинный Господь, помирать не надо!

— Нравится?

— Жуть!

Digitized by Google

— Оставайся совсѣмъ...

— Что ты... очумѣлъ? Чай, мнѣ жениться надыть... Такъ я говорю..

Послѣ завтрака косцы-послушники разошлись по кельямъ спать, а мы, не видя о. Зосимы и не зная, что теперь дѣлать, тоже завалились въ рабочей на свои нары. Но долго намъ лежать не пришлось: явился о. Зосима, веселый, разговорчивый, красненькій, по всѣмъ признакамъ сильно выпившій, и весело крикнулъ:

— Эй, рабы Божьи!.. Что это вы... спать? Сонъ пагуба... Подите валы бить... Тамъ вонъ у крыльца грабли... Вёдро Господь посылаетъ.. Много хлопотъ мнѣ теперича предстоитъ... Да!.. Одинъ я... за всѣмъ догляди... упустишь вѣдь часъ—все пропало... Я ужъ давно этимъ дѣломъ завѣдую... полная моя власть.. Я хозяинъ!.

Нечего было дѣлать—мы вышли изъ рабочей, взяли грабли и отправились на лугъ. Здѣсь уже человѣкъ десять пожилыхъ монаховъ потихоньку ходили и разбивали „граблевищами“ валы. Работа шла лѣниво, неохотно, черезъ пень колоду.

Мы присоединились. Крайній монахъ, съ длинной сѣдой бородой, худой и горбоносый, съ выпуклыми непріятными глазами, покосился на насъ и какъ-то прошипѣлъ:

— Лодари... Кашу только жрать пришли сюды, необузданные!..

Digitized by Google

— Не болѣ твоего, отецъ, жремъ,— отвѣтилъ Малинкинъ,— чего ты насъ попрекаешь.. не твое...

— Молчи!..

— А ты, что за птица такая выискалась, чтобъ я передъ тобой молчать сталъ... Начальство здѣшнее, что ли?

— Отстань, деревня!—крикнулъ монахъ и, закинувъ грабли на плечо, торопливо отошелъ отъ насъ въ сторону на другой валъ, сердито на ходу оглядываясь и сверкая глазами.

— Во, лѣшманъ-то!—произнесъ Малинкинъ.

— Лѣшманъ и есть!—согласился дядя Юфимъ.

LXIV.

Разбивъ валы, мы вмѣстѣ съ монахами опять пошли въ монастырь.

Отошла поздняя обѣдня, и позвонили къ обѣду. Пообѣдавъ, я отъ нечего дѣлать сталъ бродить по монастырю. Зашелъ на кладбище, осмотрѣлъ незатѣйливые памятники, почиталъ надписи, подумалъ о смерти; потомъ забрелъ на пчельникъ, гдѣ старый, глуховатый монахъ о. Афмилозій радостно предложилъ мнѣ понюхать съ нимъ табачку изъ берестовой тавлинки.

Вернувшись въ ограду, я увидѣлъ о. Зосиму, который шелъ, покачиваясь изъ стороны въ сто-

Digitized by Google

рону, по направленію къ высокому столбу съ колоколомъ.

Подойдя къ столбу, онъ остановился, подумалъ, посмотрѣлъ на солнце и, бормоча что-то, схватился за конецъ веревки обѣими руками.

Дернувъ нѣсколько разъ, онъ вдругъ поскользнулся, поѣхалъ ногами впередъ и упалъ навзничь, не выпуская, однако, изъ рукъ веревки. Его клинообразная борода торчала кверху, колпакъ свалился... Онъ, лежа, дергалъ за веревку и бормоталъ:

— Я хо-о-зяинъ...

Я сталъ его поднимать.

— Я хозяинъ!—закричалъ онъ, тараща на меня пьяные, одурѣвшіе глаза.—Во-о-о-рошить... Я хозяинъ...

Между тѣмъ, на звонокъ собирались монахи и послушники. О. Зосима вырывалъ у меня руку и кричалъ:

— Я хозяинъ...

Мнѣ надоѣло возиться съ нимъ, и я предоставилъ поднимать его подошедшимъ къ мѣсту происшествія монахамъ. Но послѣдніе не торопились поднимать: это для нихъ было развлеченіемъ, случавшимся въ годъ разъ. Слышался смѣхъ, сыпались различнаго рода замѣчанія и остроты.

— Довѣрили козлу огородъ!—сказалъ кто-то:—вотъ такъ „я хозяинъ“!

Digitized by Google

— Поднимите его, — сказалъ, наконецъ, худощавый, серьезный монахъ.—Грѣхъ смѣяться... не хорошо.. Чужіе люди ходятъ... обители конфузъ.. Братъ Григорій! Иванъ! сведите его въ келью.. Охъ, грѣхи тяжкіе... Игуменъ тоже: знаетъ -- человѣкъ слабъ... нѣтъ, каждый годъ такъ-то ..

— Жалѣетъ его игуменъ... обидѣть старика не хочетъ,—сказалъ другой.

— Братъ Григорій! Иванъ!—уже строго сказалъ серьезный монахъ: — берите подъ руки... ведите... А вы расходитесь,—обратился онъ къ другимъ,— не хорошо... грѣхъ.. со всякимъ можетъ случиться... грѣхъ смѣяться... вспомните Ноя!

Два послушника подхватили о. Зосиму, все еще кричавшаго „я хозяинъ“, и потащили почти волокомъ въ келью.

LXV.

Время шло... Проработавъ еще съ недѣлю, мы объявили о Зосимѣ о своемъ желаніи покинуть монастырь.

— Дѣло ваше,—нахмурясь, видимо недовольный, сказалъ онъ.—Знамо, человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше... Поработали на преподобнаго... хорошее дѣло сдѣлали... Остались бы еще на недѣльку!

— Нѣтъ, отецъ, намъ разсчета нѣтъ оставаться.. Ослобони!—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

Digitized by Google

— Дѣло ваше! — опять повторилъ о. Зосима и спросилъ: — Много-ль вы денъ здѣсь жили?..

— Да ты, чай, знаешь.

— Надо къ казначею сходить... Вы когда уй дете-то?

— Да нонѣ... получимъ разсчетъ, отслужимъ молебенъ преподобному, да и со Христомъ!

— Ну, ладно... схожу ужо къ казначею. Пачпорта ваши у него тоже... Только вотъ что, рабы Божьи... половинку съ васъ...

— Какъ же такъ, отецъ въ тѣ поры половинку, опять половинку... больно много половинокъто... У насъ деньги тоже не шальныя...

О. Зосима нахмурился.

— Ну, какъ знаете, — сказалъ онъ, — ваше дѣло... Подождать вамъ денекъ — другой придется... пожить на страннѣ...

— Что такъ?

— Да о. казначею нездоровится... Какъ его безпокоить?.. Нельзя безпокоить! Погодить придется...

— Ну, ну! — покачалъ головой дядя Юфимъ. — Ловко! А ты ужъ, о. Зосима, того... не обижайся... половинку тебѣ въ зубы... Господь съ тобой... грабь! Не ты, такъ другой... Гдѣ наше не пропадало...

О. Зосима улыбнулся и сказалъ:

— Другъ объ дружкѣ — Богъ обо всѣхъ... А намъ гдѣ взять?

Digitized by Google

Онъ сходилъ къ казначею, принесъ наши паспорта, деньги, и мы, пообѣдавъ въ послѣдній разъ на трапезной, попрощавшись съ о. Зосимой, Пименомъ и отслуживъ молебенъ, покинули монастырь.

LXVI.

Прошло два дня... Мы отошли верстъ за шестьдесятъ, нигдѣ не найдя работы. По деревнямъ только что начинали косить усадьбы, а настоящаго покоса еще не было.

Мѣстность, гдѣ мы проходили, была глухая, лѣсная... Народъ по деревнямъ жилъ, по выраженію дяди Юфима, сѣрый, лапотники, говорившіе на *о* и смотрѣвшіе на насъ подозрительно.

Наконецъ, на третій уже день къ вечеру, придя въ большое село Уткино, напившись въ трактирѣ чаю, мы разговорились съ хозяиномъ, и онъ, узнавъ въ чемъ дѣло, предложилъ намъ остаться у него.

— Завтра—воскресенье, помочь у меня будетъ... пять человѣкъ придутъ... Коли желаете косить, косите за водку... Ну, а опосля завтра, въ понедѣльникъ, начнете, какъ надо...

— А много-ль положишь? — спросилъ дядя Юфимъ.—Знамо ужъ, харчи твои, чай твой.

Трактирщикъ долго и упорно торговался съ нами, но, наконецъ, сошлись на полтинникѣ. Мы отдали ему паспорта и остались.

Digitized by Google

— Такъ завтра по утру помочь у меня,—опять повторилъ хозяинъ.—Водку-то пьете?..

— Пьемъ... Какъ, чай, не пить...

— Ну, и отлично... Косы у меня есть... побить надо только .. бой тоже есть... молотокъ, бабка... Нонѣ, пока засвѣтло, побили бы косы-то .. Спать на дворѣ будете... стойло тамъ пустое есть... солома.. Вамъ гоже будетъ, мягко... Въ избѣ-то тѣсно.., бабы... то, се...—Онъ обернулся отъ стойки къ стѣнѣ и постучалъ въ нее кулакомъ: — Эй, Марья, поди сюда...

— Сейчасъ! - послышался за стѣной тонкій голосъ, и, немного погодя, въ трактиръ, громко хлопнувъ въ сѣняхъ дверью, вошла толстая, какъ копна, баба.

— Чаво?—спросила она.

— Проводи вотъ робятъ въ стойло, гдѣ солома, укажи имъ... Да дай косы... на сушилѣ онѣ... сыми тамъ... бой дай... Гдѣ онъ, не знаешь?.

— Чай, на палатцахъ... тамъ валялся, словно.

— Сыщи... Побейте косы-то, а тамъ ужинать... Марья, ты имъ ужо налей похлебать... мурцовку, что ли, сдѣлай, коли щей не хватитъ.

— Ладно!—отвѣтила баба.—Кто ихъ зналъ, что придутъ... щей-то мало .. Пойдемте...

Она провела насъ на дворъ, указала стойло, гдѣ намъ предназначалось жить, сняла съ сушила косы и принесла бой.

Digitized by Google

Мы вышли на задворки, гдѣ лежала толстая очищенная „лага“, и, заколотивъ въ нее „бабку“, пристроивъ колъ съ веревочкой, на которую вѣшалось косье, стали бить косы.

Косы оказались старыя, ржавыя, къ бою мягкія; во время работы такія косы приходится безпрестанно точить, иначе онѣ не будутъ рѣзать, и тогда приходится ими не косить, а, какъ говорятъ, „тяпать“, т. е. налегать на плечо, брать на силу.

— Ну, ребята, вотъ такъ косы!—ворчалъ дядя Юфимъ:—эдакими косами траву только мучить.

Покончивъ съ точеньемъ мы пошли въ свое стойло и легли на солому, поджидая, когда позовутъ ужинать. Стемнѣло... Изъ поля пригнали скотину, и мы очутились въ пріятномъ сосѣдствѣ съ коровами, лошадьми, овцами...

— Неужто-жъ мы этого только и стоимъ, — ворчалъ дядя Юфимъ.—чтобы вмѣстѣ со скотомъ... Ишь, духъ какой тяжелый... Да и сыро... Ну-ну!..

Подоивъ коровъ, толстая баба позвала насъ въ кухню ужинать, для чего устроила намъ мурцовку съ кислымъ жиденькимъ кваскомъ, съ зеленымъ лукомъ и снетками и, поставивъ на столъ чашку, сказала:

Не взыщите... болѣ ничего нѣтъ.

Мы поѣли этой мурцовки и, прозябнувъ (квасъ былъ холодный), пошли спать.

Digitized by Google

— Коли такъ станетъ кормить, — сказалъ Малинкинъ,—то ну его къ лѣшему и съ работой!

LXVII.

Утромъ, еще солнце не вставало, хозяинъ разбудилъ насъ.

— Вставайте .. пора... Скоро, чай, мужики придутъ.

Мы встали и пошли къ колодцу, достали воды и умылись. Немного погодя, пришли и мужики.

— Здорово, ребятушки, здорово милые!—весело привѣтствовалъ ихъ трактирщикъ, радостный и довольный ихъ приходомъ, равно какъ вёдреным утромъ,—спасибо, пришли... Погода-то больно хороша... Неохота упустить ведро...

Утро, дѣйствительно, было прекрасное. Солнце еще не взошло, но уже весь востокъ горѣлъ, какъ въ огнѣ. Кое-гдѣ разбросанныя золотыя облачка разстилались по небу и уходили куда то, словно таяли. Въ чутко дремлющемъ утреннемъ воздухѣ начинали раздаваться живые звуки: вотъ, гдѣ-то вдали послышалось тонкое ржанье жеребенка... вотъ заблеяли овцы... пастухъ заигралъ на жалѣйкѣ пѣсню, ясно выговаривая:

Ка-а-акъ на зорькѣ было на зорѣ,
Да на зарѣ было на утренней...
Та-а-а-мъ дѣвушка коровушку доила.

Digitized by Google

Влажный вѣтерокъ набѣгалъ волной... Подъ горой, вдали, дымилась рѣчка... Роса крупными алмазами блестѣла на травѣ; тихо шушукались листья; медовый запахъ шелъ отъ цвѣтущей липы; надъ этой липой уже кружились и гудѣли пчелы, а съ поля доносились крики перепеловъ и пѣніе жаворонковъ.

— Ну, братцы, идемте,—сказалъ трактирщикъ,—пора... Сейчасъ, гляди, и солнышко выглянетъ.

Онъ пошелъ въ переди... Мужики и мы, брякая брусками въ брусочницахъ, гуськомъ потянулись слѣдомъ. Идти до лужка, какъ оказалось, было съ версту. Трактирщикъ повелъ насъ, чтобы сократить путь, не по дорогѣ, а межой, черезъ овесъ.

Зеленой чертой ложились наши слѣды по росистой травѣ. На межѣ росли полынь, кашка, мята, издававшая сильный запахъ. Въ овсѣ по сторонамъ кричали перепела; жаворонки то и дѣло взвивались кверху и быстро падали опять, точно камушки. Заяцъ-русакъ, весь мокрый отъ росы, выскочилъ изъ овса на межу, увидалъ насъ, и присѣлъ; послушалъ, шевеля ушами, и пустился бѣжать по межѣ, вскидывая задомъ.

— Держи!—крикнулъ идущій въ переди трактирщикъ.

— Держи!—звонко раздался его голосъ въ сосѣднемъ лѣсу.

Придя на мѣсто, трактирщикъ остановился, до-

Digitized by Google

сталъ изъ кармана пиджака платокъ, утеръ лицо и сказалъ:

— Ну, вотъ, Прохоръ, начинайте... Вонъ до энтаго мѣста, до барской канавы... Ты передомъ-то пойдешь?

— Да все одно, чай...

— Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, иди ты... Ужъ я тебя знаю... имъ противу тебя не выстоять..

— Конфузишь, Илья Михайлычъ,—отозвались мужики.—Нѣшто мы косить не умѣемъ, аль не кашивали?..

— Ну, ладно... передомъ, такъ передомъ,—сказалъ мужикъ, котораго трактирщикъ назвалъ Прохоромъ, и сталъ точить косу.

Мы всѣ послѣдовали его примѣру. Звучное лязганье далеко понеслось по чуткому утреннему воздуху.

— А и прокосы длинны будутъ!—сказалъ Прохоръ, отточивъ косу и сунувъ брусокъ въ брусочницу.—Такъ до канавы, говоришь?.

— До канавы... до самой канавы.

— Ладно... Ну, ребята, не отставать... Прокоса по три до завтрака отмахнемъ.... Господи, благослови!

Онъ поплевалъ на ладони, отставилъ немного впередъ лѣвую ногу, взмахнулъ косой и пошелъ. Худой мужикъ, тощій и длинный, подождалъ немного, далъ ему отойти и тоже пошелъ.

Digitized by Google

Пройдя шаговъ двадцать, идущій впереди мужикъ остановился, нагнулся, поднялъ горсть травы, обтеръ косу, поточилъ ее и, подождавъ, когда мы сдѣлаемъ то же, опять пошелъ. Казалось, онъ не косилъ, а игралъ. Коса у него не рѣзала, а, какъ говорятъ мужики, „мылила“. Тщедушный, длинный мужикъ, идущій за нимъ, торопливо махалъ со всего плеча,—„тяпалъ“, стараясь не отставать.

Дойдя до канавы, идущій впереди мужикъ, повернулся, поточилъ и началъ дѣлать свальникъ. Густой, высокій валъ ложился позади его.

— Ну, и травка!—громко сказалъ онъ подошедшему хозяину.

— А что... хороша?—радостно спросилъ тотъ.

— Малина!.. Не сѣно будетъ, а свинина! Въ каждомъ возу пудъ меду... Вишь, не прорѣжешь... кашка... пырей... Зародитъ же Господь!..

— Ха, ха, ха!—радостно засмѣялся трактирщикъ,—и то хороша.

— А, чай, дарма досталась... за много-ль взялъ?

Трактирщикъ не отвѣтилъ на вопросъ и сказалъ:

— Ну, ладно... косите, а я пойду... Закусить тамъ принесу... водочки... Косите!

— Ступай со Христомъ!—откликнулись мужики.—Ступай... не сумлѣвайся... не подгадимъ...

Трактирщикъ ушелъ... Мы докончили по про-

Digitized by Google

соку и, видя, сто трактирщикъ скрылся изъ глазъ, сѣли курить...

LXVIII.

— Кури, ребята, отдыхай!—сказалъ старшій мужикъ, Прохоръ.—Ну, его къ лѣшему... Задаромъ норовитъ... Успѣемъ... Выпьемъ, вотъ, толи разговоръ другой...

— Принесетъ, небось, бутылку,—сказалъ другой,—наперсткомъ обносить будетъ... Дьяволъ, выжига!.. Коли-бъ не долженъ, не въ жисть не пошелъ бы.

— А вы, робята, что-жъ у его нанялись, что ли?—спросилъ Прохоръ, обращаясь къ намъ.

— Нанялись,—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Какъ цѣна-то?

— Полтина.

Мужикъ ухмыльнулся и сказалъ:

— Глядите въ оба... Выжига! Норовитъ на грошъ пятаковъ сцопать.

— Ну?..

— Лѣтось меня такъ нажогъ... Заложилъ я у него шерсть за три съ четвертью, пришелъ выкупать... Насчиталъ на меня проценту... четыре съ гакомъ содралъ... во какъ! А допрежь-то что дѣлалъ, до винополіи этой самой!.. Бывалочка (кабакъ онъ держалъ) принесешь курицу,—стоитъ скажемъ, гривенникъ, „на, говоритъ, возьми три

Digitized by Google

монеты"... Всѣмъ бралъ, разбойникъ... Онъ деньги-то, ишь, въ Москвѣ нажилъ: обобралъ кого-то... баютъ, придушилъ...

— А то что-жъ, и вѣрно!—сказалъ тощій мужикъ:—отъ святой жизни, думаешь, разбогатѣешь? Какъ же? Пустишь душу въ адъ, будешь богатъ... Онъ вонъ жену свою родную.. Стойте, робята!—перебилъ онъ самъ себя:—идетъ?.

— Идетъ и есть.. Коси, робята!..

Мужики вскочили и дружно принялись за работу, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ идущаго полемъ подъ гору трактирщика.

Онъ подошелъ, неся въ правой рукѣ узелокъ, а подъ лѣвой—четвертную, положилъ все это на землю, утеръ лицо платкомъ и, немного подождавъ, вѣроятно, думая про себя: „ишь, мошенники, навалились... диви, я не знаю!"—крикнулъ:

— Ребятушки, подходи!

Но „ребятушки", какъ будто, не слыхали его крика: никто не оглянулся.

Трактирщикъ подождалъ и опять крикнулъ:

— Прохоръ, подходите! Говорю: бросайте!

— Погоди!—отвѣтилъ Прохоръ,—прокосъ пройдемъ.. Успѣемъ... время терпитъ... Стараемся для твоего здоровья!..

Пройдя прокосъ, онъ обтеръ косу, закинулъ ее за плечо и, не торопясь, пошелъ къ трактирщику.

Остальные мужики сдѣлали то же.

Digitized by Google

Всѣ мы окружили его, и каждый изъ насъ старался не глядѣть на стоявшую, прислонясь бокомъ къ кочкѣ четвертную. Всѣ мы занялись совсѣмъ ненужнымъ теперь дѣломъ: кто разглядывалъ косу съ такимъ видомъ, какъ будто ее, надоѣвшую до смерти, видитъ въ первый разъ, кто полоскалъ брусочницу, кто вертѣлъ курить...

— Ну, братцы, съ начатіемъ... Приступайте... Прохоръ... Аксенъ... какъ васъ тамъ... подходите!..

Прохоръ подошелъ, взялъ въ лѣвую руку налитую водкой чашку, перекрестился правой на сельскую церковь и, прежде чѣмъ выпить, сказалъ:

— Дай Богъ тебѣ управиться за погоду... Да и трава же—не прорѣжешь! Индо всю поясницу разломило... истинный Господь!

Онъ выпилъ, утерся рукавомъ, передалъ чашку трактирщику, потянулся за кускомъ селедки, осторожно взялъ его двумя пальцами и спросилъ:

— Почемъ селедки-то продаешь?

— Подходи! подходи!—крикнулъ трактирщикъ.

„Обнеся“ всѣхъ, онъ вдругъ, сдѣлавъ серьезное лицо, энергично заткнулъ пробкой четвертную, молча показывая этимъ, что, дескать, довольно.

— Ну, братцы,—сказалъ онъ,—выпили, закусили, начинать пора, а то жарко будетъ...

Digitized by Google

— Дѣйствительно, пора,—отозвались мужики, не трогаясь, однако, съ мѣста,—да и трава—погибель! Зародилъ же Царь Небесный!.. Какъ махнулъ—такъ копна! Много ты сѣна уберешь.

Трактирщикъ только вздохнулъ на это, обвелъ насъ всѣхъ глазами, взялъ посудину и сказалъ:

— Вотъ что, братцы, поднесу я вамъ еще по махонькой, а ужъ вы того... поналяжьте... Ужо, по окончаніи, угощенье само собой будетъ... До пьяна напою!

— Да мы, нѣшь, изъ корысти,—загалдѣли мужики,—какъ себѣ.. Нѣшь вина не видывали, что ли... Да мы его и пить-то путемъ не умѣемъ!

Трактирщикъ, молча, хмурясь, съ недовольнымъ лицомъ и, вѣроятно, думая про себя: „Знаю я васъ... за водку отца родного продадите“, сталъ обносить по другой, но только не по полной.

Эта другая быстро „забрала“ мужиковъ. Они стали поговаривать по другому. Лица покраснѣли, глаза стали свинцовые...

— Ну, братцы, давай!.. Начинай!—орали они, не трогась съ мѣста.—Прохоръ, заходи!.. Смахнемъ нонѣ тебѣ... Убирай, не зѣвай! Захаръ, неча лясы-то точить... дѣло дѣлать надыть... Заходи... Господи, благослови!..

— Начинайте, братцы!—сердито крикнулъ трактирщикъ.—Ужо наговоритесь... будетъ время.

— Мы со всѣмъ усердіемъ... какъ себѣ, такъ и

Digitized by Google

тебѣ!—орали мужики и, наконецъ, кое-какъ успокоившись, стали косить.

Трактирщикъ пробылъ около насъ съ часъ времени, въ продолженіе котораго мы усердно работали; но какъ только онъ ушелъ домой, мужики бросили косить и сѣли.

Солнце стояло уже высоко и дѣлалось жарко Въ селѣ отзвонили къ обѣднѣ.

— Бросать надо,—сказалъ тощій мужикъ,—коего чорта, въ самъ дѣлѣ... Посидимъ вотъ, курнемъ да и айда!..

— Погоди, вотъ ударятъ къ достойной, тогда и пойдемъ,—сказалъ другой.

— Еще по прокосику сдѣлать бы не грѣхъ,—вступился въ разговоръ дядя Юфимъ.

— А ты, старый шутъ, не суйся впередъ отца въ петлю!—осадилъ его тощій мужикъ.

— Старъ селезень, да уха сладка,—отвѣтилъ ему дядя Юфимъ.—Ваше дѣло одно, наше другое!..

— Ну, и дери васъ чортъ, ломайте...

Ударили къ „достойной“, и мы, бросивъ косить, вмѣстѣ съ мужиками отправились въ село. Солнце стояло высоко, и было жарко... Роса давнымъ-давно сошла, и въ травѣ громко кричали кузнечики-сверчки.

Digitized by Google

Передъ окнами трактира стоялъ приготовленный для насъ столъ. На столѣ лежалъ уже нарѣзанный кусками черный хлѣбъ и стояло деревянное ведерко съ квасомъ.

Повѣсивъ косы на сучья рябины, мы сѣли на землю въ тѣнь и стали курить.

Вскорѣ вышла изъ трактира работница и поставила на столъ закуску: „холодное“, соленые огурцы, селедки, кислую сѣрую капусту. За ней показался хозяинъ съ четвертной подъ мышкой и съ чайнымъ стаканомъ въ рукѣ.

— Садитесь, православные... милости просимъ!— сказалъ онъ и, обернувшись къ работницѣ, добавилъ:—Марья, убери-ка косы то ихнія... спрячь пакеда отъ грѣха

— Боишься?—съ улыбкой произнесъ тощій мужикъ.

— Мы учены,—отвѣтилъ трактирщикъ,—лѣтось перерѣзались... Садитесь,—опять произнесъ онъ,—милости просимъ!

Мы усѣлись за столъ. Трактирщикъ сталъ „обносить“ большимъ чайнымъ стаканомъ. Дѣлалъ онъ такъ для того, чтобы сразу ошеломить „православныхъ“ и, благодаря этому, выпоить меньше водки и израсходовать закуски... И разсчетъ его оказался замѣчательно вѣрнымъ. Послѣ перваго же выпитаго стакана мужики „обалдѣли“ и совсѣмъ почти не закусывали... Трактирщикъ, не

Digitized by Google

теряя времени, сейчасъ же началъ „обносить“ по другому разу изъ другой четверти, принесенной работницей... Мужики выпили съ жадностью, и, когда, немного погодя, совершенно опьянѣли, началась обычная безобразная гульба, окончившаяся въ концѣ концовъ дракой..

LXIX.

Хозяинъ, дѣйствительно, какъ говорили мужики, оказался „выжигой“. Мы прожили у него всего лишь четыре дня и ушли, пожелавъ ему... всего нехорошаго...

Кормилъ онъ насъ отвратительно, будилъ на работу часа въ два ночи, когда еще было темно, и морилъ на работѣ до самаго поздняго вечера... Ужинали съ огнемъ, спали въ хлѣву... Кромѣ того, разъ ночью онъ поѣхалъ съ нами въ барскій лѣсъ и заставилъ украсть 30 штукъ слегъ...

При разсчетѣ, не додалъ по пятачку, ссылаясь на то, что Тереха-Воха нечаянно оборвалъ у него косу объ пенекъ.

— Подавись ты нашими деньгами! — сказалъ ему на прощанье Малинкинъ:—Прохвостъ!.. Своего брата грабишь... Отольются тебѣ наши деньги...

— Идите... идите!—кричалъ трактирщикъ,—а то урядника призову... Злая рота!..

Мы ушли... Купивъ затѣмъ въ уѣздномъ зем-

Digitized by Google

ствѣ собственныя косы, мы подрядились косить у богатаго, торговавшаго краснымъ товаромъ, купца, „въ лугахъ“.

Тамъ, въ „лугахъ“, мы и жили въ шалашѣ. Хозяинъ-купецъ остался нами доволенъ,—при разсчетѣ далъ „на чай“ и, весело улыбаясь, сказалъ:

— Приходите, ребята, на то лѣто, ждать буду... На совѣсть работали!..

Послѣ Ильина дня, когда сжали рожь, мы продали наши косы, вооружились цѣпами, или, какъ выражался Тереха-Воха, „тяпками“ и „ударились“ по молотьбѣ... На этомъ дѣлѣ мы заработывали гораздо больше... За нами ухаживали, кормили хорошо...

Послѣ ржи мы молотили овесъ до самой поздней осени, переходя изъ деревни въ деревню...

Это время я всегда вспоминаю съ любовью.

Осень стояла прекрасная... Днемъ солнце грѣло, точно въ маѣ... На небѣ не было ни облачка... Листъ съ принявшихъ осенній уборъ деревьевъ неслышно падалъ... Клены, липы, березы стояли золотыя; рябины и осины—красныя... Паутина, бѣлыми длинными нитями носилась по воздуху, цѣпляясь за растущую по межамъ дикую рябину и за кусты. Озими ярко зеленѣли, какъ бархатъ...

Digitized by Google

Словомъ, была та „короткая, но дивная пора“, когда:

Весь день стоитъ, какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Природа точно улыбалась на прощанье; все глядѣло какъ-то необыкновенно бодро, празднично, весело...

Вставали мы на работу рано и шли на гумно съ фонаремъ. По утрамъ было свѣжо, но тихо и какъ-то таинственно прекрасно... Кругомъ ни звука, точно все давнымъ давно умерло... Темно-синее, далекое и глубокое небо горѣло звѣздами, и тамъ, казалось, было еще тише, еще таинственнѣе, чѣмъ на землѣ.

Придя на мѣсто, мы вѣшали фонарь такъ, чтобы онъ освѣщалъ гумно, и, разложивъ снопы, принимались за работу.

— Буцъ, буцъ, буцъ! — раздавались глухіе удары,—буцъ, буцъ, буцъ!..

— Пріударьте-ка, ребята,
По буланымъ лошадямъ!—

весело, каждый разъ, затягивалъ слегка дрожащимъ голосомъ нашъ добрый, милый „старшой“, дядя Юфимъ.

Чтобы шибче ишли!..

Подхватывали мы, и—„буцъ, буцъ, буцъ! буцъ, буцъ, буцъ!..“ раздавалось сильнѣе...

Digitized by Google

Вскорѣ, однако, намъ пришлось разстаться...

Проходя какъ-то разъ уѣзднымъ городомъ, я получилъ печальное извѣстіе изъ дому, благодаря которому мнѣ необходимо надо было вернуться. Я сообщилъ о своемъ рѣшеніи товарищамъ.

— Какъ же такъ,—сказалъ дядя Юфимъ, глядя на меня удивленными глазами, - а мы-то?.. Не уходи, Павлычъ!..

— Не могу... нельзя ..

— Ахъ ты, Владычица!.. Жили, жили вмѣстѣ... анъ вонъ оно дѣло-то ..

На прощанье мы зашли, конечно, въ трактиръ. Дѣло уже было къ вечеру. Въ трактирѣ, „на черной половинѣ“, было полутемно, гадко, печально. Растрепанный половой подалъ намъ бутылку водки съ обрѣзками противной колбасы на закуску, „двѣ пары“ чаю, баранокъ и отошелъ прочь...

Мы всѣ четверо сидѣли грустные и, молча, поочереди тянули изъ граненаго стаканчика водку.

Когда наконецъ, покончили съ водкой и попили чаю, я сказалъ:

— Ну... прощайте!..

— Прощай, Павлычъ,—отвѣтилъ дядя Юфимъ, моргая глазами.—Прощай, родной... Дай тебѣ Господи... живи по-Божьи...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но только махнулъ рукой и, обнявъ меня, поцѣловалъ. Я по-

Digitized by Google

чувствовалъ, что и у меня къ горлу подступаютъ слезы...

Тереха-Воха, молча, глядѣлъ на меня во всѣ глаза, и въ этихъ прекрасныхъ глазахъ стоялъ туманъ.

— Я тебя провожу чутокъ!—наконецъ, вымолвилъ онъ,—за городъ.

Я еще разъ поцѣловался съ дядей Юфимомъ, съ Малинкинымъ и вмѣстѣ съ Терешкой вышелъ изъ трактира.

Мы оставили городъ и вышли въ поле. Вдали виднѣлось на моей дорогѣ село на горѣ. Солнце низко стояло на горизонтѣ и ударяло намъ въ глаза. Мы остановились.

— Прощай!..

— Прощай, Павлычъ!

Мы три раза крѣпко поцѣловались.

— Дай тебѣ Богъ... Неужели не увидимся николи?..

— Богъ знаетъ... Прощай!..

Съ грустью въ сердцѣ я пошелъ прочь и, отойдя шаговъ пятьдесятъ, оглянулся.

Тереха стоялъ и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, заслонясь рукой отъ солнца... Я махнулъ ему еще разъ фуражкой и торопливо пошелъ по убѣгающей вдаль дорогѣ, навстрѣчу заходящему яркому солнцу...

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google